

**Духовная жизнь мирянина и монаха по
творениям и письмам епископа Игнатия
(Брянчанинова)
игумен Марк (Лозинский)**

Часть I. Духовная жизнь мирянина

Глава I. Епископ Игнатий о состоянии христианства в его время

Положение Церкви и христианства
самое горестное, горестное повсеместно.
Еп. Игнатий.

Епископ Игнатий был невысокого мнения о христианстве своего времени.

Он считал, что христианское общество должно быть соединено в одно духовное тело, иметь один образ мыслей, один дух, одну общую Главу – Христа Спасителя.¹ (ср.: Еф.4:4, 5:23)

Идеалом христианского общества во все века будет первохристианская иерусалимская община, у которой всё было едино (Деян. 2, 44). Когда в обществе усиливается грех, то исчезает это дивное единство, и вместо него появляется чуждая христианскому духу раздробленность, разномыслие и неприязнь.

Епископ Игнатий всей душой любил свою Родину, свой народ и от всей души желал ему всестороннего процветания.

Но когда вопрос касался религиозно-нравственного состояния всего русского общества, то здесь Владыка с болью в сердце всегда признавал, что общество его времени далеко отступило от первохристианских идеалов. Своим духовным взором Святитель видел то, что обычному человеку было не приметно – грех во всём его ужасающем многообразии глубоко проник во все слои общества того времени: от крестьянской избы до царского дворца.

В великосветском обществе ревнитель благочестия видел лицемерие, постоянные интриги, карьеризм и полное безразличие к религии. Среди интеллигенции процветал нигилизм, скептицизм и наряду с ними грубые суеверия. В простом народе Святитель видел крайний недостаток в духовных познаниях, приверженность к форме, суеверия, ослабления вековых христианских устоев, страсть к винопитию,

понижение нравственности, следствием чего всегда бывает отступление от веры.

Высшая иерархия, по весьма осторожному, но меткому замечанию епископа Игнатия, была слаба духом и в духовной жизни имела темные, сбивчивые понятия по букве, которые всегда убивают духовную жизнь. Низшее духовенство было малообразованно и не отличалось ревностью в назидании пасомых. Страсть же к деньгам, по словам епископа Игнатия, «прокралась во все сословия и саны» и заглушила все благие побуждения и священные обязанности».

В 1847 году архимандрит Игнатий, направляясь в Бабайки, посетил многие города, села и монастыри. Результат своих наблюдений за духовной жизнью народа он изложил в одном из писем. «Во время странствования моего я имел возможность довольно подробно взглянуть на землю Израилеву – на Церковь. Что сказать о ней? О ней надо сказать слова пророка... *Бысть пуста весьма* (Иез. 38, 8), – писал о. Игнатий. Не в том смысле были сказаны эти слова, что не встретил архимандрит Игнатий благочестивых людей. Нет. Он сам говорил, что в это путешествие видел людей набожных посреди мира и в монастырях, но эти люди встречались крайне редко. Всюду, и даже среди лучших христиан, он встречал оскудение истинного духовного знания и недостаток правильного духовного руководства.

Беседуя со многими пастырями, истинный ревнитель чистоты православия убедился, что многие из них имеют понятия о христианстве «сбивчивые и темные». «Видим в настоящее время многих, считающих себя христианами и даже учителями Христовой Церкви, – писал он, – из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различать дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела...»

Очень редко пастыри возвещали пасомым истинное Слово Божие и не поучали их регулярно истинам веры и благочестия. От этого всё с большей силой в народе нарастал глад

слышания Слова Божия. Епископ Игнатий, как никто другой, сознавал, сколь велико это бедствие. «Глад слышания Слова Божия, – писал он, – вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан». Почти полное отсутствие духоносных пастырей, оскудение проповеди Слова Божия, уменьшение количества приходских священников, повсеместное охлаждение в вере привело к тому, что многие христиане перестали сознавать себя членами единого мистического тела Христова – Святой Церкви, утратилось знание Истины, и люди стали чуждыми друг другу по духу. «Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, – пишет Владыка, – свою религию, свой путь, принятый произвольно или случайно, признаваемые правильными, или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдению вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится, люди уже более не слышат – так отяжелел слух их – спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви... оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспевания. Прильпе земли душа их, неспособна к восприятию впечатлений духовных».

Духовные бедствия христиан, по словам епископа Игнатия, усугублялись еще и обилием лжеучителей и книг, содержащих душепагубные учения. Сравнивая свое время с временем св. апостолов, епископ Игнатий говорил, что и в те времена было много лжеучителей (см.: 2Пет.2:1; 1Ин.2:18), но «в наше время число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение». Проповедь лжеучителей имела немалый успех – многие члены Церкви совращались в раскол и различные секты.

Видя всеобщее ослабление в вере, Владыка, как истинный сын Церкви Христовой, очень скорбел, но он понимал, что рукой невозможно остановить течение реки. Зная из Священного Писания, что наступят времена всеобщего отступления (см.: 2Фес.2:3) от веры, он не предвидел восстановления Церкви в

Ее древней красоте и предполагал, что всему церковному зданию предстоит еще «поколебаться страшно и быстро».

Сознавая истинное положение христианства, преосвященный Игнатий не приходил в уныние. Его твердая вера говорила ему, что необходимо предаваться воле Божией и в самых попущениях Божиих и даже благоговеть пред ними. Он неоднократно говорил о том, что нужно видеть и понимать истинное положение вещей, но не осуждать тех, кто сбился с истинного пути, и с большим вниманием заботиться о своем спасении. «Очевидно, – писал он, – что христианство – этот таинственный духовный дар человекам, – удаляется неприметным образом для невнимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегающим этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутыми актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении».

Как ни трудны были времена епископа Игнатия для христианства, но он сознавал и неоднократно писал об этом, что как в его время, так и во все времена Господь дарует возможность спасения тем, кто всей душой ищет спасения. Он видел вокруг себя многих избранных, которые слышали глас истинного Пастыря – Христа Спасителя – и шли на Его голос (см.: Ин.10:27). Правда, им приходилось, по словам Святителя, пробиваться «с величайшим усилием и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую. В сравнении с людьми, избравшими широкий, но пагубный путь жизни, число идущих по узкому трудному пути, ведущему в жизнь вечную, было невелико, но, – пишет епископ Игнатий, – Господь ободряет их: *Не бойся, – говорит Он (Господь), – малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство* (Лк. 12:32).

В своем взгляде на положение Церкви епископ Игнатий был не одинок. Лучшие представители духовного мира того времени также видели такие недуги, которым было подвержено христианское общество. Подвижник Никифоровской пустыни старец Исаия в откровенной беседе однажды сказал

архимандриту Игнатию: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено, в частности, спасаться людям, желающим спастись».

Сознавая внешние и внутренние трудности своего времени, епископ Игнатий из опыта собственной жизни видел, что при почти полном оскудении духоносных наставников единственными руководителями в духовной жизни для христиан остаются на все времена творения святых отцов.

Написанием, а затем изданием своих сочинений, преисполненных святоотеческим духом и имеющих практическую цель – помочь христианам на трудном пути духовного совершенствования, епископ Игнатий показал свой оптимистический взгляд на будущие времена.

Несмотря на все трудности окружавшей его жизни, он видел перед собой многих истинных христиан; многих из них он сам воспитал и направил по истинному спасительному пути, и, несомненно, Святитель верил, что и в будущие времена найдутся люди, которым его творения послужат.

Глава II. Взгляд епископа Игнатия на земную жизнь человека как на приготовление к жизни вечной

Жизнь земную должно проводить
в приготовлении к вечности.
Еп. Игнатий.

Епископ Игнатий своим богопросвещенным духом в течение всей жизни реально ощущал суетность и краткость земной жизни.

Человек был создан Богом для вечности: это ощущение вечности осталось в душе каждого человека и после грехопадения прародителей. Но оно извращено грехом – человек, несмотря на то, что видит почти ежедневно, как умирают окружающие его люди, почти всегда считает себя вечным жителем земли. То, что бессмертна его душа, а не тело, часто ускользает из поврежденного грехом человеческого разума.

Только люди, очищающие свою душу от греховной скверны и деятельно исполняющие в своей жизни евангельские заповеди, со временем получают *ум Христов* (см.: 1Кор.2:16) – способность смотреть на всё с духовной точки зрения. Духовным разумом они постигают кратковременность своей жизни и истинное назначение человека на земле.

Сам епископ Игнатий весьма рано понял суетность всего земного. В годы учения в Петербурге непрестанный молитвенный подвиг и чтение творений святых отцов открыли духовные очи юного богоискателя, и он увидел, что «все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети... Не стоит видимый мир, чтоб служить ему и им заниматься! Чем он награждает слуг своих? Сперва игрушками, потом гробом, тлением, темною неизвестностью будущности...»² Когда юноша понял всё это, он решил всю свою земную жизнь посвятить познанию и усвоению Христа, Который Один дарует человеку вечное счастье.

Вся последующая жизнь владыки Игнатия утвердила в нём познание той истины, что краткая земная жизнь дана каждому человеку для того, чтобы приготовить себя к вечной небесной жизни.

Любвеобильный архипастырь считал, что «истинная любовь желает ближнему истинных благ...» (и) «это желание необходимо отнести к благам вечным». Поэтому он письменно и устно стремился напоминать всем, кто внимал его словам, что каждый человек должен жить на земле для неба. Особенно часто об этом Святитель писал в своих письмах.

Когда Владыка касался вопроса о земной жизни человека, он часто прибегал ко многим сравнениям из видимой природы. Земную жизнь епископ Игнатий очень любил сравнивать с морем.³ Как море иногда бывает спокойно, чисто, как зеркало, чаще же оно встревожено бурей, покрыто мутными волнами с седой пеною, так и в жизни каждого человека тишина сменяется бурей. Опытный мореплаватель умеет в безбрежном море направлять свой корабль по звездам и достигает пристани. Пловец житейского моря будет блажен, если он часто устремляется взором к небу и «по светилам небесным... направляет путь свой, не унывая при бурях, не доверяя и тишине моря: оно так изменчиво». Духовным небом для христианина, по словам Владыки, является учение Христово: взор, для которого доступно это небо, – вера. Писания святых отцов на небе духовном сияют подобно звездам, и, руководствуясь ими, христианин достигает желанной пристани – вечного блаженства.

Основными свойствами земной жизни, по словам Преосвященного, являются краткость, постоянная изменчивость и суетность. На склоне лет Святитель писал своему другу схимонаху Михаилу: «Не начинаем жить, а оканчиваем земную жизнь. Довольно нагляделись на всё земное: кажется, надо бы научиться и твердо знать, что всё земное превратно, что всякая горечь и радость, земные минуты, яко сон обманчивый проходят и не возвращаются». Однажды Владыка размышлял о краткости земной жизни человека. Его духовному взору представилось, что не только прожитая жизнь, но и

предстоящая уже прошла. Он видел, что сколько бы еще не прожил на земле – ничего нового он не увидит. Те же добродетели и те же пороки будут являться в мире. «Точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, неприметная, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их». Два года жизни и сто лет одинаково ничтожны в сравнении с вечностью. Если коротка прошедшая жизнь, коротка и будущая, то для чего же тогда жизнь? Поставив этот вопрос, сам Святитель отвечает на него, что земная жизнь – путь к вечности, которым надо воспользоваться, но на котором не надо заглядываться в стороны. Этот путь надо совершать умом и сердцем – не числом дней и годов.

О суетности земной жизни инок-затворник писал в 1847 году из Николо-Бабаевского монастыря своей сестре Елизавете Александровне: «Путь земной жизни скорбен; когда человек совершит значительную часть его и оглянется назад, то как окажется суетным всё приятное земное, к которому он стремился с такою жадностью в юности своей! Не потеряем, по крайней мере, остальную часть жизни нашей принесением оной в жертву суете».

Земную жизнь преосвященный Игнатий нередко сравнивал с длинным и дальним путем, а человека – со странником, который шествует по этому пути. «Земная жизнь наша – путь, – писал он, – только измеряется путь этот не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события, и неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день».

Путник, идущий в далекий, но дорогой для него город, старается нигде не задерживаться на пути. Если необходимость заставляет его остановиться в гостинице, то ничто в ней не привлекает его внимания. Остановившись в ней на краткое время и уплатив гостиннику, что требовалось за ночлег, путник опять спешит к своей намеченной цели. Ни к чему на пути не прилепляется он душой, потому что знает, что любая привязанность может отвлечь от цели пути или, по крайней

мере, задержит его и увеличит время его разлуки с родным городом.

Христианин должен быть подобен этому благоразумному путнику. Его земное шествие должно иметь одну цель – достижение вечного небесного града, и ничто земное не должно отвлекать его от этой цели. В небесный град ведет путь узкий и тесный (см.: Много в жизни широких путей, и большинство людей идут ими, но они не приводят к небесным обителям. «Уклонитесь от пути широкого, – взывает ко всем христианам богомудрый Святитель, – по которому почти все шествуют! Изберите для себя путь узкий и прискорбный, ведущий в Царство Небесное (см.: Мф.7:13–14; Деян.14:22)! Возлюбите скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! Возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл, спасающий вас... проложил стезю для земного вашего странствования!»

Хочет или не хочет земной странник, а путь его жизни непрестанно сокращается, приближая его к вратам вечности – смерти. Человек, прилепившийся всей душой своей к земле, – не замечает своего приближения к гробу, обольщает себя долгой жизнью, ему кажется, что он как бы остановился на своем жизненном пути. «Случается, – пишет епископ Игнатий, – человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам; ему кажется, шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем – не останавливаемся ни на минуту».⁴

Подобно мореплавателю, путник, странствующий в продолжительной тьме ночной может легко заблудиться; на пути у него могут встретиться многие неожиданности. У каждого земного странника неожиданностями, скорбями и искушениями исполнена вся жизнь. Чтобы жизненные трудности не отвратили шествие христианина к горнему граду, он должен иметь твердую веру в Бога, Который руководит каждым человеком, очищает, приготовляет его скорбями к вечной жизни и дает силы для несения их. Вера – это светильник, который должен освещать весь путь человеческой жизни. Лишь имея этот светильник, человек может уверенно пройти всё поприще земной жизни и перейти в вечность к бесконечному Свету – Богу.

Своей сестре Александре Александровне, находившейся в очень трудных жизненных обстоятельствах (вдовство, тяжелая болезнь, одиночество), Епископ писал: «Что человек на земле? Путник. Что такое смерть? – Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. – Продолжительно странствуя... посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры, мы достигаем, наконец, до той грани, которую отделяются свет от тьмы».

Вся земная жизнь христианина, по справедливому замечанию епископа Игнатия, должна быть школой приготовления к вечности. Для преуспевания в любой науке нужно хорошо изучать ее, в противном случае наука останется для каждого человека недоступной. Вечность видимо отдалается для каждого человека в бесконечную даль, если он не рассматривает, не изучает её, не готовится к ней. «Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в сравнении с вечностью – ничего не значущее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живем, как бессмертные, мысль о смерти вечно ускользает от нас, делается совершенно чуждою», – свидетельствует епископ Игнатий.

Чтобы человек мог правильно взглянуть на свою земную жизнь и отдать предпочтение высшей, ему нужно хотя бы на время оставить земную суету, придти в себя и, если можно, уединиться, и в уединении отдаться молитве и чтению Слова Божия. В уединении «ухо безмолвника услышит дивное», а Слово Божие возвестит ему о вечном Отечестве. «Если мы не будем внимать Слову Божию, – предостерегал Владыка, – то легко можем обмануться, счесть землю своим вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно предстать в вечность по призыву Всесильного Бога, между тем как занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, т.е. для вечного блаженства». Епископ Игнатий считал, что и пустыня, и безмолвие, и монастырь, и душеназидательная беседа, и духовный совет, чтение Священного Писания и святых отцов, и

молитва – всё это ведет человека к познанию вечности и приготавливает к ней.

Люди, всецело погрузившиеся в суету повседневной жизни и только сохранившие одно имя христиан, совершенно не помышляют и не готовят себя к вечной жизни, иные же и вообще не верят в загробное бытие.

Рассуждая о земной и будущей жизни, владыка Игнатий приводит слова святого мученика Тивуртия, в которых прекрасно отображен взгляд плотского и духовного разума на временную и вечную жизнь. О земной жизни мученик сказал: «Мнится быти и несть». «Точно, – пишет Святитель, – она будто и пред глазами и в руках, и всё ускользает». О будущей жизни мученик Тивуртий сказал: «Мнится не быти, и есть». «Точно, – продолжает Владыка, – когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующей. Но нет! Не видать, как наступит, и наступит непременно. Блаженны те, которых Бог приготавливает к вечности болезнями и другими скорбями».

Своим друзьям заботливый Архипастырь часто напоминал, что земная жизнь не имеет цены по сравнению с вечной; она дана человеку для приготовления к переходу в вечность. Христианин не должен терять времени, потому что смерть может подкрасться не приметно и восхитить душу неподготовленной к суду Божию. Неоднократно Владыка в письмах к друзьям, находившимся на одре болезни, от всей души молитвенно желал им выздоровления – для того, чтобы еще пожив на земле, они могли лучше подготовиться к вечности. Художнику К.П. Брюллову архимандрит Игнатий писал: «Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы вам пожить, пожить для того, чтобы ближе ознакомиться с вечностью, чтобы пред вступлением в нее стяжать для души вашей красоту небесную...»

Оканчивая путь своей земной жизни, тяжело болея, старец-страдалец просил своего брата Петра Александровича передать усердный поклон болящей С.И. При этом он писал: «Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же

причине, по которой нужна и мне, – для приготовления к вечности». То, чего желал Владыка другим, к тому же и сам стремился всегда – к приготовлению к вечной жизни.

В чём же должно заключаться приготовление христианина к вечности?

Приготовление к вечности есть, по убеждению епископа Игнатия, целожизненный подвиг познания Христа и следования за Ним. Из Николо-Бабаевского монастыря архимандрит Игнатий писал в 1847 году: «Гляжу из уединения моего на шумящий и мутящийся мир, – говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во время кратковременной земной жизни – доколе наша черда зеленеет – познание Христа, Который и Податель вечной, блаженной жизни и путь к этой жизни». К одному из своих знакомых, исцелевшему от смертной болезни, епископ Игнатий писал, что, оставаясь жить на земле, он должен жить не для себя, а для Бога. Кто живет для Бога, тот исполняет Его святую волю; живущий же для себя исполняет в этой жизни лишь свои пожелания. Живущий для Бога, по словам Владыки, «не умирает». Телесная смерть для него есть переход к настоящей жизни. «Блюди! – предостерегает Святитель исцелевшего, – чтоб не ожить для себя! Жизнью о Господе умерщвляй жизнь свою, греховную, плотскую и душевную, и тем сохрани себя в живот вечный».

Жизнь христианина, путника в небесный Иерусалим, должна быть теснейшим образом соединена со Христом. Единство со Христом во всей полноте может ощущать лишь тот, кто принадлежит к Телу Христову – Его Святой Церкви, исполняет Его святые заповеди и всецело предает свою жизнь в волю Божию. Такой человек, живя на земле, мужественно переносит все ее трудности, ибо он сраспинается Христу, спогребается с Ним и совоскресает с Господом для жизни вечной. «Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю вам и себе: почему произношу вместе с вами сию истинную, исполненную духовного разума, утешительную молитву: «Господи! Совершай

над нами волю Твою, и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единого у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления».

Каждый христианин знает, что если он с терпением и без ропота переносит все испытания в своей земной жизни, то в будущем его ждет вечная радость, вечное блаженство. Но не только в будущей жизни истинный христианин будет блаженствовать, он уже здесь на земле нередко ощущает в душе своей радость, покой и несказанную тишину – эти дивные предначатия райского блаженства.

Добродетельная жизнь, основанная на евангельских заповедях, делает христианина уже на земле причастником неба. Только тот, кто в земной жизни сделал себя способным жизнью во Христе к восприятию начатков небесной радости, будет сопричтен к ней в бесконечно большей степени на небе. «Земля – страна плача: небо – страна веселия, – пишет епископ Игнатий, – но небесное веселие вырастает от семян, посеянных на земле». Семена эти: молитва, слезы, покаяние и прочие христианские добродетели.

Из опыта своей жизни Владыка знал, какое обильное утешение ниспосылает по временам Господь в души, обуреваемые многими скорбями, но неуклонно стремящиеся к небу. Побуждая одного из своих знакомых готовиться к вечности, он писал: «Быстро, быстро промчится время, и наступит и для вас час переселения в вечность. Употребите земные дни для приготовления к ней. Вы видели в супруге вашей, как хорошо приготовляться к вечности. Сие приготовление растворяет даже здешние скорби утешением, и тем доказывается, что это приготовление есть приготовление к блаженству».

Не только радость и утешение переживает истинный христианин в своей земной жизни, но он становится и подлинно счастливым. Все земные радости, как скоропроходящие, не могут сделать человека подлинно счастливым, и только жизнь для Бога и в Боге дарует человеку счастье, которое имеет начало на земле, и конец его растворяется в блаженной вечности. «Искренне говорю тебе: ты счастлива, – писал

Владыка своей сестре, избравшей в удел свой Бога, – потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастье не во временном и земном, но в Божественном и вечном».

Земная жизнь христианина преисполнена духовного утешения даже среди многих искушений и скорбей. Когда же приближается час его разлучения с телом и преселения в вечность; он полон надежды на милосердие Божие. Христианин, хотя и ощущает страх смерти, но это чувство умалется в нём верой во Христа, сказавшего: *где Я, там и слуга Мой будет*(Ин.12:26) – в блаженных селениях рая.

Человек же, который не познал Христа и не жил на земле для вечности, ощущает в час смерти трепет и ужас. Он видит, что всё земное поневоле оставляется им, а к небесному блаженству он не предуготовил свою душу. У него нет ни веры, ни надежды на Бога – источника вечного блаженства, и поэтому уже в час смерти уделом его становится отчаяние и мука, которые в полноте вкусит он после смерти в пропастях ада. «К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, слугитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а слугитель Божий впереди видит благонадежное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведенную жизнь, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу».⁵

Только тот человек, который усвоил себе правильный взгляд на земную и вечную жизнь, сможет стать истинным христианином – наследником вечных благ. Свою земную жизнь он не промотает в поисках призрачного земного счастья, но на пути следования в вечность употребит свои силы на благоугождение Богу, совершение дел любви ближним и на искоренение греха и порока из своего сердца.

Глава III. Учение епископа Игнатия о спасении и совершенстве

Спасение заключается в возобновлении общения с Богом...

Совершенство – это осязательное и явное обновление христианина

Святым Духом...

Еп. Игнатий.

Вопросу спасения епископ Игнатий уделял очень большое внимание. Спасение было для Владыки не теоретической проблемой, а практической целью всей его жизни.

Богомудрый архипастырь справедливо считал, что каждый христианин должен иметь ясное понятие о том, в чём заключается спасение. Он очень часто встречал людей, желающих спастись и много говоривших о спасении, но если конкретно спрашивал их, в чём состоит спасение, то большинство христиан не могло ответить на этот вопрос.⁶

Незнание этой основной христианской истины, по справедливому убеждению Владыки, придает всей деятельности человека неопределенность. «Во всяком деле, – говорит архипастырь, – начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения: для получения желаемого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение».

Прежде чем ответить на вопрос – в чём состоит спасение христианина, Владыка считал нужным выяснить, в чём состоит наша погибель? В разрешении этого вопроса он строго следует святоотеческому пониманию.

Всё человечество с момента грехопадения прародителей произвольно вступило в подчинение отверженных духов и утратило общение с Богом. «Мы лишились общения с Богом в самом корне и источнике нашем: в наших праотцах, при посредстве их произвольного согрешения», – пишет епископ Игнатий.⁷

Произвольно лишив себя грехопадением непосредственного Богообщения, первые люди повредили всё свое существо грехом и из бессмертных стали смертными.

Первый человек передал свою греховность и смертность всему человечеству (см.: Рим.5:12). «Адам, сотворенный по всесвятomu Образу и Подобию Божию, долженствовавший произвести соответствующее потомство, осквернив Образ, уничтожил Подобие, произвел потомство, соответствующее оскверненному образу, уничтоженному подобию».⁸

Все люди, унаследовав от Адама его греховность, находятся в состоянии гибели и отчуждения от Бога.

Всеблагий Бог, по Своей неизреченной любви к падшему человечеству, по истечении предопределенного Им времени опять призвал человека в общение с Собою. Это было совершено, по словам Владыки, «при посредстве самого чудного, непостижимого способа».⁹ Второе лицо Святой Троицы Бог Сын сошел на землю и воплотился от Духа Святого и Девы Марии и стал всесовершенным Человеком, оставаясь в то же время всесовершенным Богом. «Он... заченившись во утробе Пресвятой Девы действием Всесвятого Духа, устранил от Себя обыкновенное человеческое зачатие от семени мужского, зачатие, сообщавшее всем человекам заразу греховную», стал вторым Адамом – непорочным Человеком, каким был создан праотец.¹⁰ Христос Спаситель принял на Себя все грехи людские и Своими вольными Голгофскими страданиями и смертью искупил – спас – всё человечество от греха, проклятия и смерти. Епископ Игнатий пишет: «Богочеловек заменил Собою пред Богом и весь мир, и каждого человека. Добродетели... падшего человеческого естества утратили по вочеловечении Бога значение: они заменены великим делом Божиим – верою **в Того, Его же послал Бог** (Ин. 6, 29). В этом великом деле Божиим заключается и спасение...»¹¹

Иисус Христос всем, кто уверовал в Него как в своего Икупителя и живет по Его всесвятым заповедям, возвращает утерянное райское блаженство и освобождает от насильственной власти сил ада.

Спасти́сь, по словам Владыки Игнатия, значит «усвоить себя Искупителю, пребывать в этом усвоении во время всей земной жизни, а по смерти, по причине такого усвоения Искупителю, перенестись душою в селение блаженных духов, с ними наслаждаться святым наслаждением в ожидании всеобщего воскресения мертвых: потом, при воскресении мертвых соединиться с телом, которое оживит Господь, сделает нетленным, а с телом наследовать сугубое, вечное блаженство».¹²

В одной из своих проповедей епископ Игнатий перечисляет, при каких условиях человек может усвоиться Христу и получить спасение. Прежде всего – вера в Иисуса Христа и крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крещение запечатлевает – с миропомазанием. Затем покаяние в грехах, совершенных после крещения. Постоянное усвоение Господу поддерживается причащением Его Пречистого Тела и Крови и жизнью по Его заповедям.¹³

Вера и крещение – первое условие спасения человека. В Священном Писании прямо сказано: *Иже веру ѹмет и крестится, спасен будет: а иже не ѹмет веры, осужден будет*(Мк. 16, 16).

Все же остальные условия – покаяние, причащение и жизнь по заповедям Христовым – возможны только в лоне Церкви Христовой. Другими словами, чтобы унаследовать спасение, нужно уверовать во Христа и чрез крещение стать членом Церкви Христовой и быть деятельным участником Ее (церковной) жизни.

«...Для желающих спасти́сь... необходимо, – пишет преосвященный Игнатий, – чтоб он правильно веровал в Бога, принадлежал Православной Церкви, в недре Ее был крещен, миропомазан, очищен от грехов покаянием, приобщался святых Христовых Таин... и соблюдал заповеди Божии».¹⁴

Рассмотрим теперь, что пишет епископ Игнатий об этих двух основных условиях спасения – вере и принадлежности Церкви Христовой.

1. Условия спасения: вера и принадлежность к Православной Церкви

Веру Владыка сравнивает с оком, которым одним человеческий ум может увидеть святую Истину.

Живая вера в Бога есть дар Божий, и дается он тем, кто всей душой будет искать в жизни истину и возжаждет познать Христа. Вера заключается в том, чтобы принять всецело учение о Боге – христианство, открытое Самим Богом. Христианство есть учение божественное, богооткровенное, оно превосходит человеческий разум и поэтому не может быть принято иначе, как сердечным чувством – верой.¹⁵ Истинная христианская вера «есть дело Божие столь обширное», что обнимает всю жизнь человека, всё его существо, ею совершается спасение христиан. Вера должна проникать во все мысли и чувства человека, во всю его деятельность. *Веруй в Мя* (такую верою, – говорит Владыка), – *имать живот вечный* (Ин. 6, 47). Только руководствуясь живой верой, человек может познать Бога, умереть для греховного мира, посвятить себя всецело делам благочестия и сделаться учеником и последователем Иисуса Христа. «Сильна вера во Христа исповедующих Его Христом...»¹⁶; лишь тот, кто уверовал во Христа, становится истинно счастливым человеком, потому что Спасителю можно с благодушием и радостью вверить свою настоящую и будущую жизнь. Никакое внешнее благополучие не может на земле сделать человека истинно счастливым. «Источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует христианину – вера...» «Вера не во Христа, а в человека, в его разум, – по словам святителя Игнатия, – полна плодов скудных». Такая вера не может даже называться верою, а есть суеверие, от которого рождается вечная погибель. Такую верою идолопоклонники верят в своих кумиров, мусульмане в лжепророка Магомета, еретики в богохульные догматы и в своих ересиархов, «такая вера осуждена Богом», и она не может удовлетворять возвышенные запросы человеческой души.

Человек, имеющий в своем сердце истинную веру во Христа, спокойно плывет по волнам житейского моря, ибо он

знает, что твердая вера во Христа не бывает посрамлена. «Душа моя! Плыви бестрепетно по волнам житейского моря, не доверяйся тишине его, не страшись бурь его... Веруй! Плыви, несись по волнам!..

Где вера, там нет ни печали, ни страха, там мужество и твердость, ничем неодолимая», – такими вдохновенными словами святитель-поэт говорит о вере.

Вера во Христа возвышает человека, отрывает от плотяных интересов и возносит «превыше мира». Только в вере человек находит успокоение для своей души и побеждает «мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных».

Чтобы унаследовать вечную блаженную жизнь и еще в этой земной жизни насладиться предощущением благ небесных, христианин должен иметь веру твердую, а не колеблющуюся. Чтобы иметь твердую веру, нужно просить ее у Подателя всех благ Иисуса Христа словами святых апостолов: *Господи, приложи нам веру (Лк. 17, 5)*. Утверждению веры, по опыту адаманта веры – епископа Игнатия, – немало способствует и изучение веры Христовой и всего, что ведет к точному познанию Христова учения.

Духовным чертогом, в котором хранится истинная, спасительная вера, по твердому убеждению Владыки, является Святая Православная Церковь. Она одна во всей чистоте от времен святых апостолов хранит веру и преподает это величайшее сокровище всем своим членам. Чтобы спастись, недостаточно иметь веру во Христа, нужна еще и принадлежность к Православной Церкви, о Которой Христос Спаситель сказал: *Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18)*.

Со дня Пятидесятницы Св. Церковь является обладательницей истины. Все, кто принадлежит к Церкви и повинуются Ей, могут почерпать от Нее правильный образ мыслей о Боге, о человеке, о добре, о зле, следовательно, и о спасении.¹⁷

В Церкви преемственно от святых апостолов сохраняется благодатная иерархия. Только Таинства, совершаемые законно

поставленным благодатным епископом или пресвитером, могут оказывать возрождающее действие на душу человека и служат ему во спасение.

Православная Церковь одна во всей полноте хранит Предание и может научить своих членов, как безбедно шествовать по пути спасения. «Возжен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви – учение Святого Духа, – писал преосвященный Игнатий, – не устремляйте взоров ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение, прочие пути ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, спасены будут только **подвизающиеся законно** (ср.: 2Тим.2:5) Истинный законный подвиг – во Христе Иисусе и Святом Духе, в ограде Восточной Церкви».

2. Совершенство – высшая ступень состояния спасения

Основываясь на евангельском повествовании о богатом юноше, вопрошавшем Господа, что он должен делать, чтобы получить вечную жизнь (Мф.19:16–22), епископ Игнатий считал, что есть два блаженных состояния, которых может достигнуть христианин: состояние спасения и состояние совершенства.¹⁸

В Евангелии говорится, что Христос Спаситель ответил вопрошавшему Его юноше, что для получения вечной жизни необходимо соблюдать заповеди и перечислил их. Когда же юноша ответил, что все эти заповеди он исполняет от юности своей, и спросил, что еще недостает ему, Господь возвестил ему: *Аще хочеши совершен быти, иди продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене, взем крест свой* (Мф. 19:20–21 и Мк. 10, 21). На основании этих слов епископ Игнатий делает вывод, что «спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира; для снискания совершенства требуется предварительное отрешение от мира. Спасение необходимо для всех; снисkanie совершенства предоставлено произволяющим».¹⁹ На христианское совершенство епископ Игнатий смотрел как на

высочайшую ступень возвышения, к которой бывают способны немногие.

В поучении «в тридесатую неделю» Святитель, разъяснив народу, в чём заключается совершенство, сказал, что пред этим вопросом удобнее молчать, чем говорить: «удобнее плач, чем витийство». Как нищий, облеченный в жалкие рубища, не может знать, что творится в великолепных чертогах, так и человек, связанный мирскими попечениями, не имеет полного представления, в чём состоит христианское совершенство. «...Нам, братия, – говорит архипастырь, – связанным мирскими попечениями и обязанностями, гораздо вернее позаботиться о нашем спасении, тщательно исполняя заповеди Божии, нежели мечтать и мудрствовать о христианском совершенстве...», ибо «путь к совершенству для большинства людей недоступен и непостижим»²⁰. Спасаящимся нужно постоянно раздавать милостыню, а тем, кто решил встать на путь, ведущий к совершенству, нужно сразу же продать всё свое имение и все деньги, полученные за него, «с большой поспешностью»²¹ раздать нуждающимся и последовать за Христом, взяв свой крест. Взять крест свой – значит, по объяснению Святителя, отвергнуться от самого себя, с верою и любовью переносить все жизненные скорби, лишения и гонения, распяв при этом свою плоть с ее страстями и похотями.²²

Для христианина, стремящегося к совершенству, мало раздать всё имение и взять свой крест, нужно еще и последовать за Христом. Последовать Христу – значит жить на земле единственно для неба, подражая в этом Богочеловеку.²³ Отречение от мира, взятие креста своего и последование за Христом Спасителем – вот что ведет к христианскому совершенству, но не есть еще само совершенство. В одном из писем к своему другу С.Д. Нечаеву архимандрит Игнатий приводит слова святого Макария Египетского, который сказал, что «тот, кто расточил имение, оставил всё приятное земное, уединился в пустыню, – еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, – неизвестно, достигнет ли цели».

Совершенство, по определению епископа Игнатия, есть «...ощутительное и явное обновление христианина Святым Духом, могущее совершиться только над тем, кто умер для греха и для мира на кресте Христовом».²⁴ Тот, кто сподобился достичь совершенства, обновляется Духом, и «делается Богоносцем», «храмом Божиим и священником», который священнодействует в этом храме и поклоняется Богу Духом и Истиною (см.: Ин.4:23).²⁵

Как и спасение, совершенство есть дар Божий, а не плод человеческих усилий. Своими усилиями – трудами и подвигами – человек лишь доказывает свое искреннее желание получить этот высочайший дар.

Кто же сподобился достичь этого блаженного состояния? Епископ Игнатий считает, что его сподоблялись все святые: в первенствующей Церкви – святые апостолы, мученики, сонм святителей, аскеты, и «после – монахи».

Преосвященный никогда не утверждал, что совершенство – это блаженный удел лишь одних монахов. Нет, из творений Владыки можно заключить, что он считал, что как для мирянина, так и для монаха христианский идеал один. Мирянин, как и монах, в одинаковой степени должен исполнять все заповеди Христовы и неуклонно шествовать по лестнице нравственного совершенства, монах от мирянина отличается только нестяжанием и девством или непорочным вдовством. Мирянин, – пишет епископ Игнатий, – «обязан соблюдать все заповеди Христовы наравне с монахом».²⁶

Единство идеала Христова делает возможным как мирянину, так и монаху достигать высоты христианского совершенства. Святая Церковь в сонме своих святых имеет мужей, жен, которые жили в миру и достигли совершенства. Однако так как непременным условием к достижению совершенства есть нестяжание и отречение от мира ²⁷, то естественно, что монашествующим, дающим эти обеты при пострижении, практически легче приблизиться к пути, который ведет к совершенству, чем мирянину, живущему посреди мира и обремененному многими житейскими попечениями.

Само по себе монашество не есть еще христианское совершенство, но вся монашеская жизнь, непременным условием которой должно быть безбрачие, нестяжание, послушание, пост, бдение, деятельная любовь, составляет путь к достижению совершенства.

Монашеский чин доставил Церкви Христовой бесчисленный лик мужей, достигших совершенства и причисленных к сонму святых. Из них епископ Игнатий указывает прежде всего на знаменитых архипастырей: святых Иоанна Златоуста, Василия Великого, Епифания Кипрского, Алексия и Филиппа Московских. Из монашествующих, не имеющих епископского сана, но просиявших светом своего совершенства, епископ Игнатий указывает на святых: Антония Великого, Иоанна Дамаскина, Сергия Радонежского и подвижника 19-го века Георгия Затворника. Имея в виду упомянутых монахов – столпов Церкви Христовой, светильников совершенства, епископ Игнатий пишет: «Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без него и спасение с самою верою легко может утратиться».

На основании всего изложенного можно сделать следующий вывод: христианское совершенство есть как бы высшая ступень блаженного состояния спасения. Все христиане призваны не только ко спасению, но и к совершенству, но практически встать на путь совершенства легче монашествующим.

Спасение и его высшая степень – совершенство – основная тема всех сочинений епископа Игнатия. О чём бы ни писал Владыка – о покаянии, молитве, любви к Богу, ближним или о многих других христианских добродетелях, – основной целью его было – призвать всех ко спасению, а преуспевающим указать правильный путь к совершенству.

* * *

Чтобы христианину вступить на путь спасения, а со временем достигнуть и совершенства, ему нужно оставить плотскую греховную жизнь и вступить на путь духовной жизни.

«Духовная жизнь» – наименование собирательное, оно в общепринятом понимании обозначает жизнь, ведущую человека к Богу, жизнь, направленную для «усвоения» человека Богу.

Понятия епископа Игнатия о духовной жизни были глубоки и возвышенны.

Основываясь на Священном Писании и учении святых отцов, он считал, что человек может находиться в трех состояниях: плотском, душевном и духовном (или: страстном, пристрастном и бесстрастном). Человек, находящийся в плотском состоянии, всецело предан временному миру, он и живет для земли, и не помышляет о жизни вечной.

Христианин, живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, но еще обуреваемый страстями, находится в душевном состоянии.

Духовного состояния достигает тот, кто преуспел в добродетелях, искоренил, в возможной для человека степени, страсти и сподобился обновления от Святого Духа. Достигшие духовного состояния, по мнению Владыки, могут быть названы *светом мира и солью земли* (Мф. 5; 13–14).

Когда человек достигает духовности, душевность и телесность (плотность) не исчезают в нём. Духовность может возобладать в человеке, господствовать в нём и подчинить себе душевность и телесность, которые не уничтожаются в человеке совершенно, а как бы замирают.

Признавая, что человек может находиться в трех состояниях, епископ Игнатий понимал душевное и духовное состояние более возвышенно, чем большинство его современников и последующих духовных писателей. То, что большинство духовных писателей относят к духовной жизни (молитву, деятельное изучение Евангелия, творений святых отцов и т.д.), у Владыки Игнатия называется лишь душевной. Считая, что совершенной духовной жизни достигает лишь тот, кто сподобился обновления от Святого Духа, епископ Игнатий в своих трудах часто вместо слова «духовный» (в обычном понимании), употребляет слово «душевный».

В данной работе слово «духовный» будет употребляться в общепринятом значении этого слова.

В последующих главах будет изложено учение епископа Игнатия об основах духовной жизни христианина.

ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ *(главы IV-XI)*

Глава IV. Изучение евангелия

Евангелие – всесвятая книга,
закрывающая в себе слова,
произнесенные к людям
Самим воплотившимся Богом.
Еп. Игнатий.

Христос Спаситель, придя на землю, возвестил человечеству, как должен жить человек на земле, чтобы быть достойным неба.

Это явное откровение воли Божией о человеке было возведено Спасителем человеку в Его Божественном учении. Учение Христа запечатлелось в святом Евангелии. Каждый, кто хочет узнать волю Божию, должен приступить к Евангелию – этой вечной Книге жизни, и в ней найдет он истину, следуя которой, может унаследовать блаженство. Истина – Христос. «Христос, – говорит священномученик Петр Дамаскин, – сокровен в Евангелии; желающий найти Христа может найти Его в Евангелии».

Христос Спаситель всегда таинственно присутствует в Своем Евангелии; Евангелие есть тот прекрасный сад, в котором может найти Христа Мария – верная, ищущая Бога душа. «Кажется, – пишет святитель Игнатий, – достаточно прочитать одну главу Евангелия, чтобы познать говорящего в нём Бога»²⁸.

Православная Церковь с глубоким благоговением относится к Святому Евангелию. В храме Евангелие всегда находится на престоле и символизирует присутствие на нём Самого Христа. Всенародно читать в храме Евангелие могут только священнослужители, и, когда читается Евангелие, все внимают ему, как говорящему Христу. Когда Евангелие выносят из алтаря, впереди обязательно несут зажженную свечу. После прочтения Евангелие полагается на аналое посреди храма, и все православные христиане, преклонив колена пред ним, как пред Словом Божиим, со страхом и любовью лобызают его.

Епископ Игнатий считал, что Евангелие есть основа духовной жизни христианина, им должен он проверять правильность своей духовной жизни – своего шествия по лестнице духовного совершенствования. Каждый христианин должен внимательно слушать Слово Божие, когда оно читается в храме. Кроме этого, дома ежедневно христианин должен питать свою душу чтением Евангелия.

Епископ Игнатий подробно учит о том, с каким чувством нужно читать Евангелие, чтобы извлечь из этого чтения назидание для своей души. «Раскрыв для чтения книгу – Святое Евангелие, – пишет он, – вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы, и, смотря по тому, каковы были здесь на земле по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство или вечные казни» (Ин. 12, 48).²⁹

Приступая к чтению Книги жизни, нужно предварительно вознести молитву к Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона, при этом нужно смирить свой гордый ум и успокоить все свои мятущиеся чувства, ибо Евангелие, по словам Владыки, «допускает к себе одних смиренных».³⁰

Читать Евангелие нужно вдумчиво, с благоговением и вниманием, потому что «каждая йота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти».³¹ При чтении Евангелия нельзя искать наслаждений, восторгов или блестящих мыслей, это может привести к ложному пути.

Евангелие – не простая книга, при чтении которой читатель обычно является посторонним зрителем повествуемых в ней событий. Нет, при чтении Евангелия всё сказанное в нём нужно относить непосредственно к себе. «Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромым, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, находится в плену у демонов подобно этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении твоём»³².

Читать Евангелие нужно постоянно, и не просто читать, а благоговейно изучать его.

Епископ Игнатий советует каждому христианину усвоить Евангелие настолько, чтобы ум человека, по его образному выражению, «плавал в нём, жил в нём».³³ По примеру преподобного Пахомия Великого, вменявшего своим ученикам выучивать Евангелие наизусть, епископ Игнатий советует также изучать настолько Евангелие, чтобы оно стало достоянием нашей памяти. Он пишет: «Какое счастье, какое богатство – стяжание Евангелия памятию! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темнице, говорит с замедлением на ниве... увеселяет больного во время томительной бессонницы тяжкого одиночества».³⁴

Евангелие – книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотской не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие станет доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, «читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесой».³⁵ Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что оно заповедует. По мере исполнения евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, старайся исполнять его заповеди, читай его делами. Это – книга жизни, и надо читать ее жизнью»,³⁶ – пишет святитель Игнатий.

Деятельное изучение Евангелия откроет человеку постепенно его греховность и то, каким должен быть новый, обновленный человек. Почерпая из Евангелия образ мыслей и действий, каждый христианин перерождается из человека плотского в духовного, *созданного по Богу (Еф. 4, 24)*. Зная, какое дивное воздействие оказывает Евангелие на человеческие души, владыка Игнатий писал: «Великая и всесвятая книга – Евангелие! В нём изображен новый, богоподобный человек, а какие должны быть свойства нового человека – это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий.

Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими».

Многие читают святое Евангелие, но воспринять, понять его каждый может в соответствии со своим внутренним миром; поэтому для правильного понимания Евангелия христианину непременно нужно читать и творения святых отцов.³⁷

Евангелие открывает человеку Христа – Божию силу и Божию Премудрость. Познав Божественную Премудрость, христианин видит, насколько несовершенна мудрость человеческая, мудрость земная, и устремляет все свои силы на то, чтобы исполнением евангельских заповедей усвоить себя Божественной Мудрости – Иисусу Христу.

Епископ Игнатий всем, кто прибегал к его духовному окормлению, непрестанно напоминал о необходимости деятельного усвоения Евангелия. Он бывал несказанно рад, когда видел, что его пасомые преуспевают в исполнении евангельских заповедей, когда усматривал своим духовным взором Евангелие, напечатанное в их душах. В одном из писем говорится: «Наконец получил я от тебя, истинный о Господе друг мой, письмо по мысли моей, по сердцу. Когда прочитал я его, то услышались мне слова св. апостола Павла: *Несть скиф и варвар, иудей и эллин, мужеск пол и женск, но нова тварь о Христе Иисусе* (см.: [Кол.3:11](#); [Гал.3:28, 6:15](#)). Спаси тебя Господи за то, что ты меня утешила, дала увидеть Евангелие, напечатанное на душе, а не на бумаге (ср.: [2Кор.3:3](#)). Пойми всю простоту сию, и всю глубину сию, и всю широту сию, и всю высоту сию».

Глава V. Изучение творений святых отцов

Чтение писаний отеческих –
родитель и царь всех
добродетелей.
Еп. Игнатий.

Как уже говорилось ранее, чтение творений святых отцов имело огромное значение в духовной жизни святителя Игнатия. Святые отцы были в полном смысле его «воспитатели». Они питали его чистую душу в детстве, указали ему единственно верный путь послушания Святой Церкви в юности, показали ему суетность всего земного и затем укрепляли его в течение всей многотрудной иноческой жизни.

С болью в сердце епископ Игнатий замечал, что христиане, его современники, почти совсем не изучают творений святых отцов. «Сочинения святых отцов забыты! То, что они с давних времен Святою Церковью признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение», – писал он.

Видя, что в его время было очень мало духовных наставников, способных правильно руководить духовною жизнью пасомых, и замечая, что с каждым годом истинные наставники всё уमाляются, Владыка неустанно в своих творениях и письмах напоминал, что единственным верным руководителем в духовной жизни являются творения святых отцов. «Свет, при котором совершается духовное бдение, проливают из себя... писания святых отцов», – эту истину Владыка напоминает всем христианам.

Писания святых отцов, по неложному убеждению епископа Игнатия, были составлены по внушению, или под влиянием, Святого Духа; на них лежит печать помазания и дивного единства. Все они в основе своей имеют Евангелие и научают, как правильно исполнять евангельские заповеди. «Их источник и конец – Святое Евангелие». Многие святые отцы в глубоком уединении вникали в Евангелие, осуществляли его учение в своей жизни³⁸ и затем в своих сочинениях изложили, как нужно

исполнять евангельские заповеди. Епископ Игнатий пишет: «Святые отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его».

Для улучшения восприятия и правильного понимания Евангелия Владыка даже советовал первоначально изучить святоотеческие творения, научиться у святых отцов, как относиться к Евангелию, и затем только приступать к чтению Слова Божия.

Необходимость толкования Священного Писания в свете творений святых отцов епископ Игнатий основывает на словах апостола Петра: *Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым* (2Пет. 1, 20–21). Эти апостольские слова ясно запрещают произвольно толковать Слово Божие. Святой Дух произнес, а святые апостолы записали Священное Писание, и только Святой Дух может правильно истолковывать его. Боговдохновенные мужи – пророки и апостолы – написали Священное Писание, только боговдохновенные мужи – святые отцы – могут правильно истолковать Его. Все, кто хотят получить истинное познание Слова Божия, должны изучать святых отцов и воспринимать их понимание Слова Божия. Это единственно безопасный путь. Произвольное толкование всегда приводит на путь заблуждений, потому что *Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1Кор. 2, 11).

Как необходимо знание святых отцов при толковании Слова Божия, так же оно нужно и для правильного прохождения христианского подвига. «Отличительною чертою всех святых отцов, – пишет епископ Игнатий, – было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви». Все подвижники древних времен прошли трудный подвиг внешнего и внутреннего делания, основанный на покаянии, плаче, смирении, самоукорении и многих других христианских добродетелях. Их творения – это кладези, из которых каждый может почерпать учение о христианских добродетелях и

шествовать по пути спасения. «Усвой себе мысли и дух святых отцев чтением их писаний, – предлагает архипастырь-наставник, – святые отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей. Святые отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу...»³⁹ Под руководством святых отцов, по убеждению святителя Игнатия, можно не только спастись, но даже достигнуть христианского совершенства.⁴⁰

В святоотеческих преданиях можно найти ответ на любой вопрос духовной жизни. Святитель Игнатий сравнивает книги святых отцов с богатым собранием лечебных средств, душа христианина может найти в этом собрании врачевство для своих греховных язв.⁴¹

Как Евангелие, так и творения святых отцов, владыка Игнатий советует читать постоянно, со вниманием, соблюдая благоразумную умеренность, которая надолго сохраняет «вкус» к писаниям и умножает сердечную жажду к божественной правде, содержащейся в писаниях.⁴² Зная, как легко неопытная душа может потерять путь спасения, мудрый наставник предупреждает, что каждый должен избирать себе для чтения творения отцов соответственно своему образу жизни, для того, чтобы он мог не только любоваться и наслаждаться чтением писаний, но и практически прилагать к своей жизни. Изучение подвигов и добродетелей, не соответствующих своему образу жизни, может привести к мечтательности и сделает жизнь бесплодной. «При неправильном чтении Священного Писания и святых отцов легко можно уклониться с спасительного пути в непроходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими», – предостерегает Святитель.⁴³

Мирянин, живущий среди мира, не должен читать книг, написанных для монашествующих. Это чтение будет отвлекать мирянина от добродетелей, которые свойственны ему делать, мечтой о высших духовных подвигах. Эта мечтательность может временами услаждать его воображение, временами же ввергать душу в отчаяние и уныние. Даже если мирянин и преуспеет временно в подвиге, несвойственном его образу жизни, что

достигается обычно разгорячением плоти и крови, то всё равно долго не сможет пребывать в нём, скоро оставит подвиг, превышающий его возможности. Однако временное упражнение в возвышенном подвиге может на всю жизнь сделать его неспособным к собственным его образу жизни подвигам благочестия.

Христианам, подвиг которых протекает в условиях мирской жизни, епископ Игнатий рекомендует читать творения святых отцов, писавших вообще для всех христиан. К ним относятся: св. Иоанн Златоуст, св. Димитрий Ростовский, святитель Тихон Задонский, Никифор Астраханский и Георгий Затворник⁴⁴.

Казалось бы, немного духовных писателей предлагает мирянину Владыка, но, как он сам замечает, творения этих писателей – «обильное поприще для чтения! Обильное духовное пастбище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!»

Посоветовав одному «государственному мужу» заняться «глубоко» чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого, преосвященный Игнатий писал ему: «Предлагаю вам того церковного писателя, который необыкновенною чистотою, ясностью, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного, на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает землю питомцу своему».

Хотя епископ Игнатий и рекомендует для чтения творения святителя Димитрия как писателя, носящего печать благодатного помазания и сообщающего это помазание читателям, однако он предупреждает, что его сочинения «не совсем чисты, не вполне в восточном характере... Это значительный недостаток в писаниях св. Димитрия». Некоторые отклонения от духа Восточной Церкви в сочинениях св. Димитрия епископ Игнатий объясняет тем, что Ростовский святитель долгое время жил в западной России и там получил образование. Западная же Россия в то время находилась под сильным влиянием латинизма. Из всех сочинений св. Димитрия владыке Игнатию больше всего нравилось по «зрелости духа» в 4-й части приложение к св. Истории. Он предполагает, что это было последнее сочинение святого Димитрия. «Четвертая часть

сочинений святителя Дмитрия, – писал епископ Игнатий, – особенно хороша, тут можно почерпнуть много сведений очень нужных и очень полезных».

Творения святителя Тихона Задонского епископ Игнатий ценил очень высоко. Он поместил даже отрывки из его творений в «Отечнике» наряду с древними подвижниками. К личности Задонского подвижника владыка Игнатий относился с особым благоговением и, думается, что не случайно – в направлении подвига, учении и даже внешних событиях жизни у обоих святителей имеется некоторое сходство. (Настоятельство в монастыре, недолгое управление епархией, литературная деятельность на покое, кончина в день недельный).

Архиепископ Никифор Астраханский⁴⁵ (1731–1800) написал Толкование на Воскресные Евангелия. По словам епископа Игнатия, это был писатель «очень основательный и с помазанием». По национальности был грек. Образование получил в Европейских университетах, затем принял монашество и был приглашен в Россию, где со временем стал Астраханским архиепископом. Рекомендуя сестре Елизавете Александровне прочитать Толкование Воскресных Евангелий архиепископа Никифора, архимандрит Игнатий писал: «Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей (т.е. русских), соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь, как превосходна его книга, и по тому – какое имеет духовное достоинство писатель».

Задонский затворник Георгий (1789–1836)⁴⁶ был современником епископа Игнатия. В молодости он был воином, затем вступил в обитель и провел 17 лет в неисходном затворе. Скончался он сравнительно рано, 47-и лет от роду, но, как говорит епископ Игнатий, «духовным успехом заменив лета многа». Затворник Георгий вел большую переписку со многими лицами. После его смерти многие его письма были собраны и напечатаны. Святитель Игнатий высоко ценил достоинство этих писем. Он говорил, что книга Георгия Затворника стала одной из его «настольных». Предлагая своим знакомым прочитать эту книгу, Владыка свидетельствовал, что Георгий – духовный

писатель, который превосходит всех, всех духовных писателей его времени, «с пера его текут струи благодатные». Правда, Владыка отмечал недостаток внешнего образования писателя, но этот недостаток заменялся у него обильным духовным достоинством. Письма Георгия Затворника епископ Игнатий называл «драгоценной книгой», наполненной утешительных наставлений, особенно для страждущих.

Христианин, изучающий творения святых отцов, питает свою душу небесными благами. «Прибегайте больше к чтению святых отцов, пусть они руководствуют вас, напоминают вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, он повелевает ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей отеческими писаниями. *Совет святых – разум* (Притч.9:10), – вот наставление епископа Игнатия, которым должен по силе возможности руководствоваться в своей духовной жизни каждый христианин.

Глава VI. Покаяние

Покаяние – евангельская добродетель, дар Божий бесценный.

Еп. Игнатий.

Руководя духовной жизнью своих пасомых, Владыка прежде всего старался возбудить в них чувство покаяния. Покаяние он считал основой всех видов христианского подвига. Учение о покаянии неотъемлемо от всего учения епископа Игнатия.

Во время земной жизни Владыки были люди, которые по зависти распространяли слух, что он находится в прелести. Опровергая эту клевету, подвижник Никифоровской пустыни монах Исаия говорил, что этого не может быть, потому что архимандрит Игнатий учит покаянию.

Епископ Игнатий учил, что первая заповедь, данная Христом Спасителем человечеству, есть заповедь о покаянии. *Покайтесь: приблизися бо Царствие Небесное*, – такими словами начал Свою проповедь вочеловечившийся Господь (Мф. 4, 17). Эти же слова и поныне Христос возвещает всем в Своем Евангелии.

Покаяние есть познание своего падения, необходимости Икупителя и пребывание в исповедании Икупителя.

Покаяние – великий дар всеблагого Бога грешному человечеству, который усвоится людям верою в Икупителя – Иисуса Христа. «Покаяние – вера, – пишет епископ Игнатий, – покаяние – признание искупления и Икупителя! Покаяние – усвоение себе заслуг Икупителя верою в Икупителя! Покаяние – самоотвержение! Покаяние – признание падения и гибели, объявших весь род человеческий!..»⁴⁷

Покаяние неразрывно сопутствует вере во Христа: оно должно предшествовать вере в Господа, а после крещения покаяние врачует те грехи, в которые впадает человек по своей немощи. Христос Спаситель, зная, что люди будут и после крещения грехами удаляться от Него, установил в Своей

Церкви таинство покаяния, которое является как бы вторым крещением. На трудном поприще борьбы с грехом каждый христианин, прибегая к покаянию, получает не только прощение в сделанных грехах, но и силы для борьбы с ними. Одно уже сознание, что в грехе придется приносить покаяние, по словам св. Иоанна Лествичника, является как бы «уздой»,⁴⁸ которая удерживает от совершения или от повторения греха.

Епископ Игнатий говорит, что для того, кто постоянно предаёт своих друзей, они становятся ему врагами, они отступают от него, как от предателя, а «кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи, основываясь и крепясь на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора».⁴⁹

Покаяние должно совершаться не одними устами, не кратковременными слезами, не одним наружным участием в исповеди, но во внутреннем сокрушении – раскаянии в соделанных грехах, в искреннем исповедании их духовнику и, самое главное, в твердой решимости оставить греховную жизнь и жить, как учит Евангелие.

Святитель Игнатий напоминает каждому христианину, что Бог дал покаяние в помощь человеку в борьбе с грехом, а не для «потачки» греху, дар Божий не должно употреблять во зло. Вслед за св. Исааком Сирским, Владыка свидетельствует, что все те, кто в надежде на покаяние грешат произвольно и намеренно, поступают «коварно» по отношению к Богу. Их поразит внезапная смерть, и не дано им будет время на покаяние и приобретение добродетели.⁵⁰

Каково должно быть покаяние мирянина?

Неоднократно в письмах епископ Игнатий говорит, что мирянин не должен заниматься тонким и подробным анализом своих грехов. От этого может возникнуть уныние, смущение и недоумение. Бог знает все грехи человека, поэтому нужно собрать «их все в один сосуд покаяния и ввергнуть в бездну милосердия Божия». «Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений должно сказать на исповеди отцу духовному, а в тонкое разбирательство греховных качеств... не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая

ловителями душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидное добро».

Обсуждая вопрос об исповеди с братом Петром Александровичем, Владыка однажды употребил следующее сравнение. Он сказал, что когда подметают комнату, то не рассматривают сор, а, собрав всё в одну кучу, выбрасывают вон, так и при исповеди нужно открыть духовнику свои грехи, а в подробное рассмотрение их не входить, «тонкое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство».

Если христианин имеет греховный навык, то епископ Игнатий советует ему чаще прибегать к исповеди, особенно это необходимо при восстании плотских страстей, потому что покаяние умерщвляет пагубное влияние телесных чувств.

Правильное покаяние должно иметь последовательность: первоначально нужно исповедовать тяжкие грехи, а затем уже грехи легкие. Согласно с учением Православной Церкви, преосвященный Игнатий считает, что нет грехов, превышающих милосердие Божие. Как бы велик не был грех и сколько бы раз он не повторялся, покаяние может вылечить его...

«...Нет греха человеческого, которого не могла бы омыть Кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа, Богочеловек может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою Кровию вочеловечившегося Господа, пролитую за нас», – пишет епископ Игнатий.

Во всех тягчайших – смертных грехах – человек может принести покаяние и получить прощение от Самого Господа чрез духовника при таинстве исповеди. Только самоубийство, при котором человек лишает себя возможности покаяния, не может быть вылечено им (покаянием). «Самоубийство – тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения».

Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, может быть признано только тогда истинным, когда человек перестал совершать этот грех. Из практики своей духовной деятельности епископ Игнатий знал, что встречаются люди,

которые ненавидят всей душой грех, но так привыкли к нему, что становятся бессильны в борьбе с ним. Многолетний греховный навык обладает ими, и они творят ненавидимый ими мерзостный грех. И для таких людей не закрыт путь покаяния. «Несчастному рабу греха, – говорит Владыка, – пристанище – покаяние! Сколько бы раз не случилось ему подвергнуться нравственному бедствию – он может войти в это пристанище, починить в нём сокрушенную ладью душевную».

Люди, стяжавшие непреодолимый навык ко греху не должны отчаиваться, но твердо помнить, что пока человек находится в теле, для него не закрыт путь покаяния. Спаситель, видя искреннее раскаяние человека во грехе, может претворить сердце грехолюбивое в боголюбивое, и человека чувственного, сладострастного, плотского сделать духовным, чистым, святым.⁵¹ «От лица покаяния бежит всякий грех, никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием».

В одной из своих проповедей Святитель сказал о силе покаяния: «Покаяние подает свою могущественную десницу человеку, находящемуся в глубокой пропасти, во аде грехопадения, – извлекает его оттуда, возносит превыше земли; оставляет только тогда, когда введет спасенным во врата вечностей».⁵²

К сожалению, в жизни очень часто бывает, что люди помнят и каются только в тяжелых грехах, грехи же, совершаемые почти ежедневно, предают забвению. Грехи словом, мыслью, ощущениями сердца и движениями тела, по убеждению владыки Игнатия, не должно считать маловажными. Все они оскверняют душу человека и отдаляют ее от Бога. Открытием на исповеди перечисленных грехов человек пресекает развитие греха и не дает ему осуществиться самим делом.

Во всех грехах – как тяжких, так и повседневных – словом и помышлением, христианину нужно приносить покаяние.

Как же практически осуществить мирянину покаяние в повседневных грехах, когда с духовником своим он встречается, может быть, несколько раз в год?

Владыка Игнатий советует в грехах, совершенных по человеческим немощам словом, помышлением и всеми

чувствами, приносить раскаяние ежедневно пред Богом. Лучше всего это делать после вечернего правила перед сном. Прочитав вечерние молитвы и собрав чтением их свои непрестанно мятущиеся мысли, нужно вспомнить всё греховное, что было совершено за день, осудить себя за это и искренне испросить в этом у Бога прощения. Приносить подобное покаяние можно и нужно лишь в грехах повседневных, если же случилось впасть в грех смертный, то немедленно необходимо спешить к духовнику и пред ним исповедать свой грех.

Очень часто человек, увлеченный мирской суетой, совершенно забывает о своих грехах и о покаянии. Чтобы возбудить в себе чувство покаяния, нужно воздержание от всех страстей и частое чтение Евангелия. Сравнивая свою жизнь с евангельскими заповедями, принуждая себя к исполнению этих святейших заповедей, христианин будет постигать, насколько он слаб, поврежден падением и уязвлен грехами. От зрания своих немощей в душе постепенно появится желание очистить свою душу покаянием.

До конца познать свою немощь и принести полное покаяние может только тот, кто в уединении достиг полного безмолвия. Об этом Владыка писал: «Воздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушаемого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния».

Естественно, что полное уединение невозможно для человека, живущего в миру, но необходимо, чтобы каждый христианин умел уединяться хотя бы на малое время в клеть души своей, там видел свои немощи и приносил в них покаяние.

В Святой Церкви установлены особые периоды, в которые каждый христианин должен позаботиться об очищении себя покаянием. Это четыре поста. В эти периоды Церковь неустанно богослужением и проповедью священнослужителей призывает своих чад оставить земные попечения и встать на путь покаяния и исправления своей жизни. Особенно благоприятным временем для покаяния является поприще Великого Поста.

«В чём заключается подвиг святой Четыредесятницы? – спрашивает епископ Игнатий в одной из своих проповедей и сам же отвечает, – это подвиг покаяния. В настоящие дни мы стоим

пред временем, преимущественно посвященным для покаяния, как бы пред вратами его, и воспеваем исполненную умиления песнь: **Покаяния отверзи нам двери, Живодавче!**"⁵³

Сознавая себя всегда, а особенно в периоды св. постов, великим грешником, христианин не должен, однако, вспоминать те из своих грехов, в которых он уже принес покаяние на исповеди. Нужно твердо помнить и верить, что Господь уже простил их. Постоянное же воспроизведение в памяти прежних грехов может возбудить в душе сочувствие к ним и привести к повторным падениям. «Воспоминание прежних телесных грехов, – пишет святитель Игнатий, – очень вредно и воспрещается святыми отцами. Тут действует неверие, недостаток уважения к Таинству исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность».

Труден путь покаяния, но без него христианин не может преуспеть ни в одной добродетели. Многочисленные и самые возвышенные подвиги, не растворенные чувством покаяния, становятся бесплодными и даже душевредными. Покаяние есть единственный истинный путь, следуя которому, можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Покаяние для земного странника не имеет предела, оно сопровождает его до гроба и отверзает ему врата рая.

Истинное покаяние уже здесь на земле приносит дивные плоды. Оно вселяет в сердце христианина успокоение и наслаждение, восстанавливает между людьми нарушенный мир, разрешает недоумения, врачует душу от вражды и памятозлобия. По словам епископа Игнатия, «покаяние вводит в сердце ощущения благодатные, чуждые падшему естеству, научает ум и сердце истинному Богослужению, научает приносить Богу единую приемлемую Им жертву от падшего человеческого естества: сокрушение и смирение духа (см.: Пс.50:19). Дух человеческий, пришедший в это состояние, вступает в общение с Духом Божиим, в чём и заключается обновление и спасение человека».⁵⁴

Все святые шли путем постоянного покаянного подвига, и чем больше они преуспевали в нём, тем более чувствовали необходимость покаяния. В подтверждение этой истины епископ

Игнатий приводит житие преподобного Сисоя Великого. Преподобный Сисой Великий проводил подвижническую жизнь в египетской пустыне и был преисполнен многих даров Святого Духа; однако, когда наступила его кончина, он выразил желание остаться еще на некоторое время в земной жизни, чтобы усовершенствоваться в покаянии.⁵⁵

У христианина, духовная жизнь которого основана на покаянии, жажда покаяния к концу жизни поглощает все другие пожелания и стремления.

Читая письма епископа Игнатия в хронологическом порядке, невольно замечаем, что желание предаться покаянию в уединении было в его душе на протяжении всей жизни. Еще будучи послушником и живя в Площанской пустыни (1829 г.), он ищет уединения и с этой целью поселяется вместе с Михаилом Чихачевым отдельно от монастырской братии в монастырском саду. Но с непреодолимой силой жажда покаяния побуждает его искать уединения к концу жизни. В 1860 году Преосвященный пишет: «Я молю Бога, чтоб даровал мне поприще покаяния. По моему мнению, я еще не начал покаяния и вполне разделяю мнение преподобного Исаи отшельника, что доколе человек находится в развлечении и попечении, дотоле он не может стяжать покаяния».

В 1862 году, удалившись от бурь житейского моря в пристань покаяния – обитель, Владыка писал своему брату Петру Александровичу, пожелавшему оставить губернаторство в Ставрополе и удалиться в монастырь к брату-святителю, следующее: «Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии, это великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности. Св. Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарил Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно: при кончине именно окажется вся драгоценность этого дара».

В своей жизни епископ Игнатий нашел бесценный дар – «село покаяния»; найдя его, он стремился поделиться им с людьми, жаждущими обновить свою духовную жизнь. Тех людей, которые были близки к нему, он поучал покаянию

словом и примером своей жизни, для последующих же поколений истинных богоискателей он оставил свои произведения, которые исполнены духом покаяния, и на основе этой добродетели научает читателей всех времен совершать подвиг своего спасения.

Свое стремление не только самому быть обладателем дара покаяния, но и сообщать его другим, епископ Игнатий прекрасно выразил в одном из своих писем: «...Милосердный Господь, дарующий рабам Своим... приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! И поделюсь я сокровищами, поставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния – залог вечного блаженства. Убеленный покаянием, да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием (см.: [Ис.1:18](#)). Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Но купец, желающий купить это село, должен продать всё имение свое, чтобы купить село покаяния (см.: [Мф.13:46](#)). Пусть буду этим купцом! Пусть буду обладать этим духовным даром во спасение мое и ближних!»

Глава VII. Причащение святых Христовых Таин⁵⁶

Чистоту и обновление, доставленные
святым крещением, восстанавливай
покаянием и по возможности
частым причащением святых
Христовых Таин.
Еп. Игнатий.

Покаяние врачует греховные раны христианина и предуготовляет его к восприятию в сердце свое Христа Бога в таинстве Причащения.

Таинство Причащения установлено Самим Иисусом Христом перед Голгофскими страданиями на Тайной вечере. В конце вечера Господь взял хлеб, благословил, преломил его, преподал Своим ученикам и сказал: *Приимите, ядите: сие есть Тело Мое*. Затем, взяв чашу с вином, благодарив, преподал ее им, сказав: *Пийте от нея вси, сия бо есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов* (Мф. 26, 26–28). *Сие творите в Мое воспоминание*, – заповедал Спаситель мира св. апостолам (Лк. 22, 19).

Епископ Игнатий говорит, что это всемогущее повеление, данное двенадцати простейшим рыбакам за предсмертной вечерей, действует по всей земле, действует через столетия, через тысячелетия.⁵⁷

За каждой Божественной литургией, совершаемой епископом или священником, и поныне пресуществляется хлеб и вино в Пречистое Тело и Пречистую Кровь Христа Спасителя.

Это таинство установлено Самим Богом – Иисусом Христом, оно непостигаемо для ограниченного человеческого разума, и только верой христианин может отчасти постигать его.

«Какое чудное установление! – пишет Владыка – Естественно уму человеческому прийти в недоумение пред установлением сверхъестественным, непостижимым...» Плотское мудрование говорит об этом таинстве: *Жестоко слово сие* (Ин. 6, 60), но это «слово произнесено Богом, принявшим человечество для спасения человеков: и потому внимание к

слову и суждение о нём не должно быть поверхностными. Послушание слову должно быть принято верою, от всей души, как должен быть принят верою, от всей души, и вочеловечившийся Бог».⁵⁸

Причащаясь Пречистых Тела и Крови Христовой, каждый христианин вступает в теснейшее общение с Господом. В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит слова святого Иоанна Златоустого, который сказал: «Мы – едино тело с Телом Господа нашего Иисуса Христа, **мы – плоть от плоти Его, кость от костей Его** (Быт. 2, 23). Тайнонаученные! Внимайте тому, что говорится: мы соединяемся со всесвятою Плотию Господа не только при посредстве самого таинства. Все святая Плоть Господа соделывается нашею пищею! Он даровал нам эту пищу, желая показать любовь, которую имеет к нам».⁵⁹ Иисус Христос заменил Собою праотца Адама, от которого все люди рождаются в смерть. Став новым Адамом, родоначальником нового человечества, Господь заменяет Своею Плотию и Кровию плоть и кровь, которые человечество заимствовало от Адама, и тем даровал людям жизнь вечную. Он Сам сказал: *Аминь, аминь глаголю вам: аще не снете Плоти Сына человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53).

Святые Христовы Тайны есть истинное Тело и Кровь Христовы, но для телесных чувств они сохраняют наружный вид хлеба и вина. Верою воспринимается это великое таинство, а обнаруживается и является оно чрез свое действие.⁶⁰

Богопросвещенный святитель на основании своего духовного опыта говорит, что при причащении Святых Таин ясно ощущается прикосновение души Христовой к душе причащающегося, соединение души Христовой с душою причащающегося. Это дивное прикосновение души христианин начинает ощущать и без наставления словом в успокоении, кротости, смирении, любви ко всем, холодности ко всему земному и в сочувствии к будущему веку. Насаждаются эти дивные ощущения в душе христианина из души Христа.⁶¹ «Всякий, – пишет владыка Игнатий, – приобщившийся со вниманием и благоговением, с должным приготовлением, с

верою, чувствует в себе изменение, если не тотчас по причащении, то по прошествии некоторого времени. Чудный мир сходит на ум и сердце; облакаются спокойствием члены тела, печать благодати ложится на лице⁶²; мысли и чувствования связываются священными, духовными узами, воспреещающими безрассудную вольность и легкость, обуздывающими их». ⁶³ Как естественный хлеб укрепляет телесные силы человека, так и Хлеб духовный – Тело Христово – укрепляет всё существо человека: его волю, ум, сердце; доставляет правильность пожеланиям и влечениям души и тела, освобождает естественные свойства человека от тех недугов, которыми они заражены при падении.

Духовное Питие – всесвятая Кровь Христова – содействует духовной пище, оно сообщает душе христианина свойства Христовы. Эту истину епископ Игнатий подтверждает словами св. Марка, который сказал: «Как вещественное вино растворяется во всех членах пьющего, и бывает вино в нём и он в вине, так и пьющий Кровь Христову напояется Духом Божества, растворяется в совершенной душе (Христовой), и эта душа в нём, – освятившись таким образом, соделывается достойным Господа». ⁶⁴

Естественно, что христианин, приступающий к таинству Причащения, обязан должным образом приготовить свою душу для встречи с Господом. Святой апостол Павел заповедал всем христианам: *Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет. Ядый бо и пий недостоине, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня (1Кор. 11, 28–29).*

Тщательное приготовление к принятию Святых Таин должно заключаться, по словам Владыки, в углублении, в самовоззрении, очищении себя от согрешений искоренением их покаянием и исповедью, постоянным чтением Евангелия, молитвой; все отклонения от пути евангельских заповедей, даже самые тонкие, нужно исправлять возвращением на этот путь и иметь твердую решимость и в будущее время идти путем делания Христовых заповедей. Готовящемуся к причащению полезно размышлять о ничтожности, греховности, склонности к падениям человека и о величии Божиим, неизреченной любви

Спасителя, питающего христиан Своею Плотию и Кровию и тем вводящего падшее существо человека в теснейшее общение с Собою. От этих размышлений сердце христианина придет в сокрушение, и появится искреннее сознание своего недостойнства к принятию Святых Таин. Искреннее сознание своего недостойнства есть непременно условие для принятия Христовых Таин не в суд или осуждение, но в исцеление души и тела.⁶⁵

Чувства, которые должен иметь каждый христианин перед причащением, в полноте выражены святыми отцами в молитвах ко причащению. Этими молитвами «Отцы вспомоществуют нашему тупозрению и ожесточению...», ими «они облачают души наши, как в брачные одежды, в смирение, столько возлюбленное Спасителю нашему»,⁶⁶ – пишет епископ Игнатий.

Христианин, имеющий сокрушенный дух и сознание своего недостойнства и при недостаточной подготовленности приступающий к причащению, не будет осужден Господом. Легкомыслие, отсутствие добродетельной жизни и сокрушенного сердца делают христианина недостойным к принятию Тела и Крови Христовой. Суд Божий, карающий с милосердием во временной жизни с целью спасения в вечной, ожидает недостойного причастника. Недостойное принятие Святых Таин человеком, проводящим намеренно греховную жизнь, пребывающего нераскаянно в смертных грехах, исполненного неверия и зловерия, есть преступление, за которое он подвергается казни не исправительной, а решительной, ведущей в муку вечную. Преступление такого человека приравнивается к преступлению богоубийц. Святой апостол Павел свидетельствует: *Иже аще яст хлеб сей или пьет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господни (1Кор. 11, 27) и Страшно же некое чаяние суда и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя. Отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или троих свидетелех умирает: колико, мните, горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и Кровь заветную, скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый (Евр. 10:28–29).*

Христианин, если видит скованным себя со всех сторон грехами, должен сперва покаянием расторгнуть оковы греха, омыть слезами ризу своей души и тогда только приступить ко Святым Тайнам, в противном случае он запечатлеет свои грехи самым тяжким грехом: надруганием над Святыми Тайнами Христовыми, что то же, что и над Христом.

Достоинно приступает к причащению только тот христианин, который оставил греховную жизнь, решительно раскаялся во всех грехах, запечатлел свое раскаяние исповедью и постоянно проводит благочестивую жизнь.

Первые христиане, вся жизнь которых была посвящена на служение Богу, были достойны причащаться ежедневно. Ежедневно приступая к Таинству Причащения, они оживляли свою духовную жизнь от Источника жизни – Иисуса Христа.

Давно прошли уже те блаженные первохристианские времена, и никто из людей, живущих в миру, не может проводить такую строгую жизнь, чтобы ежедневно приступать к причащению. Однако истинные христиане, заботящиеся о своей духовной жизни, во все времена стараются чаще приступать к Источнику жизни. Епископ Игнатий пишет: «Частое причащение что иное значит, как не обновление в себе свойств Богочеловека, как не обновление себя этими свойствами? Обновление, постоянно поддерживаемое и питаемое, усваивается, от него и им истребляется ветхость, приобретенная падением, смерть вечная побеждается и умерщвляется вечной жизнью, живущей во Христе, источающейся из Христа; жизнь – Христос – водворяется в человеке».⁶⁷

Все вообще верные чада Православной Церкви должны приступать к Причащению не менее четырех раз в году в период четырех постов. Если же какие-нибудь жизненные условия препятствуют этому, то, по крайней мере, христианин обязан раз в году очистить свою душу исповедью и приступить к Святым Тайнам. Не только перед Причащением, но и после принятия этого великого Дара, каждый христианин должен вести самый строгий образ жизни. Приняв Святые Тайны, христианин становится сосудом Божественного таинства, в котором Сын

Божий с Предвечным Отцом и поклоняемым Духом таинственно и вместе существенно пребывают.⁶⁸

Обращаясь в одной из своих проповедей к причастникам, епископ Игнатий сказал: «Уже теперь вы не свои, вы Божии. Вы куплены Богом ценою Крови Сына Его (1Кор. 6, 19–20). Не можете принадлежать ярму чуждому! Если кто из вас доселе был темный грешник, тот отныне соделался праведник правдою Сына Божия. Эта слава ваша, это богатство ваше, эта праведность ваша неужели пребудут в вас только до того времени, доколе вы в храме или кратчайшее время по исшествии из храма... неужели Иисус, вошедший Святыми Тайнами в сердца ваши, принужден будет уклониться от них по причине множества помышлений, намерений, слов, дел греховных, которые вы допустите себе? Нет! Да не совершится эта горестная измена Спасителю, это предательство Спасителя!»⁶⁹ Далее проповедник призвал причастников пребывать храмами Божиими и служить Господу тщательным исполнением Его святых заповедей.

После причащения христианин не должен брать на себя ярмо греха, но, вознося благодарение Господу, сподобившему его принятия Святых Таин, проводить жизнь в молитве, чтении Слова Божия, деятельном исполнении заповедей Христовых и ежедневном покаянии в вольных и невольных прегрешениях. В письме к С.В. Титовой, сподобившейся принять Причастие, епископ Игнатий пишет, что после приобщения Святых Таин, по опытному наставлению отцов, нужно особенно внимательно наблюдать за собою, потому что противник нашего спасения, видя, что земля и пепел восходит на небо, разжигается против причастников завистью и злобою. Для этого духовный рай, который водворяется в душе причастника, нужно возделывать и хранить, как это было заповедано в лице Адама всем людям. «Понимаете ли, – заканчивает наставление причастнице Владыка, – что вы одолжены Господу более, чем были прежде, как получившие залог и извещение обетований! *Кому много вверено, с того больше взыщут*, – говорит Писание (Лк.12:48). Познав это, блюдите, како опасно ходите, т.е. живите с осторожностью и вниманием».

Нельзя словами выразить то огромное значение, которое имеет причащение Святых Христовых Таин в духовной жизни христианина. Причащение – залог будущей блаженной жизни со Христом и во Христе. Жизнь по Евангельским заповедям, покаяние и молитва, другие христианские добродетели вводят в соединение с Господом, «завершается» это соединение причащением всесвятых Божественных Тела и Крови Христовых.⁷⁰

Глава VIII. Молитва

Путь к Богу – молитва...
Научись молиться Богу правильно.
Научившись молиться правильно,
молись постоянно – и удобно
наследуешь спасение.
Еп. Игнатий.

Еще в детстве научившись молитве и всю свою жизнь пребывая в делании ее, епископ Игнатий из личного опыта знал, какое большое значение имеет молитва в духовной жизни христианина.

Среди своих современников Владыка видел почти повсеместное оскудение правильного понимания молитвы и оставление истинного молитвенного подвига. Он писал: «В настоящее время – существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению!»

Желание научить современников, обращавшихся к нему за наставлениями в духовной жизни, побудило епископа Игнатия написать несколько статей о молитве, которые со временем вошли в собрание его сочинений.⁷¹ Неоднократно в проповедях и письмах Святитель также касался этого важного вопроса.

Молитва, по объяснению епископа Игнатия, есть обращение падшего и кающегося человека к Богу, излияние пред Ним своих сердечных желаний и прошений.⁷²

Всесовершенному Богу не нужны человеческие молитвы, Господь знает нужды каждого человека прежде его прошения (см.: Мф.6:8); по Своей милости Он нередко дарует Свои щедроты людям и не просившим Его об этом.

Молитва необходима, прежде всего, самому молящемуся, она усваивает человека Богу, приближает тварь к Творцу. «Молитва – причащение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть».⁷³

Владыка Игнатий, вслед за многими святыми отцами, молитву считал основой христианского подвига. Правильный молитвенный подвиг – основа духовного преуспевания христианина. В молитвенном подвиге сосредотачиваются и для совершенства в нём предпринимаются, «как служебные ему», все другие подвиги. Повторяя слова святого Иоанна Лествичника, святитель Игнатий говорит, что молитва есть «мать и глава всех добродетелей» ...она заимствует добродетели из источника благ – Бога – и усваивает их тому, кто молитвой пребывает в общении с Богом.

Чтобы христианину вступить в общение с Богом посредством молитвы и преуспевать в добродетелях, ему нужно научиться правильной молитве.

Владыка уподоблял молитву оружию, правильно употребляя которое, христианин может победить всех невидимых врагов своего спасения. Как при необдуманном, неправильном обращении с оружием человек может сам погубить свою жизнь, так и при неправильном упражнении в молитве он может «оружием, данным во спасение», убить свою душу.

Преосвященный Игнатий видел, что в его время многие в молитвенном подвиге искали наслаждения и восторгов, разгорячали свое воображение и мечтательность и по мере усиления неправильного молитвенного подвига приходили в большее или меньшее душевное расстройство.

Следуя учению святых отцов, святитель Игнатий считал, что правильная молитва возможна лишь у тех христиан, сердца которых исполнены чувством покаяния. Он писал: «Для правильности молитвы надобно, чтоб она происходила из сердца, наполненного нищеты духа (см.: Мф.5:3); из сердца сокрушенного и смиренного (см.: Пс.50:19). Все другие состояния сердца, до обновления его Духом Святым – признавай, каковы и точно они, – несвойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих, «об освобождении как из темницы и оков – из порабощения страстями».⁷⁴

Покаяние есть единственное чувство, которым должны быть преисполнены все молитвы христианина. Имея в сердце это спасительное чувство, христианин не возмечтает о наслаждениях и восторгах в молитве.⁷⁵

Имея основой чувство покаяния, правильная молитва должна быть соединена со всецелым вниманием молящегося... При молитве ум должен быть заключен в слова молитвы.

Вниманию при молитве епископ Игнатий придавал большое значение. Он писал: «Что душа для тела, то внимание для молитвы, без внимания она мертва, не имеет никакого значения». Внимательная молитва приводит человеческий дух к смирению, и от смирения рождается покаяние.

Любые молитвы: чтение утренних и вечерних молитв, акафистов, занятие Иисусовой молитвой и прочие молитвословия для благотворного влияния на человека должны быть соединены со вниманием. Человеку, впервые приступающему к молитвенному правилу, епископ Игнатий советует соблюдать благоразумную умеренность – молиться недолго, но, по возможности, часто.

«Новонаначальному, – пишет Владыка, – должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы».

Для сохранения внимания начинающему полезно читать молитвы несколько раз вслух, если он находится один в помещении, и разнообразить произносимые молитвы – читать попеременно акафисты, Иисусову молитву и другие молитвословия. Никто из приступивших к молитвенному правилу не должен сразу же требовать от себя совершенной, не рассеиваемой молитвы посторонними помыслами.

Внимательная молитва есть дар Божий, и человек должен предуготовить себя к принятию этого дара постоянным побуждением себя к внимательной молитве.

Чтобы молитвенный подвиг получил правильное направление, каждому христианину полезно ежедневно совершать определенное молитвенное правило. Молитвенные правила могут быть самые разнообразные, в зависимости от

времени и телесных сил тех, кто исполняет их. Обычно правило состоит из утренних и вечерних молитв, определенного числа земных поклонов, канонов, акафистов и Иисусовых молитв.

Молитвенное правило мирянина, по мысли владыки Игнатия, должно быть прежде всего соразмерно с его силами и как можно проще и малосложнее. Исполнение правила, превышающего силы человека, обычно очень скоро приводит к тому, что молящийся не только оставляет это правило, но и вообще перестает молиться, чем пресекает свое духовное совершенство. Правило, соразмерное силам человека, исполняемое ежедневно, способствует духовному совершенству человека и по мере его духовного роста может быть со временем увеличено. Несложность правила способствует большей сосредоточенности молящегося.

Зная, как трудно начинающему молиться, приучать себя к внимательной молитве, Владыка разрешил своим пасомым прочитывать молитвенное правило постепенно в течение всего дня, а не всё сразу; даже чтение акафиста и собрания утренних и вечерних молитв он допускал не за «один раз».

Из всех молитвословий для начинающего Владыка считал очень полезным акафист Господу Иисусу. Но и его он советовал читать первоначально не более, чем один раз в неделю, и очень неспешно и со вниманием. Одному мирянину епископ Игнатий советовал утром и вечером совершать следующее молитвенное правило: **Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный... Трисвятое. Отче наш... Господи помилуй – 12 раз. Приидите поклонимся... Псалом 50-й, Символ веры, Богородице Дево, радуйся (трижды).** После этого двадцать молитв: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,** при каждой молитве земной поклон. Затем другие 20 этих же молитв с поясными поклонами, затем молитву: **Достойно есть... Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас.**

Некоторым из своих пасомых и к указанному правилу Владыка добавлял еще 10 поясных поклонов с молитвою **Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грешного**

и 10 земных, 5 поясных поклонов с молитвою: **Ангеле Божий, хранителю мой святой, моли Бога о мне грешнем.**

Утром, после исполнения правила, епископ Игнатий рекомендовал прочитать утренние молитвы, 2–3 главы Евангелия и после этого со страхом и трепетом приступить к своим повседневным занятиям.

В молитвенном правиле мудрый архипастырь никогда не связывал своих пасомых непременными внешними условиями. Предлагая своим пасомым молитвенное правило, он всегда оставлял за ними возможность несколько увеличить или уменьшить его в соответствии со своими силами. Некоторым он разрешал даже совершать молитвенное правило сидя. Особенно снисходителен был Владыка к больным, им он не назначал определенного молитвенного правила, но советовал молиться чаще, употребляя для этого прекрасные краткие молитвы: **«Боже, очисти мя грешного»** и **"Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас"**.

Не только утром и вечером, исполняя молитвенное правило, рекомендовал Владыка мирянам молиться, но и по возможности чаще в течение всего дня. Своей сестре Елизавете Александровне, проводившей уединенный образ жизни в селе Ивашове и занятой попечениями в семье, епископ Игнатий советовал в свободное время заниматься молитвой и каким-нибудь «самым машинальным рукоделием». Самой подходящей молитвой, которую можно удобно совместить с рукоделием, Владыка считал Иисусову молитву: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.**

Молитвенный подвиг христианина приносит обильные плоды, но прежде, чем молящийся сподобится получить их, ему нередко приходится преодолеть многие внутренние трудности.

Опытный делатель молитвы, епископ Игнатий предупреждает, что молитве иногда сопутствует обильное умиление, а иногда в душе наступает особая сухость. На эти внутренние состояния Владыка советует смотреть совершенно равнодушно и с терпением продолжать молитву, не стремясь и не считая себя достойным видения, которое ниспосылается Господом лишь в сердца смиренные и очищенные от порока

долгим молитвенным подвигом. «Когда при молитве ощущается нечувствие, то, несмотря на это состояние нечувствия, полезно нудиться к внимательной молитве и не оставлять молитвенного подвига, творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прилагается к сердцу благодать Божия, и оно приходит в умиление», – писал Владыка.

Враг рода человеческого завидует христианам, занимающимся внимательной молитвой и всегда старается наводить на них различные искушения.

Делателю молитвы святитель Игнатий напоминает слова святых отцов: «Помолясь как должно, ожидай противного – какое-либо смущение или искушение». Однако, по глубокому убеждению Владыки, все искушения, случающиеся после молитвы, совершаются не без Промысла Божия; если христианин мужественно переносит их, они послужат к приобретению опытности в духовной борьбе.

В противоположность распространенному мнению, что Иисусовой молитвой могут заниматься лишь одни монахи, епископ Игнатий считал и многих мирян способных заниматься этим спасительным делом.⁷⁶

Как уже было сказано, молитвенное правило, назначаемое Владыкой мирянам, включало определенное количество Иисусовых молитв. Некоторым мирянам Преосвященный благословлял «просить» по пять четок в день. Своим сестрам Александре и Елизавете Владыка неоднократно в письмах напоминал, что они при всех занятиях не должны забывать Иисусовой молитвы. Однако зная, как легко делателю Иисусовой молитвы без опытного руководства уклониться от правильного пути и неисцельно повредить свою душу, приняв ложь за истину, епископ Игнатий не советовал мирянам особенно углубляться в умное делание. Благословив одному мирянину заниматься Иисусовой молитвой, Владыка в то же время в предостережение ему сказал: «По вашему жительству посреди мира и по недавности и новости на пути этом, вам не идет сильно вдаваться в молитву, что требует или большой духовной опытности или близости руководителя...»

Мирянам (в отсутствие посторонних лиц) епископ Игнатий советовал Иисусову молитву произносить очень неспешно вслух тихим голосом – «уста́ми и язы́ком, так чтоб слы́шать самого себя». При посторонних лицах Влады́ка допуска́л миря́нам соверша́ть молитву одним умом. Пыта́ться же творить Иисусову молитву умом в сердце и употребле́ть для этой цели вспомога́тельные механизмы́, по свиде́тельству Свя́тителя, очень опасно́ как для миря́н, так и для монахов.

«Весьма ошибочно́ твое иска́ние места́ сердечного! Если будешь заклю́чать ум в сердце, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо моли́ться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покая́ния. Когда же через покая́ние очистится человек, то место́ сердечное обозна́чится само собою», – писал Преосвяще́нный миря́нину, занима́ющемуся умным деланием. В сле́дующем письме́ этому же лицу́ Преосвяще́нный писал: «Бла́гую ча́сть ты избра́л, оста́вя все механизмы́ и довольству́ясь заклю́чением ума в слова́: это поведет к самым прави́льным результа́там, без всякой приме́си преле́сти, которой ты мог подве́ргнуться и отча́сти уже подве́ргался, употребле́ля механизмы́, которые тебе нейдут».

Велико значе́ние молитвы́ в духо́вной жизни христиани́на. Вре́мя, прове́денное в молитве́, не истра́чено пона́прасну, а употребле́но для наса́ждения в своей ду́ше Царства́ Небесного́ и прибли́жения к Бо́гу. Еписко́п Игнатий счита́л, что «молитва́, как бесе́да с Богом, сама собою́ – высо́кое благо, ча́сто гораздо́ больше́ того, которого́ просит человек, – и милосе́рдный Бог, не исполня́я проше́ния, оста́вляет просите́ля при его́ молитве́, чтоб он не поте́рял ее, не оста́вил это́ высшее́ благо, когда́ получи́т проси́мое благо, гораздо́ меньше́е».⁷⁷

Молитва́ не то́лько поро́ждает все христиа́нские добродете́ли, но и прино́сит обле́гчение сове́сти, прими́ряет с бли́жними и с обстоя́тельствами жизни́, посе́ляет в ду́ше мир и возбу́ждает милосе́рдие и состра́дание к челове́честву, искоре́няет стра́сти, де́лает челове́ка хла́дным к миру́ и покорным Бо́гу, де́лает силы́ в борьбе́ с греховны́ми помы́слами и вле́чениями.⁷⁸

Молитва́ неотсту́пно сопро́вождает истинного христиани́на в те́чение все́й его́ жизни́, укрепля́ет и утеша́ет его́ при всех

скорбях, болезнях и искушениях. Она жителя земли делает причастником небесных благ.

«Возлюбленные братия! – обращается епископ Игнатий к христианам. – Чтобы преуспеть в молитвенном подвиге, чтобы в свое время, по неизреченной милости Божией, вкусить сладчайший плод молитвы, состоящий в обновлении всего человека Святым Духом, надо молиться постоянно, надо мужественно переносить те трудности и скорби, с которыми сопряжен молитвенный подвиг. Это заповедал нам Господь: *Подобает всегда молитися и не стужати [си]* (и не унывать)» (Лк. 18:1).⁷⁹

Глава IX. Постоянное бодрствование над собою

Человеки! Вам заповедал Бог: бдите.

Еп. Игнатий.

Совершенство христианина в духовной жизни невозможно без постоянного наблюдения – бодрствования над самим собой.

Всё существо человека повреждено грехом. Грех стал как бы второй природой человека – природой, которая непрестанно предъявляет свои порочные требования. Человек рождается с склонностью ко всем видам греха, потому что в первородном грехе заключается семя всех страстей.⁸⁰

Размышляя о греховности человеческой природы, Владыка говорит: «Действует во мне грех мыслию греховною, действует ощущением греховным, ощущением сердца и ощущением тела: действует чрез телесные чувства, действует через воображение».⁸¹

Грех противостоит непорочному естеству человека, каким оно было создано, противостоит и естеству, обновленному Христом, но он естественен падшей человеческой природе.

До пришествия в мир Христа Спасителя человек не имел сил противиться греху, который насильно увлекал его и властвовал над ним против его воли. Христианин в таинстве святого Крещения освобождается от рабства греху и получает силы бороться с ним (грехом).⁸² Обновленному человеку, «помещенному в духовном раю – в Церкви»⁸³, как и первому человеку, предоставлена свобода. Человек может воспользоваться силами, данными ему в Крещении, вступить в борьбу со страстями и с помощью Божией победить их или произвольно поработить себя греху.

Грех не истребляется в человеке после крещения, но теряет свою силу и не может насильно господствовать над христианином. И после крещения в человеческой природе добро смешано со злом.

«Сердечная земля наша, – пишет святитель Игнатий, – не престаёт производить зло... и добру не даёт произрастать

одному, цельному, но всегда с примесью зла».

Чтобы не дать возможности греху возобладать в душе, каждому христианину предстоит постоянный подвиг очищения своего сердца от многих явных и тайных греховных страстей. «Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждают его быть на страже, постоянно вызывают (в тексте – вызывая) его на борьбу...», – пишет Святитель.⁸⁴ Подвиг борьбы с грехом епископ Игнатий называл «пожизненным», потому что в любое время и в любом возрасте страсти могут восстать в человеке, и нужно быть очень внимательным к себе, чтобы не дать им возможности поработить свое сердце. Даже в глубокой старости, когда, казалось бы, тело человека становится мертвым к естественным влечениям, страсти не исчезают совершенно в человеке. «Бесстыдные страсти, – пишет Владыка, – могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительность над собой. Поверь бесстрастию тела тогда, когда оно уляжется в гроб».⁸⁵ Только смерть освобождает человека от бдительности над собой.

Праведники и те бывают несвободны от повседневных прегрешений, следовательно, и от бдительности над собой, как свидетельствует Слово Божие: *Седмерицею бо падет праведный и встанет...* (Притч. 24, 16). Епископ Игнатий разъясняет, что в данном месте Священного Писания говорится о «падениях легких от немощи, называемых грехами простительными», от них праведники не были свободны, а не от тяжких смертных грехопадений.⁸⁶

Чтобы непрестанно стоять на страже своего сердца, нужно знать о своей греховности, нужно видеть духовным оком всё множество своих пороков.

Большинство людей проводит рассеянный образ жизни и ежедневно удовлетворяет свои страсти, даже не замечая этого. Нередко бывает, что плотской разум человека не только оправдывает порочные влечения своего сердца, но даже признает порок добродетелью.

Только Христово Евангелие открывает человеку его душевные очи и дает ему познать в полной мере

действительное состояние человека – его греховность и страстность. Преосвященный Игнатий свидетельствует, что только «один истинный христианин, постоянно внимающий себе, *поучающийся в законе Господнем день и ночь (Пс.1:2)*, старающийся выполнять евангельские заповеди со всею тщательностью, может увидеть свои грехи и страсти».⁸⁷ Слово Божие открывает человеку его действительное греховное состояние, оно научает человека правильной борьбе с грехом. Только Священное Писание и творения святых отцов во всей полноте показывает человеку его греховность, научают христианина в любых жизненных условиях быть на страже своей души и не делать послабления своему греховному естеству. Руководствуясь своим естественным разумом или учением плотского мудрования, невозможно преуспевать в борьбе с пороком. Одному из своих знакомых, временно проживающему в «древнем христианском городе» – Москве, – епископ Игнатий писал: «...и в таком прекрасном месте должно наблюдать за своим сердцем при свете, который издают из себя Священное Писание и писания св. отцов, а отнюдь не при нашем собственном свете, поврежденном падением, зараженным прелестью или при каком-нибудь другом ложном свете».

Увидев в себе страсти, христианин не должен приходить в недоумение, но мужественно готовиться к духовной брани.

По премудрому смотрению Божию, постоянная борьба со страстями способствует духовному преуспеянию христианина.

Изведав на опыте пользу от духовных браней, епископ-подвижник писал: «Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, сминает надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживает это состояние, – заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя».⁸⁸

На поприще борьбы с пороком у каждого христианина бывают победы, но нередко бывают и невольные поражения. За победы христианин благодарит Бога, даровавшего силы к победе, и от поражений он не должен приходить в уныние. Каждое поражение послужит его духовному росту, если

христианин будет усиливать свое покаяние и приходить к большему смирению.

Сколько бы раз воин Христов не падал, сраженный грехом, но если после каждого падения он будет укорять себя, смирать себя и снова восставать на борьбу с пороком, то он, в конце концов, с Божией помощью выйдет победителем из духовной брани. В одном из писем, раскрывая законы духовной борьбы, Владыка сравнивает грехи с плевелами и пишет: «...кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое, растут, будучи выхолоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы, таким положением укореняется в человеке смирение, к смирению нисходит милость Божия».

Труден подвиг борьбы со страстями, которые гнездятся в греховном естестве человека, и блажен тот, кто постоянно следит за каждым движением своего сердца и сразу же покаянием пресекает каждое греховное влечение и даже каждый порочный помысел. Любой грех, пораженный покаянием при самом его появлении теряет свою силу и не может получить дальнейшего губительного развития и осуществиться делом. Но во много раз труднее подвиг борьбы с грехом, который овладел умом человека, свил себе гнездо в его сердце и, возможно, был совершен самим делом. Повторенный неоднократно грех порабощает совершенно человека и становится страстью. Для борьбы с укоренившимся грехом нужен долгий и упорный труд. «Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особое Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтобы свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком, или от падения человека в смертный грех, или от преступного произвольного наслаждения грехом...»,⁸⁹ – писал владыка Игнатий.

Каждый христианин, имеющий твердое намерение трезвиться и бодрствовать в подвиге духовного совершенствования, должен стараться полностью сосредоточить внимание на своей внутренней жизни. Епископ

Игнатий считал, что внимание к себе есть одно из условий спасения. «Желающий спастись, – пишет он, – должен так устроить себя, чтоб он мог сохранить **внимание к себе** не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами».⁹⁰

В подтверждение необходимости внимания в духовной жизни Владыка приводит слова аввы Агафона, который сказал: «Невозможно без усиленного внимания к себе преуспеть в добродетели».⁹¹

Для научения вниманию к себе святитель Игнатий советует устранить из своей жизни все пустые занятия, увлекающие в развлечения. Занятия частные и общественные, по суждению Владыки, не препятствуют, а способствуют сохранению внимания к себе. Праздность приводит к рассеянности, а полезная деятельность – к вниманию. «Деятельность – необходимый путь к бдительности над собой, этот путь предписывается святыми отцами для всех, которые хотят научиться вниманию себе»,⁹² – разъясняет архипастыр-труженик.

В одном из писем к сестре Елизавете Александровне епископ Игнатий говорит ей о пользе рукоделия и занятий по хозяйству, которые удаляют праздность и облегчают уму невидимую брань. При праздности страсти могут с особой силой восстать и потребуют многих усилий для укрощения их. В том же письме Владыка советует сестре сохранять благоразумие и не выходить на борьбу, которая может превысить ее силы, и, по возможности, стараться разумным трудом облегчить свои брани.

Много усилий нужно, чтобы приучить себя ко вниманию, но без внимания невозможно преуспеть в духовных бранях. Человек, стяжавший навык всегда внимать себе, со временем научается смотреть на земную жизнь очами веры и приобретает глубокие духовные познания. Скорби, страдания и болезни не страшны для внимающего постоянно своей душе христианина. Все жизненные трудности он принимает, как от руки Самого Бога, и видит в них «чашу Христову» (см.: Лк.10:38–39),⁹³ которую нужно ему испить для очищения себя от грехов.

Ничто так не опасно для жизни духовной, как рассеянный образ жизни. Во свидетельство этой истины епископ Игнатий приводит слова преп. Пимена Великого, который признал рассеянность началом всех зол.⁹⁴

Владыка сравнивал рассеянного человека с домом, у которого нет дверей и затворов, – тати, разбойники и блудницы в любое время вторгаются в него и расхищают все его сокровища.⁹⁵

Рассеянный человек не имеет ни в чём постоянства, подобно мотыльку порхает он с цветка на цветок – от одного удовольствия к другому. Он не способен ни к чему возвышенному, его интересуют одни земные попечения. Постоянный подвиг совершенствования, предуготовляющий к вечной жизни, органически неприемлем для рассеянного, так как он требует постоянной бдительности, внимания и напряжения.

Человек, ведущий рассеянный образ жизни, не имеет основательных познаний и убеждений, и поэтому жизненные трудности очень быстро сокрушают его. Рассеянный не способен переносить скорби и искушения – непереносимые спутники земной жизни каждого человека. Он ищет в жизни одни радости и не может возвыситься до той высоты, чтобы понять очистительное значение скорбей. При нахождении скорби рассеянный быстро впадает в уныние и отчаяние. О рассеянности епископ Игнатий пишет, что этот «недуг» так велик, так притупляет чувства души, что душа, болезнующая им, даже не ощущает своего бедственного состояния.⁹⁶

Рассеянность очень часто приводит к мечтательности. Большинство людей совершенно не обращает внимания на то, чем бывает занят их ум в минуты праздности. Последний, оставленный без надзора, часто в мечтаниях уводит человека в глубокие духовные дебри. Открывая мысли мечтателя, епископ-аскет пишет, что «в воображении (мечтателя) то порой сверкает кинжал над головою врагов его и сердце упивается удовлетворенным мщением, совершенным мечтою. То представляет он (мечтатель) рассыпанные кучи золота, а вслед за ними рисуются великолепные палаты, сады, все предметы

роскоши, сладострастия, гордости, приобретенные на это золото, то прельщают его мечты почестями, властью, тленной славой, то мечты представляют ему столы с дымящимися яствами, то кажется мечтателю, что он достиг, праведности и достоин многих человеческих похвал и прославления».⁹⁷

Последствия постоянной и укоренившейся мечтательности могут быть очень плачевны. Мечтатель теряет способность иметь внимание к себе, ум его перестает быть собранным, сосредоточенным, сердце приобретает жестокость при молитве, следствием чего бывает душевное расстройство.⁹⁸

Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она не казалась приманчивой и благовидной. Всякая мечтательность есть скитание ума вне истины, в стране призраков несуществующих и не могущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих, – пишет епископ Игнатий.

Христианин, внимающий своему спасению, должен помнить, что любой порок, если возобладает в человеке, может погубить его душу. Послабление одному греховному навыку может открыть вход в душу многим грехам и порокам.

Епископ Игнатий советует христианину в духовной брани преимущественно вооружиться против начальных страстей, к которым он относит: объядение, негу, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие. Укротив эти страсти, христианину легче избавиться от страстей, которые порождаются перечисленными страстями. К порождению указанных страстей Владыка относит: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельной жизни.⁹⁹

Христианин, зная склонность человеческой природы ко всем порокам, должен быть постоянно готов противостать страстям. При этом всякий христианин, по совету Владыки, должен внимательно следить за собой и особенно бодрствовать против той страсти, которая чаще других восстает в нём.¹⁰⁰

Постоянное бдение над своим сердцем, искоренение из него всех греховных навыков будет постоянно вести христианина по духовному пути совершенствования. На этом

пути, чем больше христианин очищается и преуспевает, тем больше пороков видит в себе, глубже постигает греховность человека и стремится очистить и омыть свою душу подвигом покаяния.

Как бы продолжителен и многотруден ни был подвиг бдения над собой и борьбы со грехом христианина, однако, по мудрому разъяснению владыки Игнатия, «не подвиг освобождает христианина от владычества страстей – освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа».¹⁰¹ Своим подвигом, своими силами христианин свидетельствует лишь о своем произволении избавиться от греха.

Непрестанное памятование этой истины избавит христианина от самонадеянности и гордости.

В творениях епископа Игнатия имеется несколько практических советов, как христианину приучать себя к непрестанному бодрствованию над собой, над своим сердцем.

Желающий приучить себя к вниманию, по рекомендациям святителя Игнатия, должен иметь благоразумную воздержанность в пище. Умеренное, равномерное и постоянное употребление пищи уменьшает жар в крови и содействует вниманию к себе. Чрезмерное употребление пищи рождает множество помыслов, питает страсти, возбуждает мечтательность и приводит к рассеянности.¹⁰² «Приучись быть воздержанным в пище, – пишет Владыка, – воздержанием доставишь здоровье и крепость телу, а уму особенную бодрость, столь нужную в деле спасения, очень полезную и при земных упражнениях».¹⁰³ Если чрезмерное употребление пищи приводит к рассеянности, то употребление вина совершенно делает человека неспособным к бодрствованию над собой. Архипастырь-аскет справедливо считал, что «вино лишает человека способности сохранить ум в трезвении. Когда подвижник подвергнется действию вина, тогда приступают к ослабевшему и омрачившемуся уму его супостаты, и ум уже не в силах бороться с ними. Связанный действием вина, он увлекается в пропасть греховную! В одно мгновение погибают плоды долговременного подвига...»¹⁰⁴ Блажен тот христианин, который, зная, как пагубно действует вино на душевное

состояние человека, будет воздержан в вине. Никто не рождается на свет пьяницей. Люди из-за небрежения к себе становятся рабами вина... «Знает ли подверженный недугу пьянства, выпивая первую рюмку, что он начинает самоубийство? Так называю этот несчастный навык, губящий душу и тело», – пишет преосвященный Игнатий.¹⁰⁵

Христианину можно употреблять вино в весьма малом количестве, кто же не может ограничиться малой мерой, тому лучше совершенно не употреблять вина.

«Служителю Христову надо охраняться не только от пьянства, но и от привычки к многому употреблению вина, разгорячающего плоть и возбуждающего в ней скотские пожелания»,¹⁰⁶ – заповедует всем христианам мудрый архипастырь.

Особенно опасно употребление вина в юном возрасте. Зная, как склонна юность ко греху, Владыка советовал благонамеренным юношам быть особенно бдительными к себе и всеусиленно воспитывать в себе добрые навыки, а при первом же обнаружении склонности ко греху сразу же отсекал порочные вожеления.

«Юноша, – вызывает Владыка, – будь благоразумен и предусмотрителен: в годы юности твоей обрати особенное внимание на приобретение хороших привычек; в лета зрелости и старости твоей возрадуешься о богатстве, приобретенном беструдно в лета юности».¹⁰⁷ Тем же, кто обратился ко Христу в зрелом возрасте, долгое время не следил за своей душой и успел стяжать много порочных навыков, любвеобильный архипастырь советует не предаваться унынию и двоедушию, но «мужественно вступить в борьбу с злыми навыками». «Победа над ними не невозможна при Божией помощи»,¹⁰⁸ – ободряет он. Подвиг непрестанного трезвения необходим христианину на всех ступенях совершенства. Даже подвижнику, сподобившемуся благодатных дарований, нужно непрестанно долгим подвигом бодрствовать над собой, чтобы не ожить для греха к вечной смерти.

В одном из писем Владыка следующими исполненными поэтического вдохновения словами описывает изменчивость и

удобопреклонность ко греху человеческой природы: «Я сказал бы: умерщвленный ведением духовным... не оживает для мира уже. Увы! Я сказал бы несправедливо. Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для ней Иуда! Ожили для нее многие!.. Увы! Как мы слабы, как переменчивы!.. Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!..»¹⁰⁹

Только постоянное бдение над собой делает возможным христианину умереть для греха (см.: [Рим.6:2,11](#)) и более не оживать для него, но постепенно восходить от силы в силу на поприще делания евангельских добродетелей.

Глава X. Любовь к ближним

Любовь к ближнему – основание
в здании любви.

Епископ Игнатий.

Любовь есть высшая добродетель, которая составляется из полноты всех прочих добродетелей (Кол. 3,14).

А в любви к Богу и ближним сосредоточивается весь закон Божий. *Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим: и ближняго своего яко сам себе* (Лк. 10, 27). *В сию обою заповедю весь закон и пророцы вѣсят* (Мф. 22,40), – возвестил Христос Спаситель.

Кажется, ни о чём так часто не беседуют проповедники, как о любви. Сколько раздаётся призывов к стяжанию этой высшей добродетели, и однако, редкий вития может указать праведный путь к приобретению любви. Только тот, кто сам преуспел в любви, может и других научить, как стяжать ее.

Обратимся же к учению о любви архипастыря-подвижника, от юности своей всем сердцем возлюбившего Бога и ближнего.

Заповеди о любви к Богу, по словам Владыки, настолько возвышеннее заповеди о любви к ближнему, насколько Бог выше Своего образа. Но заповедь о любви к ближним есть основание к любви Богу. Любовь к ближним вводит христианина в любовь к Богу.¹¹⁰

Союз любви к Богу с любовью к ближним с исчерпывающей полнотой изложен в посланиях св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Чувство любви к ближним присуще каждой человеческой душе, но, как и все другие чувства, естественная любовь извращена грехом. Святитель Игнатий пишет: «В каких язвах наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – пристрастие. Обладаемое пристрастием сердце способно к всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей».¹¹¹

Естественная любовь стремится доставить любимому земное благополучие, всё духовное и вечное чуждо сей естественной любви. Естественной любовью руководит плоть и кровь, которые, в свою очередь, очень легко могут быть возбуждаемы отверженными духами. В любви естественной нет постоянства, она может разгореться очень сильно, но нередко после короткого времени легко обращается в отвращение и даже ненависть. В период своего наивысшего развития естественная любовь хочет безгранично владеть объектом своей любви, и если не достигает желаемого, бывает способна на многие безрассудные поступки и даже преступления. По словам епископа Игнатия, «естественная любовь выражалась и кинжалом».¹¹²

Естественная плотская любовь недостойна называться любовью, потому что она ничего не имеет общего с истинной любовью к ближним, заповеданной Христом Спасителем в Его Евангелии. «Любовь... запечатленная падением, недостойна именоваться любовью: она – искание любви, она... враждебна любви святой, истинной», – говорил Владыка. Пред Богом не имеет цены плотская, естественная любовь к ближним. Она отвергается Господом как дар непотребный. Только любовь, почерпнутая в Евангелии, любовь святая и духовная, достойна называться любовью и принимается Богом как дар благоприятный.

Для стяжания истинной любви нужно отвергнуть, умертвить в себе естественную любовь и приступить к жизни по евангельским заповедям. «Приступим к Евангелию, – приглашает святитель Игнатий всех христиан, стремящихся иметь к ближним истинную любовь, – поглядимся в это зеркало! Вглядысь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая приготовлена нам Богом».¹¹³

Исполнение евангельских заповедей избавляет человека от греховного плена и приводит под руководство Святого Духа, Который научает истинной, святой любви к ближним.

Истинная любовь к ближним имеет основанием веру в Бога. Она вся в Боге, т.к. *Бог есть любовь* (1Ин.4:16). В ближнем

христианин любит Христа, ибо Спаситель «благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, а во Христе Бог». ¹¹⁴

Духовная любовь исполнена простоты и веры к ближним, в ней нет подозрительности и ревности, «постоянство и мудрая рассудительность – неперемменные качества ее».

Путь к достижению духовной любви к ближним многотруден и связан с подвигом искоренения греха во всём его разнообразии из человеческого естества.

Истинная любовь к ближним не может мгновенно воссиять в сердце христианина; как при достижении любой христианской добродетели, так и при стяжании любви к ближним имеется определенная последовательность. Первоначально необходимо отвергнуть вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все те чувства, которые противоположны любви. ¹¹⁵ Затем нужно, повинаясь Евангелию, научиться молиться за врагов, благословлять клянущих (см.: Мф.5:44), делать добро ненавидящим и прощать ближним всё, что они сделали плохого нам. Чтоб исполнить все перечисленные евангельские заповеди не только на словах, но и в жизни, нужен многолетний подвиг самоотречения. «Пожертвуй всем, – пишет Владыка, – для исполнения евангельских заповедей. Без такого жертвования ты не сможешь быть исполнителем их». ¹¹⁶

Желающий достигнуть истинной любви к ближним должен прежде всего отвергнуть самолюбие и человекоугодие, которые укрепляют в человеке естественную любовь.

Самолюбие – искажение любви к самому себе. Тот, кто не имеет к себе духовной любви, не может и ближнего возлюбить духовно.

Человекоугодие – искажение любви по отношению к ближним. Оно, как и самолюбие, является «горестным самообольщением» и, возобладав сердцем человека, делает его неспособным к истинной любви. ¹¹⁷ Только решительное отвержение этих пороков открывает путь к достижению духовной любви. Подвиг искоренения из своего сердца самолюбия и человекоугодия связан с многими усилиями человеческой воли. Греховное естество ожесточенно отстаивает

все свои порочные навыки. Епископ Игнатий, употребляя слова святого первомученика и архидиакона Стефана, говорит, что сердца наши, подобно сердцам наших праотцев, *присно противятся Святому Духу* (Деян.7,51), и нередко необходима люта́я борьба для искоренения греховных чувств.¹¹⁸ В этой трудной невидимой брани очищения своего сердца за каждую победу Господь награждает подвижника духовным утешением, вкусив которое, он увереннее продолжает начатый подвиг борьбы с усвоившимся человечеству падением. «Учащенные победы, – пишет святитель Игнатий, – привлекают учащенное посещение и утешение благодати; тогда человек с ревностью начинает попира́ть своеуго́дие и своево́лие, стремясь по пути заповедей к евангельскому совершенству...»,¹¹⁹ к достижению духовной любви.

Плотскому человеку, не обновленному еще благодатию Духа Святого, очень трудно искоренить из своего сердца все проявления естественной любви. Чтоб достичь этого, нужно иметь твердую веру в Бога и предаться всеблагой воле Божией; и не только предать этой воле самого себя, но и всех своих ближних, и в Боге стараться полюбить их. Владыка Игнатий советовал своим пасомым не останавливать в себе чувство расположения к ближним, но быть «проводником их к святому чистому Небу. Если христианин, обращаясь к Богу, будет говорить о возлюбленных своих: «Боже! Они – Твое достояние, Твои создания, Твое, Тебе принадлежат, а я что? Кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий», «то он постепенно уврачуется от самолюбия и пристрастия к ближним и станет способным к чистой любви к ближним – любви в Боге».

Много и подробно говорит святитель Игнатий о том, как бороться с естественной любовью, в письмах к «брату, занимающемуся умною молитвой». Некому иноку, имевшему привязанность к Н., Владыка советовал несколько раз в день (3–4) преклонять колена и обращаться к Богу с молитвою: «Господи! Н., которого я думал так любить, думал так уважать, – называл, обманываясь, моим, – Твой, Твое создание, Твоя собственность... Ты Всеблаг: хочешь устроить для него всё

благое... А я – кто? – Пылинка, горсть земли, сегодня существующая, завтра исчезающая. Какую могу ему принести пользу? – Могу лишь более повредить ему и себе моими порывами, которые кровь, которые грехи. Предаю его в Твою волю и власть! Он уже есть, всегда был в Твоей полной воли и власти; но этого доселе не видел слепотствующий ум мой. Возвращаю Тебе Твое достояние, которое безумно похищал я у Тебя обольщавшими меня мнением моим и мечтанием. Исцели моё сердце, которое думало любить, но которое только больно: потому что любит вне Твоих святых заповедей, с нарушением святого мира, с нарушением любви к Тебе и ближним».

Эта молитва, прекрасно выражающая всецелую преданность своих ближних воле Божией, со временем может ослабить порывы плоти и крови и вселить в сердце святую хладность и духовную любовь к ближним.

Кроме всецелого предания своих ближних воле Божией, образованию истинной любви способствует и глубокое внутреннее, а не внешнее, почтение к каждому человеку как образу Божию. «Воздавай почтение ближнему, как образу Божию, – почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей... Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия»,¹²⁰ – советует богомудрый архипастырь. От внутреннего почтения к образу Божию – человеку, постепенно в сердце христианина появится любовь, причиной которой будет не кровь и плоть, а Бог.

Во все времена христиане, достигшие совершенства, имели в своем сердце любовь ко всем людям, не различая добрых и злых. В самом явном грешнике, лишенном славы христианина, они умели видеть, хотя и помраченный пороком, но всё же образ Божий, и его они почитали любовью. Епископ Игнатий говорил: «Если образ Божий будет ввергнут в пламень ада – и там я должен почитать его, что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию, и тем сохранить себя от ада».¹²¹

Святитель призывал оказывать глубокое почтение всем людям, невзирая на их внешнее положение и состояние. Слепые, прокаженные, поврежденные рассудком, младенцы,

уголовные преступники и язычники – все они являются образом Божиим и поэтому достойны любви. Человеческие немощи и недостатки, как велики бы не были они, для истинного христианина никогда не могут заслонить образа Божия в человеке.

Ко всем людям, а особенно к христианам должен относиться с глубоким почтением каждый член святой Церкви. В христианине он воздает почтение Христу. Господь Сам благоволил всё сделанное ближним во имя Его принимать как дар Ему Самому. *Понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе* – заповедал Христос (Мф. 25, 40).

Евангелие заповедует любить не только всех своих ближних – родных, друзей, но иметь это же святое чувство и к врагам своим. *Любите враги ваша, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы* (Мф. 5, 44), – этот призыв Самого Господа обращен со страниц святого Евангелия ко всем христианам.

Любовь к своим врагам непонятна для плотского разума, и только христианин, просвещенный благодатью Святого Духа, может не только теоретически, но и опытно преуспеть в этой любви.

В жизнеописании епископа Игнатия уже говорилось, что Преосвященный достиг такого совершенства, мог смотреть на своих врагов, как на святых ангелов, поэтому его слова о любви к врагам имеют особую важность. Владыка считал, что Евангелие предписывает нам любовь к врагам «не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением».

Евангелие говорит о любви к врагам, но в нём же повелевается не вверяться им (врагам), и быть с ними очень осторожными. Спаситель, предостерегая Своих учеников, а в их лице и всех Своих последователей; сказал: *Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие. Внемлите же от человек: предадут бо вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас.. и будете ненавидимы всеми имени Моего ради...* (Мф. 10:16,17,22). В этих словах

Господа владыка Игнатий справедливо видит предписание осторожного, и, по возможности, мудрого отношения к врагам своим.

В чём же тогда должна проявляться любовь к своим недругам? По высказыванию любвеобильного архипастыря, любовь к врагам должна проявляться в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, в хороших словах о них, в благодарности Богу за причиненные врагами напасти, деланием им добра, «в благодетельности, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врагов». Пример всесовершенной любви к врагам явил Сам Спаситель мира Иисус Христос.

В одной из своих проповедей епископ Игнатий в образец любви к врагам приводит святого первомученика и архидиакона Стефана, который, побиваемый камнями, молился за своих убийц (Деян. 7, 60). «Пылал... священным огнем святой первомученик Стефан, – сказал Владыка, – ... последовали удары смертоносные, от лютости их пал Стефан полумертвым на колени, но огонь любви к ближнему в минуты разлуки с жизнью еще живее вспылал в нём... Последним движением его сердца было – движение любви к ближним, последним словом и делом была молитва за убийц своих».¹²²

Епископ Игнатий учил, что не только к врагам, но и к друзьям любовь должна быть освещена духовным рассуждением. Любить друзей нужно во Христе, чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие.

Христианин, любящий в ближних Христа, будет иметь ко всем равную любовь. Святитель Игнатий в одном из писем спрашивает: «Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?» – и сам же разрешает этот вопрос, приведя в пример святых угодников Божиих. «Святые, – утверждает Владыка, – имели ко всем равную любовь, но особенно любили тех, кто проводил благочестивую жизнь. Наставники имели большее расположение к тем пасомым, в которых видели ревность и полное послушание. Наставляемые всегда имеют большую любовь к тем наставникам, в которых они видят живой

пример назидания и обилие духовного разума». По мысли Владыки, «любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим, равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всём Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой меньше. Сокровище – одно!» Епископ Игнатий постоянным подвигом самоотречения погасил в себе плотскую любовь к ближним, поэтому его отношение к близким к нему людям было преисполнено истинной евангельской любви. Он высоко ценил дружбу, считал ее великим Божиим даром. «Друзей мне дал Бог, – писал Преосвященный, – эту мзду принял я от Всевышнего за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей». В основе своих отношений с друзьями епископ Игнатий имел Христа, и поэтому крепка и душеспасительна была его дружба. «Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос», – писал он.

Дар дружбы, по убеждению Владыки, дается земным странникам для того, чтобы друзья взаимной откровенностью и советом помогали друг другу достигать спасения. Эту истинную цель дружбы архипастырь изложил в письме к одному из своих друзей. «Мое сердце с такой же сладостною простотою к вам, как и ваше ко мне, – писал он. – Такие отношения – истинное сокровище... А то утешает меня особенно в моих отношениях дружеских, что причина этих отношений – Бог... Он источник истинного блага, всякого истинного, чистого наслаждения. Он сохранит меня в вашей памяти, а вас в моей. Он даст нам усугубить талант дружбы, полученный от Него. Вот чего я желаю, – желаю, чтоб при вступлении в вечность мы сподобились в сонме благих и верных рабов предстать Господу и сказать Ему: «Ты даровал нам прекрасный талант дружбы, приносим Тебе приобретенный на него другой талант – талант драгоценный спасения» (ср.: Мф.25:15–23).

Епископ Игнатий считал, что преуспевание в любви к ближним, когда оно в Боге, не имеет конца. Истинной любовью к ближним невозможно насытиться, потому что питает ее беспредельный Бог. «Огонь любви требует много пищи для того, чтоб он мог постоянно умножаться, – свидетельствует Владыка,

– когда питает его Бог, – он непрестанно усиливается, нет ему предела, но когда предоставлено питать его человеку самим собой – скоро оскудеет пища для огня, – огонь потускнеет и угаснет.

Истинная любовь к ближним приносит христианину величайшее духовное наслаждение и уготовляет его обителям рая, ибо она (любовь) есть «печаль души, способной для неба».

Тот, кто сподобился духовной любви к ближним, опытно познает омерзительность плотской любви, искренне приносит покаяние в том, что прежде имел ее, и стремится возгреванием в себе любви святой никогда не возвращаться к любви естественной.

Истинная любовь к ближним, как и внимательная молитва, является признаком совершенства христианина.

«Возлюбленный брат! – призывает всех христиан епископ Игнатий, – ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата Царства Небесного».

Глава XI. Страх перед Богом и любовь к Богу

Любовь есть достояние
совершенных, а достояние
благочестивых и спасающихся
есть страх Божий.
Еп. Игнатий.

По учению Священного Писания, *Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём* (1Ин. 4, 16). Чувство любви к Богу врожденно душе каждого человека. Первый человек был создан с вождением Бога. Подобно тому, как духовен и свят был первый человек, были духовны и святы все его чувства. После грехопадения все чувства человека заразились дебелистью и тлением; в нём возобладала любовь плотская. Чувство духовной любви не исчезло из души человека, но оно находится как бы под толстым слоем пожеланий страстных и вождений плотских.

С приходом на землю Искупителя мира человечество получило возможность избавиться от рабства греху и тлению. Спаситель возвратил людям возможность к вождению духовному, даровал им силы бороться с грехом и пороком. Последователи Иисуса Христа, свергнув с себя греховное бремя, влекутся к Богу божественной любовью – любовью истинной, духовной и святой. Только любовь, имеющая эти качества, благоугодна Богу. Любовь, исходящая от сердца, преисполненного страстей и пороков, – любовь плотская, а не духовная, – не может быть принята Богом.

Епископ Игнатий говорит, что многие люди, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышенная добродетель (1Кор. 13, 13) и что она – Бог (1Ин. 4, 16), сразу же пытаются развить в своем сердце это чувство, любовью они начинают растворять свои молитвы, богомыслие и все свои действия. Но Бог отвращается от этой нечистой жертвы, она не угодна Ему. Бог приемлет от человека любовь не мечтательную, плотскую, оскверненную гордостью и сладострастием, а чистую, духовную, святую. Тщетно стремление человека служить Богу

любовью, которая исходит из свойств падшего человека.¹²³ Истинная любовь к Богу есть дар Божий. Изливается этот дар действием Святого Духа в души тех людей, которые омылись от греховной скверны и постоянством в подвиге очищения доказали свою способность к принятию этого великого дара. Преосвященный Игнатий пишет: «Он (Бог) Свят, и почивает в одних святых. Он независим: бесплодны усилия человека принять в себя Бога, когда нет еще благоволения Божия обитать в человеке, хотя человек – богозданный храм, сотворенный с тою целью, чтоб обитал в нём Бог (1Кор. 3, 16). Этот храм находится в горестном запустении: прежде освящения он нуждается в обновлении».¹²⁴

Преждевременное стремление развить в себе чувство любви, по объяснению Владыки, есть самообольщение, устраняющее от правильного служения Богу и вводящее человека в разнообразные заблуждения. Конец этого дерзостного стремления для грешного человека – гибель души.¹²⁵

Эту мысль Владыка раскрывает на примере из истории Ветхого Завета. В книге Левит повествуется, что когда сыновья первосвященника Аарона Надав и Авиуд дерзнули принести в жертву Богу *огнь чуждый*, которого Господь не повелел приносить (только освященный огонь, хранившийся в Скинии Свидения, мог быть употребляем при священнослужении), Господь покарал их страшной казнью: *изшел огонь от Бога и попалил их, и умерли они пред лицом Господним (Лев.10:1,2).*

Чуждый огонь, по мнению святителя Игнатия, изображает любовь падшего естества, отчуждавшегося от Господа. Казнь жрецов, дерзнувших принести Богу этот огонь, изображается умерщвление души, которая вознамерилась принести Богу жертву нечистую. Священный огонь, который один разрешалось в Ветхом Завете употреблять при жертвоприношениях, символизирует собой благодатную любовь, исшедшую от естества обновленного, и, следовательно, благоприятную Богу.¹²⁶

Грешника, возмечтавшего принести Богу свою нечистую любовь, ожидает наказание подобно тому, которому

подверглись сыновья Аарона. Сыновья Аарона были отвергнуты Богом и вследствие этого погибли, душу грешника также ожидает отвержение и гибельное самообольщение.

«Неужели же нам, потому что мы грешники, вовсе не любить Бога?» – спрашивает епископ Игнатий и сам же отвечает на этот вопрос: «Нет! Будем любить Его, но так, как Он заповедал любить Себя, будем всеусиленно стремиться к достижению святой любви, но тем путем, который указан нам Самим Богом. Не будем предаваться увлечениям обманчивым и льстивым самомнениям! Не будем возбуждать в сердце пламени сладострастия и тщеславия, столько мерзостных пред Богом, столько пагубных для нас!»¹²⁷

Единственно правильный и безопасный путь к любви Божией епископ Игнатий, согласно учению святых отцов, видит в воспитании в своей душе страха пред Богом.

Чувство страха пред Богом нельзя понимать в грубом обманчивом понимании какого-то животного бессознательного страха. Нет! Чувство страха пред Богом есть одно из возвышенных чувств, которые доступны христианину. Епископ Игнатий свидетельствует, что только опыт открывает высоту этого чувствования. Он пишет: «Высоко и возделенно ощущение страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, престаёт произносить слова, плодит мысли; благоговейным молчанием, превышим слова, выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся от этого сознания».¹²⁸ Чувство страха пред Богом, равное глубочайшему благоговению пред Ним, возникает у каждого христианина при размышлении о необъятном величии Существа Божия и при сознании своей ограниченности, немощи и греховности.

Приступая к Господу, вступая на путь служения Ему, каждый человек должен вспомнить, с каким страхом и трепетом высшие существа – святые ангелы – предстоят Ему.

«Если Он (Бог) умалил Себя для нас, *приняв зрак раба* (Флп.2:7) по неизреченной любви к нам, то мы не имеем права забываться пред Ним. Мы должны приступать к Нему как рабы к Господу, как твари к Творцу...», – говорит Владыка. Далее он

продолжает, что все небожители, окружающие непрестанно Господа, в страхе и трепете предстоят Ему. Преславные серафимы и пламенные херувимы не могут зреть славу Божию, они закрывают крыльями свои огненные лица и в «непрестанном вечном исступлении» вопиют: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» (см.: Ис.6:2–3)

Грешник может предстать пред Богом только в одежде покаяния. Покаяние делает христианина способным к принятию обильных даров Божиих, оно вводит его сперва в страх Божий, а потом постепенно в любовь. Страх Божий есть дар Всевышнего Бога;¹²⁹ как и все дары, он испрашивается у Господа молитвою и постоянным деятельным покаянием. По мере преуспевания в покаянии христианин начинает ощущать присутствие Божие, от которого появляется святое ощущение страха. Если при ощущении обычного страха человек старается удалиться от объекта, который вызывает страх, то духовный страх, наоборот, будучи действием Божественной благодати, имеет в себе свойство духовного услаждения¹³⁰ и всё более и более привлекает человека к Богу. Священное Писание неоднократно говорит о страхе Божиим и полагает его началом премудрости¹³¹ (Притч. 1, 7). Святой апостол Павел заповедует всем христианам: *Со страхом и трепетом спасение свое соделывайте* (Флп. 2, 12).

Святые отцы, основываясь на Священном Писании, придают страху пред Богом в духовной жизни христианина очень большое значение. Епископ Игнатий в статье «Слово о страхе Божиим и о любви Божией» приводит высказывания некоторых из них. Следуя святителю, мы приведем здесь некоторые выдержки из этих высказываний.

Святой Исаак Сирский сказал: «Страх Божий есть начало добродетели... Умудрись положить в основание путешествия твоего страх Божий, и в немногие дни окажешься при вратах Царствия...»¹³² Следующие слова также принадлежат преподобному Исааку Сирскому: «Страх есть отеческий жезл, управляющий нами, доколе не достигнем духовного рая благ; когда достигнем туда, он оставляет нас и возвращается. Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всех

блаженств...»¹³³ Преподобный Пимен Великий: «Мы нуждаемся в смиренномудрии и страхе Божиим столько же, сколько в дыхании... Начало и конец духовного пути – страх Господень».¹³⁴

«Начало нашего спасения, – говорит преподобный Кассиан Римлянин, – есть страх Господень. Им доставляется и начало обращения, и очищение от страстей, и хранение добродетелей в тех, которые наставляются на путь совершенства».¹³⁵

Святые отцы различают в страхе Божиим две степени. Первоначальный страх они называют «вводительным», – он свойствен начинающим путь духовного делания, а второй страх – «совершенным», который обитает в мужах, достигших в меру любви.¹³⁶ Первый вид страха постепенно ослабевает в христианине по мере духовного преуспевания и уступает место страху второму, «совершенному», который постепенно под действием Божественной благодати преобразуется в любовь и сопребывает ей. Епископ Игнатий считал, что страх есть первое духовное проявление любви к Богу.¹³⁷ Христианин, сподобившийся получить и развить в себе дар страха пред Богом, со временем может быть удостоен и высшего дара – дара любви.

Христос Спаситель засвидетельствовал в Своем Евангелии, что признаком истинной любви к Нему является исполнение Его заповедей. *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает* – сказал Господь (Ин. 14, 23–24). «Ты хочешь научиться любви Божией? – спрашивает епископ Игнатий и сам научает, как этого достигнуть, – тщательно изучай в Евангелии заповедания Господа и старайся исполнять их самым делом, старайся обратить евангельские добродетели в навыки, в качества твои. Свойственно любви с точностью исполнять волю любимого».¹³⁸

Любовь к Богу вселяется в сердце христианина от исполнения евангельских заповедей и получает постепенное развитие по мере совершенства в исполнении их. Для стяжания любви требуется неуклонное исполнение евангельских заповедей, решительное отвержение греха и любви ко всему временному, – требуется следование словам пророка,

сказавшего: *Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия. Сего ради ко всем заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех* (Пс. 118, 127–128). Если христианин захочет любить Бога и в то же время не оставит любовь ко греху или если на пути следования к Богу он непрестанно будет озира́ться назад и даже возвращаться к оставленному греху, то не достигнет цели. «Верность, – пишет святитель Игнатий, – неперменное условие любви. Без этого условия любовь расторгается».¹³⁹

Любовь к Богу должна обнимать всё человеческое естество. Это заповедал Спаситель мира Иисус Христос, сказав: *Возлюбши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всюю крепостию твоею, и всем помышлением твоим...* (Лк. 10, 27; Мк. 12, 30).

Истинная любовь к Богу исходит от всего сердца, всей души и всего ума. Все силы души, по словам владыки Игнатия, и даже самое тело может принять участие в стремлении к Богу.¹⁴⁰ Прежде всего христианин направляет к Богу свою волю. Чтобы подчинить свою волю воле Божией, нужно подробно изучать ее. Воля Божия открыта во Святом Евангелии. Встав на путь исполнения евангельских заповедей и неуклонно шествуя по нему, христианин постепенно приучает себя к постоянному памятованию о Боге. Тщательное изучение закона Божия, внимательное чтение Евангелия и всего Нового Завета, чтение творений святых отцов, – всё это уже есть начало непрестанного памятования Бога. Домашняя молитва и частое, по возможности каждого, посещение храма также способствует памятованию о Боге. Молитвенное настроение, образовавшееся в часы домашней или общественной молитвы в душе христианина, сохраняется нередко в течение всего дня и приводит ум и сердце к Богу при всех дневных занятиях. Исполнение евангельских заповедей есть также памятование Бога, непрестанное исполнение заповедей Божиих – есть постоянное памятование Бога.¹⁴¹

Для возгревания непрестанного памятования о Боге епископ Игнатий советует, во исполнение слов Христа Спасителя: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5),

пред каждым делом молитвенно обращаться к Богу и испрашивать у Него благословения и помощи. Это «многозначительное, святое, сильное, хотя и невидимое делание» завещали всем христианам многие угодники Божии.¹⁴²

Призывание Господа на помощь перед каждой беседой и перед каждым делом откроет внимательному делателю близость Бога ко всем, кто призывает Его. «Забытый человеком Бог, – говорит епископ Игнатий в одной из своих проповедей, – делается для человека как бы несуществующим, скрывается от человека: непрестанно воспоминаемый, как бы оживает, является, делается вездесущим и всемогущим, сопричастующим человеку... Жительствова и действуя под взорами Бога, человек охраняется с особенною тщательностью от грехов, заботится с особенною ревностью о исполнении заповедей Божиих».¹⁴³

Непрестанное памятование Бога постепенно приводит христианина к тому, что он *«всем помышлением»* своим начинает любить своего Творца.

Чтение Евангелия, творений святых отцов, деятельное исполнение Евангельских заповедей, домашняя и храмовая молитва, молитвенное обращение к Богу пред каждым начинанием воспитывают в христианине непрестанное памятование Бога и являются теми блаженными деланиями, «которыми возделывается любовь к Богу».¹⁴⁴ Как уже говорилось, молитва есть делание, по которому можно определить степень любви человека к Богу. Рассеянная молитва свидетельствует о том, что сердце находится еще в плену страстей и неспособно к любви. Внимательная молитва есть признак оставления земных пристрастий и способности сердца прилепиться к Богу.

Не только в перечисленных деланиях, но вообще во всех христианских добродетелях нужно преуспеть христианину, чтобы стяжать любовь, *ибо любовь есть союз (совокупность) совершенства*, как говорит апостол Павел (Кол. 3, 14).

Достигнув многотрудным путем покаяния искоренения из своего сердца страстей и пороков и насаждения евангельских добродетелей, христианин становится способным принять от

Бога дар любви. Этот дар ниспосылается в сердце верного и смиренного слуги Господня иногда совершенно неожиданно в то время, когда смиренная душа менее всего считала себя способной принять его.

Любовь к Богу, воссияв в сердце христианина, производит в нём дивную перемену и приносит многие плоды.

Чтобы наглядно показать вселение в сердце подвижника любви к Богу и то состояние, которое переживает он при этом, епископ Игнатий приводит свидетельство о себе затворника Георгия.

«Хочу сказать несколько слов о сущности любви, – пишет Задонский затворник, – это самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны, они священны и изливаются на душу от Святого, Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца, – и всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно прелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую всё».¹⁴⁵ Далее подвижник описывает, как дар любви коснулся его сердца. Проведя шесть лет в уединении, он пришел в совершенное сокрушение, впал в крайнее изнеможение, едва дышал, но непрестанно творил Иисусову молитву. «Вдруг – пишет он, – в одно мгновение вся немощь отпала, и огонь чистой любви коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств приятности и радости неизъяснимой, я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтоб меня мучили, терзали, ругались надо мной, желал этого, чтоб удержать в себе сладкий огонь любви ко всем... Чем более нападение, тем более сердце разгорячается святой любовью. И какая свобода, какой свет! Нет слов к изъяснению...»¹⁴⁶

Вселение Христа в сердце христианина есть плод любви. Христианин, стяжавший в сердце своем любовь, становится храмом, в котором обитает Бог по слову Иисуса Христа: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.* (Ин. 14, 23). Апостол Павел, достигнув этого блаженного состояния, мог с полной убежденностью сказать: *Уже не я живу, но живет во мне Христос!* (Гал. 2, 20). К

принятию в своих сердцах Господа призваны все христиане. *Или вы не знаете самих себя, – пишет апостол Павел коринфянам, – что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть (2Кор. 13, 5).*

Преуспевание в любви к Богу приносит в сердце христианину истинное утешение, наслаждение и просвещение. Любовь к Богу «сладостнее ощущения жизни», она совершенно изгоняет плотскую и душевную любовь; пребывает в тонком хладе, всегда ровная, она настолько сильна, что научает полагать душу за ближних, она научает человека правильному отношению ко всем и ко всему, она приносит святой мир и чистоту. Вот каковы плоды истинной любви, по учению епископа Игнатия.

Высока добродетель любви к Богу, она открывает сердце христианина для принятия в него Господа Бога и приносит многие дивные плоды. Любовь – удел всех святых и пребудет вечно.

Каждый христианин, начинающий шествовать по пути духовной жизни, должен помнить, что любовь есть высшая добродетель и искренно считать себя недостойным этого дара и совершать свое спасение под водительством страха пред Богом.

Епископ Игнатий говорит: «Да возлежит на персях Иисусовых Иоанн, девственник и Богослов, ученик, **егоже любляше Иисус!** (Ин. 21, 20). Да присоединятся к нему прочие святые Божии, наперсники святой любви! Здесь не наше место. Наше место в сонме прокаженных, расслабленных, слепых, глухих, немых, беснующихся. Мы принадлежим к числу их по состоянию душ наших и в числе их приступим к Спасителю нашему... чтобы тем вернее было для нас получение милости».¹⁴⁷

Глава XII. Предостережение епископа Игнатия от опасностей на пути спасения

1. О чтении книг, содержащих лжеучение

Душу может убить одна мысль, содержащая в себе какой-нибудь вид богохульства, тонкий, вовсе неприметный для незнающих.

Еп. Игнатий.

Во времена епископа Игнатия в России увеличилось печатание книг духовного содержания, переведенных с иностранных языков. Тысячами книги инославных писателей привозились из-за границы. Эти книги находили в России многих читателей.

Епископ Игнатий очень неодобрительно относился к духовной литературе, написанной на Западе. В этом вопросе он был очень принципиален и строг. Владыка признавал, что книги инославных писателей могут содержать хорошие мысли, но по своему духу они не соответствуют нравственному преданию Православной Церкви и чаще всего написаны людьми, подвиг которых имел неправильное направление. Такие книги, наряду с истинными, содержат и много ложных мыслей, и читающий их, часто сам того не замечая, уклоняется на путь лжи. «Опыт доказывает, – пишет Владыка, – как губительны последствия безразборчивого чтения. Сколько можно встретить между чадами Восточной Церкви понятий о христианстве самых сбивчивых, неправильных, противоречащих учению Церкви, порочащих это святое учение, – понятий, усвоенных чтением книг еретических!»¹⁴⁸

Отличие святоотеческих писаний от произведений, написанных на Западе, епископ Игнатий усматривал в следующем. Подвижники Восточной Церкви всегда основывали свой подвиг на глубочайшем смирении; грехопадение человека было постоянным предметом их размышлений, постоянным занятием их был плач о своих грехах. Покаянием был преисполнен весь их подвиг, и этим же спасительным чувством

исполняли они свои писания. Святые отцы приводят своих читателей к рассмотрению своих грехов, своего падения, к плачу о себе пред милосердием Создателя, к исповеданию Искупителя. Первоначально они обуздывают греховное влечение нашего тела, делают его способным к духовной деятельности, затем очищают ум от усвоившихся ему падением мыслей и заменяют их мыслями обновленного человека. После этого св. отцы научают исправлению сердца – изменению его греховных навыков и ощущений. Последнее особенно трудно и требует продолжительного подвига. Чтобы заменить греховные навыки, свойства и чувствования навыками, свойствами и чувствованиями духовными, нужно умертвить в себе все греховные пожелания плоти и крови и подчинить тело, ум и сердце духу. Только после этого христианин становится способным к восприятию высших духовных видений. Таким путем шли все древние отцы Востока, и ему они учат в своих творениях.

Древние подвижники Запада – преподобный Венедикт и святой папа Григорий Двоеслов – были единомысленны с Востоком и в подвижнической жизни шли этим же путем, но со времени отпадения Запада от Восточной Церкви западные подвижники пошли иным путем: «Уже Бернард, – пишет епископ Игнатий, – отличается от них (наставников Востока) резкою чертою; позднейшие уклонились еще более».

Западные писатели, оставив путь покаяния и очищения себя от страстей и пороков, сразу же влекут грешного человека в объятия любви и на высоты видений. «Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новонаначального, заносятся и заносят». Понятие об истинной духовности утрачено у подвижников Запада, оно у них заменено разгоряченной и исступленной мечтательностью. Действия мечтательности и разгорячения они принимают за благодатные переживания. Кровь и нервы, тщеславие, тонкое сладострастие производят в сердце ложные утешения, наслаждения и упоения, которые обольщенный подвижник считает истинными. «Все незаконно подвизавшиеся, – по свидетельству святителя Игнатия, истинного подвижника, – находятся в этом состоянии».

Из этого состояния самообольщения на Западе написано множество книг, имеющих громкие, многообещающие названия.

Люди, незнакомые с нравственным преданием Восточной Церкви, с большим интересом и увлечением читают подобные книги. Они тонко льстят их греховным чувствам и привлекают быстротою движения высших переживаний. Человек, несведущий в духовной жизни, принимает эти переживания за истинные и, приняв ложь за истину, становится на путь самообольщения и гибели. «Не прельщайся громким заглавием книги, обещающим преподать христианское совершенство тому, кому нужна еще пища младенцев; не прельщайся ни великолепным изданием, ни живописью, силою, красотой слога, ни тем, что писатель будто святой, будто доказавший свою святость многочисленными чудесами»,¹⁴⁹ – убеждает епископ Игнатий своих читателей. Ясно и кратко изложил епископ Игнатий свое отношение к чтению святых отцов и иностранных писателей в одном из писем к сестре своей Елизавете Александровне. Он пишет, что она познакомилась с вечностью не по «романтическим иностранным книжкам», которые приводят к самообольщению, но под руководством отцов Восточной Церкви, в творениях которых нет ничего «романтического, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце». Чтение святых отцов открывает человеку, каково должно быть отношение к Богу, Творцу и Искупителю, и научает покаянием приближаться к Нему, а не льстить себе «сладостными чувствованиями мнимой духовной любви», о которой учат Фомы Кемпийские, Франсуа де Саль и другие лжеучителя. «Духовная любовь есть достояние совершенных, а достояние благочестивых и спасающихся есть страх Божий, зрение своих грехов и недостатков, результат того и другого – сердце сокрушенно и смиренно, выражающееся покаянием. Вот истинно нравственное учение Православной Церкви, чуждое обмана и самообольщения».

Особенно предостерегал Владыка своих пасомых от чтения книги западного монаха Фомы Кемпийского «Подражание Христу», которая в его время была переведена на русский язык, пользовалась большим успехом в светском образованном, но

мало сведущем в религиозных вопросах обществе, и даже переиздавалась несколько раз. В одном из писем святителя Игнатия можно прочитать следующее: «...наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, темного омуты – жилища чудовищ. Между прочими тлетворными обманчивыми зефирами, навещающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное, гибельное наслаждение, навещает их... и чтение известной книги Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бесовской прелести, книжки «Подражание».

Отрицательное отношение епископа Игнатия к книге Фомы Кемпийского и к другим произведениям западных писателей было основано не на предвзятом мнении недоверия ко всему инославному, а на многолетнем изучении подвига отцов Восточной Церкви, в сравнении с которыми Владыка мог увидеть ложность направления подвижников Запада.

В письме к А.М. Горчакову, подтверждая свое отрицательное мнение о сочинении Фомы Кемпийского, епископ Игнатий свидетельствует: «...мнение мое основано на долговременном изучении отцов Православной Церкви».

Книги, содержащие лжеучение, могут оставлять в душе глубокий след, поэтому христианину, по неведению читавшему их, нужно решительным отвержением воспринятых ложных мыслей и покаянием врачевать свою душу. «Если... ты, – обращаясь к христианину Владыка, – позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразными понятиями и впечатлениями, не разбирая благоразумно и осторожно, – кто писатель, что он пишет, то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного».¹⁵⁰

Книги, содержащие неправославное учение, можно читать лишь совершенным мужам, тем, у кого мысли и сердце просвещены Святым Духом. В древние времена пастыри Церкви Христовой читали еретические книги с той целью, чтобы обличить заблуждения и предостеречь своих пасомых от еретического учения.

Не только от книг, написанных на Западе, предостерегает епископ Игнатий: где бы ни была написана книга, но если автор ее не следует учению Церкви, мирянину лучше воздержаться от чтения ее. «Всякому, не принадлежащему Восточной Церкви, единой святой, писавшему о Христе, о христианской вере и нравственности принадлежит имя лжеучителя»,¹⁵¹ – считал епископ Игнатий. Владыка рекомендует христианину не только не читать книги лжеучителей, но и не беседовать о христианстве с людьми, зараженными еретическим учением.

Каждый, кому дорого свое спасение, должен внимательно отнестись к изложенным здесь предостережениям епископа Игнатия.

Ревностный христианин всегда будет исполнителем наставления богомудрого Святителя: «Оставь... беспорядочное чтение, наполняющее ум понятием сбивчивым, превратным, лишаящее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние скептического колебания. Займись основательно изучением Восточной Церкви по Ее преданию, заключающемуся в писаниях святых отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? Твоя обязанность узнать Ее как должно».

2. Ложное направление духовной жизни

Прелесть есть усвоение человеком
лжи, принятой за истину!
Еп. Игнатий.

В девятой главе этой работы было изложено учение епископа Игнатия о необходимости христианину непрестанно бодрствовать над собой; в данном разделе будет рассмотрено учение Владыки о прелести – том ужасном состоянии, в которое может прийти христианин, оставивший непрестанное бодрствование над собой и попустивший ложно развиваться своей духовной жизни. Следуя учению святых отцов, преосвященный Владыка считал, что всё человечество после грехопадения находится в состоянии самообольщения.

Диавол ложью прельстил первых людей: праотцы, прельстившись, признали истиною ложь, и с того времени

естество человека заражено ядом зла – имеет склонность к прелести.

«Надо признать – и это признание будет вполне справедливым, – надо признать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это – следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину, так всегда падаем и ныне», – учил Владыка.

В прелести, в широком смысле этого слова, находится всё человечество в состоянии грехопадения, потому что всё человеческое естество повреждено ложью.¹⁵² Говоря о прелести, присущей всем людям, епископ Игнатий приводит слова преподобного Симеона Нового Богослова, который сказал: «Господь наш Иисус Христос потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести».¹⁵³ В прелесть впадает тот человек, кто развил в себе до крайности свойственное всем людям самообольщение, вступил в общение с диаволом и стал его храмом и орудием.

Источником прелести, как всякого зла, всегда был диавол.

Человеку по искуплении предоставлена свобода повиноваться Богу или диаволу, и для того, чтобы свобода могла обнаружиться непринужденно, диаволу оставлен доступ к человеку. Диавол хочет оставить человека у себя в порабощении и по искуплении, для этого он употребляет обыкновенное свое орудие – ложь. Он старается обмануть человека, опираясь на его греховное естество, возбуждает страсти и, придавая им благовидность, склоняет к удовлетворению их, развивает в человеке самообольщение и стремится через это привести его в большее подчинение себе.

Человек, уверовавший во Христа Спасителя, действуя под руководством Евангелия, укрощает страсти и этим постепенно выводит себя из состояния самообольщения и подчиненности падшим духам в область истины и свободы.

Христианин, не следующий учению Христову, живущий по своей воле и разуму, удобно подчиняется диаволу и из состояния самообольщения переходит в состояние бесовской прелести.¹⁵⁴

Самообольщение и неразрывно связанная с ним гордость всегда бывают причиной падения человека в прелесть.

Преподобный Григорий Синаит сказал: «Вообще одна причина прелести – гордость». Продолжая эту мысль, Епископ Игнатий пишет: «В гордости человеческой, которая есть самообольщение, диавол находит себе удобное пристанище и присоединяет свое обольщение к самообольщению человеческому. Всякий человек более или менее склонен к прелести, потому что природа каждого человека уязвлена гордостью».

Епископ Игнатий учил, что прелесть первоначально действует на образ мыслей, постепенно сообщается сердцу – извращает сердечные ощущения; покорив себе всего человека, прелесть отражается и на всей деятельности человека – овладевает даже самым его телом.¹⁵⁵

Как разнообразны человеческие страсти, так многообразны и состояния людей, подверженные бесовской прелести, и насколько поработен человек лжи, настолько и сильна бывает прелесть, объявляющая его.

В прелесть христианин может уклониться, упражняясь неправильно любым видом подвига. Для подтверждения этой истины епископ Игнатий приводит слова преподобного Макария Великого, который сказал: «Со всею осмотрительностию должно наблюдать устраиваемые врагом (диаволом) со всех сторон козни, обманы и коварные деяния. Как Святый Дух через Павла служит всем для всех (см.: 1Кор.9:22), так и лукавый дух старается злобно быть всем для всех, чтоб всех низвести в погибель. С молящимися притворяется и он молящимся, чтоб по поводу молитвы ввести в высокоумие; с постящимися постится, чтоб обольстить их самомнением и привести в умоисступление; с сведущими Священное Писание и он устремляется в исследование Писания, ища по-видимому знания, в сущности же стараясь привести их к превратному разумению Писания; с удостоившимися осияния светом представляется и он имеющим этот дар, как говорит Павел: *сатана преобразуется во Ангела света* (2Кор. 11, 14), чтобы, прельстив привидением как бы света, привлечь к себе. Просто сказать: он принимает на себя

для всех всякие виды, чтоб действием, подобным добру, поработить себе подвижника и, прикрывая себя благовидностью, низвергнуть его в погибель».¹⁵⁶

Епископ Игнатий свидетельствует, что ему случалось видеть старцев, которые занимались исключительно усиленным телесным подвигом и пришли от него в величайшее самомнение и самообольщение. Их душевные страсти: гнев, гордость, лукавство, непокорность – получили необыкновенное развитие. Самость и самочиние преобладали в них. Они же с ожесточением отвергали все спасительные советы и предостережения, не повинуюсь даже святителям, они попирали не только смирение и скромность, но даже правила приличия, выражая самым наглым образом пренебрежение к начальству.¹⁵⁷

Всё многообразие прелести Владыка относит к двум главным видам, первое – прелесть, которая возникает от неправильного действия ума, и второе – прелесть от неправильного действия сердца. Первый вид прелести может возникнуть у подвижника при неправильном направлении молитвенного подвига. Если христианин, молясь, будет сочинять в своем уме различные мечтания и рисовать пленительные картины, то он не избежит пагубной прелести. Все великие христианские наставники воспрещают при молитве не только самому сочинять мечтания, но и принимать образы, которые могут представиться подвижнику произвольно. От принятия и услаждения произвольными и произвольными мечтаниями подвижник непременно придет к душевному расстройству и прелести. Предостерегая христианина от мечтательной молитвы, епископ Игнатий приводит слова преподобного Григория Синаита, который пишет: «Никак не приими, если увидишь что-либо, чувственными очами или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа или Ангела, или какого святого, или представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволяй себе доверять чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое, пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не

составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно, удобно впадает в прелесть – по крайней мере, обнаруживает свою наклонность и способность к прелести, как принимающий явление скоро и легкомысленно... Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайнею осмотрительностью наблюдает за собой, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всею тщательностью, – напротив того, Бог похвалит такого за его благоразумие». ¹⁵⁸

Принимающий при молитве мечтания заимствует их из своего самообольщения, своей гордости и обманывает сам себя. Всё, что представляет он себе, есть вымысел и не существует на самом деле. Мечтательность из области истины вступает в область лжи и отца лжи – дьявола.

Истинные христиане всех времен, опасаясь прелести на поприще духовной жизни, ни в чём не доверяли себе и старались жить по совету опытных людей, оберегая себя этим от самообольщения.

Преслушание старших и своя воля удобно могут привести христианина к прелести.

Поразительный пример бесовского обольщения, происшедшего от неправильной молитвы, Владыка приводит из воспоминаний своих юношеских лет. В 1824–1826-м годах он, учась в Инженерном училище, посещал в Александро-Невской Лавре монаха Иоанникия, ученика старцев Феодора и Леонида, и совещался с ним о своих помыслах. Посещали о. Иоанникия и многие другие миряне. Ходил к нему и солдат Павловского полка Павел. Он недавно обратился из раскола. Лицо его сияло радостью. Имея весьма скудные понятия о духовном подвиге, Павел предался неумеренному телесному подвигу, несообразному с его телесными силами, и мечтательной молитве. Однажды ночью, когда он стоял на молитве, около икон внезапно явился солнцеобразный свет и посреди его сияющей белизны – голубь. «Приими меня: я – Святой Дух, пришел соделать тебя моею обителью», – такой глас раздался

от голубя. Павел выразил радостное согласие. Голубь вошел в него через уста, и Павел, изнуривший свое тело постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть, оставил молитву и побежал в блудилище. С того времени он посещал все доступные для него притоны. Через несколько лет он опомнился. Свое обольщение бесовским явлением он изложил в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. Епископ Игнатий был в то время послушником старца Леонида, по благословению старца он читал это письмо и свидетельствует, что в письме проявилось прежнее высокое состояние падшего.¹⁵⁹

Некоторые подвижники, впавшие в первый вид прелести, окончили свою жизнь самоубийством. Происходит это оттого, что среди ложного наслаждения, доставляемого бесовскою прелестию, иногда приходят минуты, в которые прелесть обнажает себя и дает вкусить себя такой, какова она есть. В эти минуты прельщенный чувствует невыносимую душевную горечь и отчаяние. Эти минуты с очевидностью говорят о неправильности всего душевного направления, но так как начало прелести – гордость, то прельщенный упорно признает себя сосудом благодати Святого Духа, не внимает спасительным советам ближних и не принимает никаких мер к исцелению себя. Идет время, а припадки отчаяния становятся всё сильнее, и, наконец, отчаяние обращается в умоисступление и оканчивается самоубийством.¹⁶⁰

Епископ Игнатий сообщает, что такая трагедия произошла в начале XIX столетия в Софрониевской пустыни. Там жил схимонах Феодосий, проводивший возвышенный образ жизни, так это казалось братии и мирским посетителям обители. Однажды ему представилось, что он восхищен в рай. Свое видение он подробно пересказал настоятелю и выразил сожаление, что видел в раю себя одного и не видел никого из братии. Эта черта ускользнула от внимания доверчивого настоятеля, он поверил истинности видения, собрал всю братию, пересказал им о видении схимонаха и увещевал всех вести более строгий образ жизни. Однако со временем начали обнаруживаться странности в действиях схимонаха. Кончилось

же тем, что схимонах был найден удавившимся в своей келье.¹⁶¹

Второй вид прелести происходит в том случае, если подвижник, исполнившись гордости и безрассудства, будет стремиться развить в своем сердце ощущения святые и духовные, к которым он еще не способен. «Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает: так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их себе, ими льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя...» – пишет владыка Игнатий.¹⁶²

Второй вид прелести, по свидетельству Владыки, одинаково душепагубен, как и первый, но проявляется он менее явно. Он редко приводит к сумасшествию и самоубийству, но решительно растлевают как сердце, так и ум.¹⁶³

Прелесть, возникающая в сердце по производимому состоянию в уме, названа святыми отцами «мнением».

Подверженный «мнению» «мнит о себе», составляет о себе мнение праведности. «Мнение» всегда основывается на ложных понятиях и ложных ощущениях и принадлежит к области отца лжи – дьявола. Думающие о себе, что они праведны и преисполнены дарами Святого Духа, чтобы поддержать в окружении людей свое достоинство, способны и на лицемерство, лукавство и обман. На тех, кто не признает их мнимой святости, они распаляются непримиримой враждой и ненавистью.

Одержимый «мнением» теряет способность духовного преуспевания. Обманывая себя, он думает, что достиг уже святости, и гордость, всегда сопутствующая мнителю и питающая его мнение, не дает ему возможности увидеть свое истинное положение.

Преосвященный Владыка пишет: «Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что свят, никогда не достигнет святости. Просто

сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя «мнением», заграждает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, – открывает широко вход греховой заразе и демонам».¹⁶⁴

Основываясь на утверждении преподобного Макария Великого, сказавшего, что нет ни одного человека, совершенно свободного от гордости, епископ Игнатий говорит, что нет людей, которые были бы свободны от действия на них «утонченной прелести, называемой «мнением»».¹⁶⁵

Следствиями «мнения» бывают еретические мысли, богохульство и раскол. Множество душевредных книг написано из этого состояния. Иногда «мнение» приводит свою жертву к очевидной для всех катастрофе. Епископ Игнатий приводит следующий пример гибели подвижника, подверженного прелести «мнения». На Валаамском острове некий схимонах Порфирий возомнил о себе... что от усиленного подвига он стал легким и может перейти глубокий залив по очень тонкому льду. Отвергнув предостережения старцев, схимонах вступил на лед, но недолго шел он. «Мнение» погубило мнителя, лед проломился, и он погиб.¹⁶⁶

Ярко выраженная прелесть (как первого, так и второго вида) бывает чаще всего у безмолвников, но и многие люди, живущие среди общества, из-за неправильного направления подвига часто подвергаются тяжелой прелести. Так была во времена епископа Игнатия, так было до и после него.

Трудно, почти невозможно христианину, одержимому прелестью, отказаться от нее и вернуться на правильный спасительный путь. «Труден выход из самообольщения, – свидетельствует святитель-подвижник. – У дверей стража, двери заперты тяжеловесными крепкими замками и затворами, приложена к ним печать бездны».¹⁶⁷ Замками и затворами Владыка называл гордость, тщеславие, лицемерие и лукавство самообольщенных, адской несокрушимой печатью – признание действий самообольщения действиями благодатными.¹⁶⁸

Чтобы выйти из прелести, нужен богомудрый наставник, который мог бы вовремя заметить прелесть и исторгнуть ее плевелы из души, если же прелесть укрепилась в душе, нужен дерзновенный пастырь-молитвенник, который своей молитвой мог бы отторгнуть духов тьмы от души прельщенного и вывести ее из области лжи к Свету и Истине – Христу.

Христианин, подверженный прелести, если и сможет с большими усилиями отказаться от нее, то по причине душевного расстройства, причиненного прельщением, бывает неспособен к прохождению возвышенного христианского подвига.

Каждый христианин, заботящийся о своей душе, должен знать о том, что ложное направление в духовной жизни приводит к прелести, и поэтому всеусиленно стараться шествовать истинным путем, чтобы вместо спасения не унаследовать погибель.

Как христианину избежать прелести во всех ее многообразных проявлениях? В «Отечнике» епископ Игнатий приводит слово Великого Антония: «Люби смирение, оно покроет тебя от грехов».¹⁶⁹ Только истинное смирение избавляет христианина от всех опасностей в духовной жизни.

По убеждению Владыки, смирение должно идти рядом с подвигом. Подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, но вводит в высокоумие, осуждение других, в обольщение и прелесть. Владыка Игнатий смирению давал даже явное предпочтение пред подвигом, считая, что если человек не будет нести никаких подвигов, но преуспеет в смирении, он достигнет того же совершенства, какое достигается подвигом. Видя постоянно увеличивающуюся человеческую немощь – душевную и телесную, святитель Игнатий писал: «В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига, ныне при умножившихся немощах подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя, а смирение – всегда непадательно».

Часть II. Духовная жизнь монаха

Глава I. Учение епископа Игнатия о монашестве

Монашество есть Божественное
установление, отнюдь
не человеческое
Еп. Игнатий.

Прежде чем приступить к описанию духовной жизни монаха по творениям и письмам епископа Игнатия, выясним, каково было отношение Преосвященного к монашеству.

Суждение епископа Игнатия по данному вопросу имеет особый авторитет, потому что он измлада, посвятив себя иноческому служению, изучил монашество как теоретически, так и практически.

Как уже было сказано, первой его любимой книгой было «Училище благочестия» – книга, содержащая назидательные рассказы о древних великих иноках-подвижниках.

Уже из этой книги юный подвижник мог почерпнуть много сведений о монашестве древних времен.

Затем в Инженерном училище будущий учитель иноков занялся глубоким изучением святоотеческих творений, преимущественно его интересовали древние аскеты – наставники иноков. Начав изучение святых отцов на школьной скамье, епископ Игнатий не прекращал его до самой своей блаженной кончины. Святитель Игнатий изучил писания святых отцов о монашестве глубоко и всесторонне.

Практическое ознакомление преосвященного Игнатия с монашеством началось также в годы ученья. Посещая Валаамское подворье в С.-Петербурге, а затем и Александро-Невскую Лавру, пытливый юноша, несомненно, уже тогда начал изучать, в доступной для посетителя обителей степени, монашескую жизнь.

С 1827 года, с момента его вступления в число послушников Александро-Свирского монастыря, и до конца своих дней в течение 39-ти лет Преосвященный живет в монастырях, среди монахов, и практически сам проходит трудное поприще монашеского делания.

За этот большой срок епископ Игнатий посетил более 30-ти монастырей, в 9-ти из них он жил продолжительное время.

Как положительные, так и отрицательные стороны монашеской жизни епископ Игнатий в период скитания по монастырям и за время управления тремя монастырями изучил в совершенстве (Лопотовым монастырем, Троице-Сергиевой пустыню и Николо-Бабаевским монастырем).¹⁷⁰

Свой взгляд на монашество епископ Игнатий раскрывает в нескольких статьях своих «Аскетических опытов». Пятый же том его творений полностью посвящен монашеству его времени. В нём епископ-аскет изложил свой опыт монашеского делания, основанный на учении св. отцов и опытно проверенный своей жизнью. Много ценных советов о монашеской жизни содержится и в переписке епископа Игнатия с монашествующими.

1. Богоустановленность монашества

Епископ Игнатий был глубоко убежден, что монашество есть установление Божественное, а не человеческое¹⁷¹ и возводит его начало ко временам святых апостолов.

Основываясь на свидетельстве преподобного Кассиана (инока и писателя IV века), епископ Игнатий пишет, что впервые наименование монахов¹⁷² получили избранные ученики святого апостола и евангелиста Марка – первого епископа Александрии. Удалившись в глухие предместья Александрии, ученики евангелиста проводили возвышеннейшее жительство, руководствуясь правилами, преподанными им апостолами.¹⁷³

В доказательство возникновения монашества Александрии в век апостольский епископ Игнатий приводит следующие сведения.

В житии преподобномученицы Евгении говорится, что в 180-м году в предместье Александрии был монастырь и что Александрийский епископ того времени святой Елий вступил в монашество в юности (Четьи Минеи, 24 декабря).

Современник св. апостолов иудейский историк Филон, родом из Александрии, описывает жизнь ферапевтов, удалившихся в предместья Александрии, весьма сходно с сообщением преподобного Кассиана о жизни первых

александрійських монахов і називає їх жилище монастирями.¹⁷⁴

Далі єпископ Ігнатій приводить доказателіства існування монашества в час апостольський і в Сирії.

В житті преподобномучениці Євгенії говориться, що вона жила в сирському місті Ілеополі і була звернена в християнство преподобним Германом в царювання римського імператора Траяна. (Траян почав царювати з 96 року по Різдва Христовому). В цей час в Сирії вже був чоловічий монастир, в якому жило 70 іноків і преподобний Герман був в ньому настоятелем. Сама Євгенія по прийнятті християнства вступила в жіночий монастир, в якому підвизалось 30 інокій.

Підтвердження, що монашество є установлення Божественне, преосвящений Ігнатій ґрунтував і на наступних текстах Священного Писання:

1) *Аще хто хоче по Мені йти, да отвержеться себе и возмет крест свой и по Мені грядет* (Мф. 16, 24).

2) *Аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), *возьм крест* (Мк. 10, 21).

3) *Аще кто грядет ко Мені, и не возненавидит отца своего и мать, и жену, и чад, и братию, и сестёр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик: и иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик... Иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик* (Лк. 14; 26–27, 33).

В цих словах Христа Спасителя, по переконанню преосвященного Ігнатія, і закріплюються умови, з яких «складаються суттєві обіти монашества».¹⁷⁵

Особливо велике значення надавав учитель іноків словам Христа Спасителя *Аще хочеши совершен быти...* (Мф.19:21). Приведя приклад з життя преподобного Антонія Великого, як ці слова побудили юного Антонія продати своє ім'я і вступити в монастир, єпископ Ігнатій пише: «Ці слова Господа і нині признаються Святою Церквою основними

для монашества (и) всегда читаются при пострижении в монашество».¹⁷⁶

Из посланий святого апостола Павла один текст, по словам епископа Игнатия, может быть отнесен к монашествующим. Святой евангелист Марк, – пишет Преосвященный, – повелел христианам удалиться в предместья богатой и многолюдной Александрии; то же самое наставление дает святой апостол Павел всем христианам, желающим вступить в теснейшее общение с Богом. *Вы бо есте церкви Бога жива, яко же рече Бог: яко вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие. Тем же изыдите от среды их и отлучитися, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь, и Аз приму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель* (2Кор. 6, 16–18).

Вслед за св. Иоанном Лествичником преосвященный Игнатий относит это призвание именно к монахам.¹⁷⁷

В доказательство богоустановленности монашества учитель иноков приводит и то, что помещение монашества вдали от селений в пустынях совершалось по откровению и повелению Божию. Так Антоний Великий был призван Господом к пустынножительству; Ангел повелел преподобному Макарию Великому поместиться в Синайской пустыне; по повелению Ангела Пахомий Великий учредил в пустыне иноческое общежитие, от него же преподобный получил письменные правила для руководства иноческой жизнью.

Все перечисленные великие преподобные были избранными сосудами Святого Духа и пребывали постоянно в общении с Богом; они, по епископу Игнатию, служили для иночества **глаголом** Божиим, как служил Моисей для израильтян.¹⁷⁸

Возникновение монашества во времена святых апостолов, просвещение устроителей древних монастырей Святым Духом, обилие благодатных даров среди лучших представителей монашества всех веков – всё это побудило епископа Игнатия сказать, что «Святой Дух постоянно, чрез все века христианства светил на монашество. Учение Святого Духа, учение Христово, учение Божие об иночестве, о этой науке из наук, как выражаются святые отцы об этой Божественной науке,

изложено преподобными иноками со всею отчетливостью в их Боговдохновенных писаниях. Все они свидетельствуют, что установление монашества, этого сверхъестественного жительства, никак не дело человеческое: оно – дело Божие. Оно, будучи сверхъестественно, не может быть делом человеческим, не может не быть делом Божиим». ¹⁷⁹

Вслед за многими святыми отцами епископ Игнатий монашество сравнивал с подвигом мученичества. Как мученичество, так и монашество не есть изобретение человечества, а даровано человечеству Господом и основывается на одних и тех же заповедях Христа Спасителя. Подвиг мученичества и монашества вышеестественен и не может быть совершен без всецельной помощи Божией.

Мученики, оставив вся «красная мира», отдавали свое тело на страдания и, укрепляемые божественной благодатью, сподоблялись великих венцов.

Подобно мученичеству, монашество начинается с отречения от мира и, «Богу содействующу», всесовершенным умерщвлением своей души и тела для живущих в них греховных навыков и всецелой отдаче себя воле Божией.

Как мученики, так и истинные монахи, по мере прохождения своего сверхъестественного подвига, обнаруживали обилие благодатных дарований. ¹⁸⁰

По словам епископа Игнатия, «подвиг некоторых святых иноков кажется более непостижимым по сверхъестественности своей, нежели даже подвиг мученика». ¹⁸¹

В этом можно убедиться, говорит епископ Игнатий, если прочитать жития святых иноков: Марка Фраческого, Онуфрия Великого, Марии Египетской и многих других.

2. Зависимость монашества от общего уровня христианства

Считая монашество Богоустановленным и уподобляя его подвигу мученичества, епископ Игнатий никогда не отделяет его от богоустановленного христианства.

«Монашество, – по справедливому заключению епископа Игнатия, – основано на христианстве, зиждется и держится на нём... монашество – вид его (христианства), особенное проявление».¹⁸²

Если преуспевает в мире христианство – наступает и расцвет монашества; если же ослабевает христианство в мире – клонится к упадку и монашеская жизнь. Упадок нравственности монахов находится в тесной зависимости от нравственности мирян. Между христианами, живущими в мире, и монахами-христианами, живущими в монастырях, по наблюдениям епископа Игнатия, всегда существовала самая тесная связь.

«Жители монастырей, – пишет он, – не слетели туда с луны или с какой другой планеты; они вступили из среды земного грешного мира. Нравственность, которую осуждают «миряне» в монастырях, образовалась посреди мира, питается, поддерживается сношениями с миром».¹⁸³

В дни жизни епископа Игнатия монашество подвергнулось со стороны многих светских лиц справедливым и еще чаще несправедливым нападкам.

Вступая в защиту монашества, истинный поборник иночества писал: «Многие ныне жалуются на него (монашество), видя или отыскивая в нём разные недостатки; но монашество – барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутый, с точностью показывает состояние погоды на улице», – состояние вообще христианства.

Постепенный упадок нравственности среди мирян и связанное с ним ослабление нравственности в монастырях епископ Игнатий подтверждает следующим примером.

Однажды С.-Петербургский митрополит Серафим, беседуя с архимандритом Игнатием об умножении бракоразводных дел в консистории, сказал, что когда он был викарием в Москве,¹⁸⁴ то бракоразводных дел в консистории бывало в год одно или два; архиереи же старцы в то время говорили епископу Серафиму, что в их молодости бракоразводных дел вообще не существовало.¹⁸⁵ «Вот факт, – заключает это повествование епископ Игнатий, – живописующий нравственность прежнего

времени и ход ее к настоящему положению, ход быстрый, неутешительный».¹⁸⁶

Основываясь на свидетельствах старцев-иноков, с которыми епископ Игнатий так часто любил беседовать, он пришел к выводу, что еще в начале 19-го столетия вступало в монастырь много лиц, сохранивших девство, никогда не вкушавших вина, хорошо изучивших Священное Писание и творения св. отцов и не расстроивших своего воображения чтением пустых светских книг, людей, не растративших свое здоровье злоупотреблениями, привыкших часто посещать храм и имеющих многие другие благочестивые навыки. Они, получив строгое благочестивое воспитание в миру, становились строгими и сильными монахами по душе и телу.¹⁸⁷

Но во время прохождения самим епископом Игнатием многотрудного монашеского поприща нравственность христиан значительно понизилась. «Ныне ослабевшее христианство prepares и доставляет, соответственно своему состоянию, слабых монахов», – пишет он.¹⁸⁸

Долгая жизнь в монастырях убедила Владыку в том, что вступление в его время девственника в монастырь было величайшей редкостью, почти не встречалось среди вступающий лиц в монастырь людей, не стяжавших в мире порочных навыков и не расстроивших злоупотреблениями своего здоровья. Большинство вступающих в монастырь были слабы телом и душой, с расстроенным воображением, с притупленную совестью. Для подобных людей борьба с собой, личный подвиг нравственного совершенствования был, – по заключению владыки Игнатия, – весьма затруднителен. «Вступили они в монастырь, – пишет он, – сняли мирские одежды, облеклись в черные иноческие, но навыки и настроение, получаемые в мирской жизни, остались с ними и, пребывая неудовлетворенными, приобретают новую силу».¹⁸⁹

Сознавая ослабление христианства и тесно связанного с ним монашества, епископ Игнатий с горечью видел в этом «недуг общий!» и призывал как монахов, так и мирян: «Восплачем о нём вместе и вместе позаботимся об исцелении его!»¹⁹⁰

3. Взгляд епископа Игнатия на монашество его времени

В предшествующих разделах был раскрыт взгляд преосвященного епископа Игнатия на монашество, его возникновение и зависимость от общего уровня христианства.

Теперь рассмотрим, какая точка зрения сложилось у епископа-аскета о монашестве его времени.

Несмотря на то, что во времена святителя Игнатия на русской земле были сотни обителей, открывались новые монастыри, во многих обителях воздвигались великолепные храмы и монастырские здания, многие обители изобиловали насельниками, духовный взор богомудрого архипастыря за всем этим внешним благоустройством видел картину весьма малоутешительную. Как при встрече с любым человеком Владыка видел состояние души того, с кем он беседовал, и никогда внешность человека и его мирское положение не имели преобладающего значения для составления мнения о нём, так и внешнее благоустройство монастырей российских не остановило преосвященного Игнатия произнести весьма скорбные для его сердца слова. В конце своей жизни в 1864 году Владыка писал своему другу игумену Антонию: «О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок, отживает оно век вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому...» В другом письме к нему же епископ Игнатий сравнивает положение монастырей с весенним снегом в последних числах марта и первых апреля; снаружи кажется, что «снег как снег», а под низом его уже повсюду весенняя вода, которая растворит снег при первой «вспомогательной атмосферной перемене». С большой грустью великий поборник монашества в России отмечал, что в обителях «весьма часто актерской наружностью маскируется безнравственность», и что «истинным монахам нет житья в монастырях от монахов-актеров».

В чём же скрывались причины столь бедственного состояния монастырей при их видимом благоденствии и

процветании?

Епископ Игнатий ясно указывает эти причины. Мы уже говорили о тесной связи, которую видел Преосвященный между христианским миром и монашеским.

В ослаблении христианства вообще в людях заключалась первая и основная причина ослабления монашества. «Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская; ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее среди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силой».¹⁹¹

Вторая не меньшая причина ослабления монашества, по мнению истинного монаха-епископа Игнатия, состояла в почти повсеместном оставлении в монастырях внутреннего духовного делания, которому он, вслед за святыми отцами, придавал первостепенное значение.

«Важная примета кончины монашества, — писал он, — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ».

«В современном монашеском обществе, — пишет он в другом письме, — потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение... почти всюду оставлено...» «Теперь всё искоренилось, осталась одна личина благочестия, сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души».

Как следствие оскудения духовного подвига в монашестве явилось в России почти полное оскудение истинных старцев-руководителей, способных вести за собой монашествующих к духовному преуспеянию.

Несмотря на столь плачевное состояние монашества в духовном отношении, епископ Игнатий имел в себе столько внутренней силы, основанной на вере во всеблагий Промысл Божий, что умел и в современном ему монашестве отыскать положительные стороны и верил в духовное преуспеяние

будущих иноков. Он писал «...еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство, еще есть там пища для благочестивых, еще есть там хранение евангельских заповедей, еще есть там строгое догматическое и нравственное Православие; там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа».¹⁹²

Такой живой скрижалей Святого Духа был, прежде всего, сам автор этих строк. Он, проведя большую часть своей жизни в обителях, несмотря на многие несовершенства монастырей своего времени, в конце своей жизни выражал полное удовлетворение избранным образом жизни. В 1861 году святитель писал своему другу Михаилу Чихачеву: «Великая к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ».

Посвящение владыкой Игнатием пятого тома своих творений специально в «приношение современному монашеству» наглядно говорит о том, что он верил в возможность духовного преуспевания иноков в его время и в будущие времена.

Сознавая истинное положение монашества своего времени, Владыка с любовью писал, а в конце своей жизни собрал и напечатал свои произведения и принес их в «дар возлюбленным отцам и братьям, современным инокам».¹⁹³ И, несомненно, епископ Игнатий верил, что его творения, содержащие учение о духовном подвиге иноков, будут способствовать воспитанию истинных иноков.

4. Епископ Игнатий о мерах возвышенной духовной жизни монашества

Относясь к монашеству с большой любовью и благоговением, епископ Игнатий признавал, что в Божественное установление, каковым он признавал монашество, может в практической жизни проникнуть злоупотребление человеческое.¹⁹⁴

Хорошо зная положительные и отрицательные стороны монашеской жизни, Владыка лучше, чем кто-либо, понимал, чем

можно возвысить монашескую жизнь.

Во времена епископа Игнатия многих интересовал вопрос возрождения монастырей. Предлагались возможные меры к этому. Но все эти предложения, исходившие чаще всего от холодного ума, полного незнания практической жизни монашеской, а иногда и открытой неприязни к монашеству, не могли, конечно, принести ему пользы.

В одном из писем к игумену Антонию Владыка с полной решительностью обличал все предложения «теористов» – называл он так лиц, практически незнакомых с монашеством. Преосвященный писал: «...ныне некоторые... берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно – великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих и дела Божия: такие умницы и ревнители, что ни сделают, всё ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в оружия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты».

Одной из мер к улучшению монашества, по мнению многих «теористов» того времени, было издание закона, воспрещавшего вступление в монастырь молодым людям. Этой мерой светские люди думали устранить всякие соблазны в монастырях. Епископ Игнатий не одобрял это намерение. По данному вопросу он писал: «Мера, по наружности столько благоразумная, долженствующая по соображению теории плотского мудрования оградить и возвысить монашество, в сущности есть не что иное, как мера сильная и решительная к уничтожению монашества».¹⁹⁵

На основании своего собственного опыта преосвященный Игнатий считал, что к изучению «науки из наук» – монашества – нужно приступить в юном возрасте, со свежими способностями, с полной восприимчивостью и с неистраченной душевной силой.

Монашество доставляет человеку самые глубокие и основательные познания в «экспериментальной психологии и в богословии», – сообщает деятельное живое познание о человеке и Боге. Если к светским наукам, для лучшего

восприятия их, лучше приступать в юном возрасте, то тем более монашество – наука, открывающая путь к христианскому совершенству, – должно быть изучено с раннего возраста.

Каждому монаху предстоит борьба с греховным естеством. Вступивший на этот путь борьбы в юном возрасте достигает больших результатов, т.к. он не скован еще греховными навыками и его воля не расслаблена греховными прихотями.

Епископ Игнатий из опыта знал, что лучшими монахами бывают те, кто вступил в монашество в юном возрасте.

Преобладающее большинство вступающих в монастыри состоит из юношей. В зрелом возрасте в монастыри вступают очень немногие, а в старости редкие.

Вступившим в обитель в зрелом и в пожилом возрасте очень трудно бывает привыкнуть к монастырской жизни, они часто возвращаются в мир и, по замечанию епископа Игнатия, даже не могут понять, что значит «монашество».¹⁹⁶

Те же из них, кто остается в обителях, редко бывают способны к истинному монашескому деланию и чаще всего могут усвоить лишь внешнюю сторону монашеской жизни.

На основании тщательного изучения житий святых епископ Игнатий убедился, что большинство преподобных иноков вступило в монастыри в юном возрасте (около 20 лет).

«Старость была признана святыми отцами неспособной к монашеской жизни¹⁹⁷, – пишет преосвященный Игнатий, – ...она окрепла в навыках, в образе мыслей, притуплены ее способности... Напротив того, многие отцы вступили в монастыри в детском возрасте и достигли высокого духовного преуспевания по причине целостности произволения, непорочности, прямого стремления к добру и восприимчивости, столько свойственных детскому возрасту».¹⁹⁸

На основании всего вышеизложенного епископ Игнатий в долгие годы управления тремя обителями всегда с радостью принимал в свою обитель юных и очень был осторожен, принимая поступающих в зрелом возрасте.

Зная из своего целожизненного опыта, что как воспрещение молодым людям вступать в обитель, так и другие надуманные меры не принесут пользы монашеству, епископ Игнатий в то же

время всей душой сознавал необходимость возрождения монашества. При этом он понимал, насколько трудное это дело и с какой осторожностью и осмотрительностью нужно приступать к нему.

В одном из писем он писал епископу Леониду: «Спаси Вас, Господи, за любовь вашу к монашеству... Старые здания должно исправлять с большой осмотрительностью и знанием дела; иначе исправление может превратиться в разрушение».

Владыка Игнатий в глубине души своей сознавал, что никакие внешние мероприятия не способны улучшить состояние монашества, что возродить его могут лишь «мужи духоносные», знающие как теорию, так и практику монашеской жизни, что возрождение монашества должно начаться изнутри, из самого монашества.

Знал святитель Игнатий и то, что возрождение монашества не произойдет до тех пор, пока каждый инок не будет вести правильную духовную жизнь.

В своих богомудрых творениях он преподавал как современному ему монашеству, так и всем последующим поколениям иноков прекрасное руководство для прохождения правильного внутреннего подвига, который один может возродить греховное человеческое естество. «Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов. Он один может ввести в монастыри и поддержать в монастырях строго-нравственный порядок, образуя в братстве духовную силу и связь», – писал епископ Игнатий. Лишь правильная духовная жизнь инока приводит его к духовному обновлению, и в этом обновлении каждого инока заключается тайна возрождения всего монашества.

Глава II. Телесный и духовный подвиг монаха

Телесные подвиги необходимы для
того, чтобы землю сердечную
сделать способною к принятию
духовных семян.

Духовный подвиг образует
истинных сознательных
монахов.

Еп. Игнатий.

1. Телесный подвиг

Вновь вступивший в обитель должен первоначально приучить себя к правильному прохождению телесного подвига.

Телесный подвиг – наименование собирательное. Он обнимает наружное поведение инока в монастыре, монастырские послушания¹⁹⁹ и все подвиги, совершаемые при участии тела: пост, стояния на молитве, земные поклоны и т.д.

Сам Владыка по вступлении своем в монастырь, несмотря на слабость своих физических сил, прошел суровую школу трудовых послушаний. Он работал на поварне, в трапезной, на рыбной ловле, а исполняя послушания келейника у отца Леонида, был у него даже кучером.

Опытно зная пользу от трудовых послушаний, епископ Игнатий считал, что физический труд необходим для каждого новонаначального инока,²⁰⁰ особенно для того, кто имеет крепкое здоровье. Но истинную пользу приносит тот труд, который избран не по своей воле, а назначен монастырским начальством «за послушание». «Произвольные труды, совершаемые по самомнению или прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке и совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, т.е. от Евангельского смиренномудрия»,²⁰¹ – писал Преосвященный.

Посильные физические «послушания» приучают инока отсекаать свою греховную волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого человека.

Сравнивая человеческое сердце с землею, епископ Игнатий говорит, что как земля нуждается в обработке различными орудиями: лопатами, плугами, боровами, так и человеческое сердце – центр плотских ощущений и плотского мудрования – нуждается в обработке постом, бдениями, коленопреклонениями и другими телесными подвигами. Если земледелец посеял семена в землю, предварительно не обработав ее, то он не получит от этого никакой пользы и понесет убыток, так и тот, кто предварительно телесным подвигом не обуздывает плотских влечений сердца и плотских влечений ума и вздумает заняться насаждением в своем сердце заповедей Христовых, – не преуспееет и может впасть в самообольщение и бесовскую прелесть. Совершенное оставление телесного подвига делает инока «подобным скотам»²⁰², ибо где нет телесного подвига, там открывается свобода и простор телесным страстям; телесный подвиг нужен, по убеждению епископа Игнатия, не только для новоначальных, но и для людей святых, преисполненных Святого Духа, чтобы тело их, оставшись без обуздания, не ожило для страстных движений и не породило скверных ощущений и помыслов.²⁰³

Зная, что духовная жизнь монаха начинается с внешнего благочестивого поведения, учитель иноков – епископ Игнатий – в начале пятого тома своих сочинений «Приношение современному монашеству» поместил 50 правил наружного поведения для новоначальных иноков.

В этих сравнительно кратких правилах мудрый архипастырь сконцентрировал самую «соль» внешнего поведения инока.

Объяснив назначение монастырей (правило 1), епископ говорит, как должен вести себя в нём новоначальный (2, 3 правила), что основным занятием его должна быть молитва (5, 6); каково должно быть внешнее поведение новоначального в храме, алтаре, вне храма и в трапезе (7–18, 23, 25, 28, 36). Описывает, как должен он относиться к старшим (39) и вообще к

братии (40). Здесь же даны наставления, чего должен избегать новоначальный (42) и к чему стремиться (1, 36).

Исполнение всех приведенных правил, по свидетельству епископа Игнатия, «может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению за собой».²⁰⁴

Исполняющий правила наружного поведения, т.е. пребывающий в делании телесного подвига, уподобляется хорошо обработанному сосуду без всяких изъянов. В этот сосуд можно вливать драгоценное мирро с уверенностью, что оно не пропадет. Под мирром подразумевается духовное делание, к которому инок становится способным только после того, как научится правильному телесному деланию.

«...Монах, – пишет епископ Игнатий, – благоустроивший свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенным телесными обычаями; оно (душевное делание), напротив того, никогда не может удержаться в иноке, расстроенном по наружному поведению».²⁰⁵

В подтверждение своих слов Владыка приводит изречение святого Исаака Сирского и пример из жития св. Василия Великого. Св. Исаак Сирский говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души. Не стяжавший телесного, не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от пшеничного зерна...»²⁰⁶

В житии святого Василия Великого повествуется, что когда Василий Великий прибыл в Антиохию, то его друг, наставник Антиохийского училища философ ливанский, попросил его произнести поучение юным слушателям. Св. Василий Великий сказал юношам, чтобы они хранили чистоту души и тела, и затем подробно преподал им правила наружного поведения, сказав, чтобы они имели скромную походку, говорили тихо и мало, соблюдали в беседах благочиние, пищу и питье употребляли благоговейно, при старших хранили молчание, были внимательны к мудрым, не были скоры на смех,

украшались скромностью... и многими другими словами поучал он слушающих.²⁰⁷

«Мудрый Василий, – пишет епископ Игнатий, – преподавал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщается от тела к душе и благоустройство тела весьма скоро приведет к благоустройству души».²⁰⁸

Только тот инок, который приобрел навык в прохождении телесного подвига, становится способным приступить к подвигу духовному.

а) Пост – основание всех иноческих добродетелей

В ряду телесных подвигов епископ Игнатий большое значение придавал посту, считая его основанием всех добродетелей.²⁰⁹ По определению Владыки, «пост есть постоянная умеренность в пище с благоразумною разборчивостью в ней».²¹⁰

Святая Церковь заповедует соблюдать пост всем христианам – среду и пятницу в течение всего года и четыре поста: Великий Пост, Рождественский, Успенский и Петров, но особенно большое значение имеет пост для монахов.

Человеческое тело имеет естественную потребность в пище. Однако чрезмерное употребление пищи отягощает человеческое тело, а умеренное укрепляет его, делает способным к труду.

Вследствие тесной связи души с телом принимаемая человеком пища имеет большое влияние и на его духовную деятельность.

«Подвиг поста, – пишет святитель Игнатий, – не принадлежит исключительно телу; подвиг поста полезен и нужен не единственно для тела, он полезен и нужен преимущественно для ума и сердца».²¹¹

От пресыщения чрева грубеют и ожесточаются сердечные ощущения, а ум теряет легкость и способность к духовному деланию. Инок, не соблюдающий благоразумия в пище,

обуреваются ленью, унынием и печалию, ему трудно бороться со страстями: блудом, гневом, тщеславием, гордостью; постоянное же пренебрежение постом может привести к потере целомудрия и девства.

Борьба с блудной страстью становится для инок, не соблюдающего пост, очень тяжелой. Владыка Игнатий писал, что «при насыщении тела сердце наше не может не порождать блудных ощущений, а ум – блудных помыслов и мечтаний, которые силою своею и увлекательностью способны изменить самое решительное благое произволение, склонить его к услаждению грехом...»²¹²

Пост инок, по выражению Владыки, должен заключаться как в количестве, так и в качестве потребляемой пищи.

Следуя наставлениям древних подвижников, епископ Игнатий рекомендует инокам принимать пищу ежедневно, но понемногу. Тем, кто молод и физически совершенно здоров, бывает достаточно принимать пищу однажды в день. Кто физически слаб и чувствует, что ему недостаточно один раз принимать пищу, может употреблять ее дважды.

В вопросе о посте епископ Игнатий был весьма снисходителен, напоминая, что пост для человека, а не человек для поста.²¹³ Единожды или дважды принимает инок пищу в соответствии со своими телесными силами, он должен помнить, что при редком или частом употреблении пищи нельзя допускать пресыщения. Пресыщение питает человеческие страсти и делает инок неспособным к духовным подвигам.

Каждый инок, вступив на путь служения Богу, должен установить необходимую ему ежедневную меру пищи и стараться не нарушать ее пресыщением.

Опасно для инок пресыщение пищей, но столько же душевреден и чрезмерный пост. От неумеренного поста инок может ослабить свой организм и сделаться неспособным не только к несению монастырских послушаний, но и к духовным подвигам.

Неумеренный пост таит в себе и еще очень опасные последствия: он может привести инок к превозношению и гордости, от которых, как от знойного ветра, погибают все

поросли духовной жизни. Нередко последует ниспадение в обжорство, которое попускается иноку для смирения его гордости.

Не только количество, но и качество пищи имеет большое значение для проходящих подвиг поста.

Утучняющая плоть пища (мясо, жирная рыба), «горячащая» кровь (перец, имбирь и др. пряности) при частом употреблении делает инока неспособным к прохождению духовного подвига.

Особенно сильное действие производит мясная пища, она утучняет плоть и разгорячает кровь, поэтому уставы всех российских монастырей исключали мясо из пищи иноков.²¹⁴

Наилучшей пищей для подвижника преосвященный Игнатий признавал растительную. Пища, приготовленная из растений, наименее утучняет плоть, не возбуждает страстных движений, способствует чистоте и бодрости ума и делает инока способным к подвигам благочестия.²¹⁵

«Растительная пища почти исключительно употребляется самыми ревностными подвижниками благочестия, особенно ощутившими в себе Духа Божия, по вышесказанному удобству этой пищи и ее дешевизне. Для питья они употребляли одну воду, избегая не только разгорячающих и охлаждающих напитков, но и питательных, каковы все хлебные напитки»,²¹⁶ – свидетельствует владыка Игнатий, основываясь на опыте древних и современных ему подвижников.

Пост необходим монаху в любом возрасте. Естественно, что юным инокам, обладающим крепким здоровьем, для обуздания страстей нужен более строгий пост. Старцы, обремененные многими недугами, не всегда бывают способны к несению строгого поста, но и им необходимо соблюдать посильное воздержание в пище, чтобы не утратить господства духа над плотью, приобретенного долгим подвигом поста и воздержания. Епископ Игнатий пишет: «Напоминается победителям тщательное хранение при себе оружия, которым добыта победа! И получается победа, и сохраняется добыча, приобретенная победою, одним и тем же оружием – постом».²¹⁷

В одном из своих многочисленных писем епископ Игнатий выясняет вопрос, каков должен быть пост болящего инока. Со

свойственной Владыке мудростию и человеколюбием, он советует одному иноку, находившемуся от болезни в «крайней немощи», не удручать свое тело постом, наоборот, укреплять его и, нисколько не сомневаясь, употреблять Великим Постом уху из рыбы. Воздержанием, не соответствующим силам, – разъясняет Архипастырь, – можно привести себя к большому расслаблению, лишиться церковной службы и быть обременением для братий. Ободря болящего, Владыка говорит: «Сердцеведец Господь, видящий немощь вашу, не исключает вас из числа постящихся» и при употреблении в пост пищи, не дозволенной уставом, но необходимой для поддержания здоровья.

Пост необходим иноку для преуспевания во всех добродетелях, поэтому особенно тесную связь видел Владыка между постом и молитвой. Основываясь на учении преподобного Марка Подвижника о посте, епископ Игнатий говорил: «Чудное совокупление поста с молитвой! Молитва бессильна, если она не основана на посте, и пост бесплоден, если на нём не создана молитва».²¹⁸

Пост ослабляет плотские страсти, а молитва душевные. Если подвижник с постом не соединит правильную молитву, то, искоренив плотские страсти, он возрастит в душе духовные: высокоумие, тщеславие, презорство.²¹⁹

Пост способствует внимательной молитве тем, что искореняет страсти и их порождения – порочные помышления и мечтания, которые рассеивают молитву.

Иноку, вознерадевавшему о посте, очень трудно сохранять внимательную молитву, т.к. страстям, неукротенным постом, свойственно порождать множество мыслей и мечтаний, от которых будет постоянно оскверняться молитва.²²⁰

Постоянный разумный пост искореняет страсти, способствует молитве инока и выводит его из плотского состояния в духовное. Постом монах очищает себя, преуспевает в смирении, в духовных подвигах и умозрении.²²¹

Каждый инок, желающий преуспеть в духовной жизни, должен с мудрой решимостью проходить подвиг поста, помня

слова святителя-подвижника, что «тот, кто колеблет основание добродетелей (пост), колеблет все здание добродетелей».²²²

б) Поклоны ²²³

К телесному подвигу инока относятся также и поклоны. Поклоны разделяются на земные и поясные. Келейное правило обычно начинается поклонами.

От поклонов инок несколько приходит в состояние сокрушения. Из такого состояния инок усерднее, теплее и внимательнее будет совершать молитву. Монах, совершая молитву после усердных поклонов, ощутит к ней особый «вкус». Поклоны имеют только тогда благотворное действие на душу молящегося, когда они сопровождаются сокрушенным сердечным плачем и молитвенным воплем ума.²²⁴

Значение поклонов при совершении келейного правила весьма обстоятельно раскрыто епископом Игнатием на основании учения св. отцов в письме одной инокине. Владыка писал: «Если вы чувствуете, что от назначенного числа поклонов не утруждается ваше тело, то прибавьте несколько, дабы тело ощутило некоторую усталость, которая способствует сокрушению сердца, помня и следующие слова св. Исаака Сирина: «Смотри, чтобы, желая преумножить несколько труды, тебе не остановиться и не пресечь сего течения твоего. Не простирай ноги своей свыше силы, чтоб не соделаться совершенно праздным» (Сл. 10-е). Следующие слова принадлежат также Исааку: «Всякая молитва, в которой не утрудится тело и не утеснится сердце, вменяется отверженною: ибо таковая молитва без души» (Сл. 11-е). Сколько эти последние слова справедливы, – пишет Преосвященный, – столько и первые важны и основательны; они были сказаны брату, особенно занимавшемуся поклонами. Святой Исаак говорит в 40-м слове: «Возлюби в молитве более поклоны, нежели упражнение в стихословии», т.е. в чтении псалмов и канонов. Количество поклонов пусть назначается удовлетворением цели их. Цель – их согреть тело, причем разгорячается и дух».

Признавая необходимость умеренного числа поклонов при исполнении келейного правила, епископ Игнатий рекомендует совершать их следующим образом. Приступая к поклонам, нужно дать своему телу самое благоговейное положение, которое прилично иметь созданию Божию в присутствии своего Господа. Затем, собрав скитающиеся мысли, нужно крайне неспешно и очень тихо, заключая ум в слова, произнести молитву: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.** Произнеся с искренним сокрушением и смирением эту молитву, нужно крайне неспешно сделать земной поклон. Делать земной поклон нужно с чувством, как бы к ногам Самого Христа Спасителя, без разгорячения, с покаянным чувством грешника, умоляющего о помиловании. При этом нужно иметь твердое убеждение в присутствии Господа, но ни в коем случае не представлять себе в воображении образ Христа, ибо это, по словам епископа Игнатия, «непозволительная мечта, ведущая к губительному самообольщению». Убеждение же в присутствии Бога «есть убеждение во всесвятой истине».²²⁵ Сделав земной поклон, нужно привести тело в первоначальное благоговейное и спокойное положение и опять неспешно произнести Иисусову молитву, после которой опять следует земной поклон. Утрудившись от земных поклонов, нужно перейти к поясным поклонам, произнося ту же молитву. Мера поясного поклона определяется тем, когда опущенная рука достает пол.²²⁶

Совершая земные и поясные поклоны неспешно, с благоговением, сопровождая их внутренним деланием, каждый инок со временем сможет определить, какое количество поклонов выносит его тело. Исключив из этого числа несколько поклонов из-за снисхождения к своим немощам, инок из оставшегося числа может установить для себя ежедневное правило поклонов. После этого необходимо испросить благословение старца или духовника на исполнение этого правила и, если благословение будет получено, стараться ежедневно выполнять его.

Устанавливая свое ежедневное количество поклонов, нужно принять во внимание совет епископа Игнатия, который, предостерегая иноков от злоупотреблений, говорит, что не

нужно заботиться о количестве поклонов, а всё внимание обращать на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями. Поклоны, совершаемые лишь для числа, более вредны, чем полезны. Инок, исполнив их, начинает радоваться радости, исполненной тщеславия: «Вот, говорит он сам себе, подобно упомянутому в Евангелии фарисею, и сегодня Бог сподобил положить (примерно) 300 поклонов! Слава Богу! Легкое ли дело? В нынешнее время 300 поклонов! Кто ныне такое несет правило? и так далее».²²⁷

Инок, не соединивший с коленопреклонениями истинного покаянного чувства и внутренней молитвы, разгорячает свою кровь, которая приведет в возбуждение умственную деятельность, и так как он не занял свой ум богоугодным делом, то тщеславные помыслы и мечтания получают в нём полный простор. От этих душепагубных помыслов и мечтаний в иноке может появиться губительное самомнение. За самомнением следует осуждение ближних и желание поучать их. «Такое расположение есть признак гордости и самообольщения: если бы инок не считал себя выше ближнего, он никак не дерзнул бы учить его»,²²⁸ — пишет епископ Игнатий. Инок, впавший в самообольщение и гордость, становится неспособным к духовному совершенствованию, он может преуспевать лишь в телесном подвиге, от которого в нём всё более и более будут возрастать терния тщеславия и гордости. Таковы результаты телесного ли он не соединен с покаянием и с внутренним духовным делом и если телесному подвигу самому по себе придают большое значение.

2. Духовный подвиг инок

«Всякому новонаначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершаемое телом, а когда по значительном времени он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума (душевное делание), но только очень просто и умеренно, ибо «душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его»,²²⁹ — эти строки были написаны великим поборником внутреннего делания епископом Игнатием. Он в силу особого склада своей

души, тонкости и проницательности своего ума еще в ранней юности встал на путь духовного подвига.²³⁰ Несомненно, что его слабое здоровье, делавшее его малоспособным к прохождению телесных подвигов, способствовало истинному подвижнику углубиться в делание духовного подвига.

Сознавая необходимость духовного подвига, могущего привести монаха к совершенству и к достижению блаженной жизни, Владыка устно и письменно возвещал о нём инокам, внимавшим его голосу.

Его «Приношение современному монашеству» почти целиком состоит из «советов относительно душевного иноческого делания». Упомянутые «Правила наружного поведения» являются по сравнению со всей книгой лишь небольшим вступлением.²³¹ Епископа Игнатия в полном смысле можно назвать **учителем** духовного делания и его **неутомимым глашатаем**.

Учение Владыки о духовном подвиге глубоко и многогранно; в этом и последующих разделах данной главы мы постараемся раскрыть основные положения его учения.

Глубокий знаток человеческой природы, епископ Игнатий знал, что в человеке жизнь не прекращается ни на мгновение: ум никогда не перестает рождать мысли, а сердце чувствования и т.к. ум и сердце наши заражены грехом, то естественно, что рождаемые ими мысли и чувства чаще всего бывают богоугодные. «Душа, – пишет епископ Игнатий, – не может быть без непрерывного упражнения: если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрерывно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой; иначе – она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена».²³²

Духовное делание заключается в том, чтобы дать уму и сердцу занятие богоугодное.²³³ Подвиг этот весьма труден, но без него невозможно достигнуть совершенства.

Как тело без души мертво, так и телесный подвиг без духовного бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные подвиги инока. Тело без души подвергается тлению и издает зловоние, так и наружное благочестие без

умного делания «сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением... и другими трудно выявляемыми страстями».

В одном из писем епископ Игнатий пишет, что при одном телесном жителстве «вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может, и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения, ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел». Но телесный делатель не удостоится той милости от Бога, которую Господь «дарует всем рабам Своим, работающим Ему и телесным, и духовным подвигом». Каждый монах должен стремиться освоить не только телесный подвиг, но и быть делателем умного подвига, ибо, по словам преосвященного Владыки, «без истинного умного делания монашество есть тело без души».

Признавая тесную связь между телесным и духовным подвигом, епископ Игнатий считал, что его поколение иноков по слабости сил неспособно к великим телесным подвигам, которые могли совершать иноки первых веков. Поэтому он советует инокам его и последующих поколений основное внимание, основные силы употреблять на стяжание духовного подвига.

Значение духовного подвига для монашества того времени прекрасно раскрыто епископом Игнатием в письме к С.-Петербургскому митрополиту Исидору: «По настоящему положению монашества в России, – писал Владыка, – и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении ближайшее ознакомление и монашества, и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного ответа в монашеской жизни ни себе, ни братьям своим, живущим посреди мира... Духовный подвиг... он, один он, может

облечь монаха во всеоружие для отражения... враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой... Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностью, которой он чужд; когда действует один».

а) Деятельное изучение Евангельских заповедей

Правильная духовная жизнь начинается с изучения Евангелия и деятельного исполнения его святых заповедей.

Новонаначальному с момента вступления в обитель необходимо с полным вниманием начать чтение и усвоение Евангелия, чтобы оно «всегда предстояло в памяти, и он (инок) на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, каждого помысла имел в памяти готовое наставление Евангелия».²³⁴

В подтверждение этих слов истинный делатель Евангельских заповедей – епископ Игнатий – приводит следующие изречения святых отцов. Св. Иоанн Лествичник сказал: «Монах тот, кто во всяком месте и деле, во всяком времени руководствуется единственно Божиими заповедями и Божиим Словом».²³⁵ Современный епископу Игнатию подвижник, святой Серафим Саровский, говорил: «Надо так приучить себя, чтоб ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь, должен управлять жизнь свою».²³⁶

Необходимость для инока деятельного изучения Евангелия епископ Игнатий усматривал из повеления Христа Спасителя, данного святым апостолам: *...учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мф. 28, 20)*. Это повеление Господа сопряжено с обетованием и предостережением.

Обетование заключается в том, что исполнитель Евангельских заповедей получит не только спасение, но и удостоится тесного общения с Богом, это обетование Владыка видел в словах Господа: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их,*

той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам (Ин. 14, 21). Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их... – только хорошо изучивший заповеди Господа так, что они стали достоянием, «имуществом» ума его, сможет быть постоянным исполнителем этих блаженных заповедей и удостоится быть возлюбленным Господом.

Предостережение заключается в том, что деятельность нерадящего об изучении и претворении в жизнь Евангельских заповедей обречена будет на бесплодие, сам же нерадящий будет отлучен от Бога и погибнет.

Эту истину владыка Игнатий выводил из следующих слов Господа: *Без Мене не можете творити ничесоже: аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огонь влагают, и сгарает... Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей (Ин. 15; 5–6, 10). Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы мнози сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отидите от Мене делающие беззаконие (Мф. 7, 21–23).*

Заповеди Христа Спасителя *Дух суть и живот суть (Ин. 6, 63).* И всякий, кто изучает их и претворяет в жизнь, из мертвого, плотского человека становится живым – духовным.

Не изучающий Евангелие и не живущий по его заповедям губит себя, оставаясь плотским, пребывая в состоянии падения и развивая его (падение) в себе, ибо *душевен же человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть (1Кор. 2, 14).*²³⁷

Деятельное изучение Евангелия может в непродолжительное время возвести инока от младенческого возраста *в меру возраста Христова* (см.: Еф.4:13) и уподобить мужу, о котором воспел пророк Давид: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе: но в законе Господни воля его, и*

в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет: и вся, елика аще творит, успеет (Пс. 1, 1–3).

Непрестанное изучение Евангелия насаждает в душе инока добродетели, на которых основывается вся монашеская жизнь: веру, надежду на Бога, смирение, кротость, послушание, сердечное покаяние, рассудительность, равную ко всем ближним любовь, всесовершенную любовь к Богу и многие, многие другие добродетели.

Если духовная жизнь монаха не основана на Евангельских заповедях и он не приложит усилий к приобретению перечисленных добродетелей, он всегда будет удобопреклонен ко многим падениям.

Монах, утвердивший свою духовную жизнь на Евангельских заповедях, положил твердое основание, и где бы он не находился – в обители или среди житейских молв, – он невозбранно будет пребывать в делании своего подвига.

Епископ Игнатий пишет о таком иноке: «Он непрестанно делает, он непрестанно подвизается, он преуспевает непрестанно, хотя дело его, хотя подвиг его и преуспевание не приметны и непонятны для других. Какие бы не постигли его скорби и искушения, они не могут ниспровергнуть его».²³⁸ К исполнителю заповедей Господних в полной мере могут быть приложимы слова Христа Спасителя, сказавшего: *Всяк убо, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину ту: и не падесея, основана бо бе на камени (Мф. 7:24–25).*

По глубокому убеждению Владыки, духовная жизнь монаха, основанная всецело на Евангелии, не может потерпеть крушения, ибо она «получает необыкновенную прочность от божественной неограниченной силы, которой преисполнены слова Христовы».²³⁹ Этой прочности не может иметь духовная жизнь инока ни из какого другого источника, ибо только в заповедях Христовых действует Его сила.²⁴⁰

Долгое изучение епископом Игнатием монашеской жизни показало, что часто встречаются подвижники, которые не обращают никакого внимания на исполнение Евангельских заповедей, но даже открыто попирают их, не понимая их значения в духовном подвиге инока. К таким подвижникам он относит слова Иисуса Христа: *Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася храмину той, и падеся: и бе разрушение ея велие (Мф.7:26–27).*²⁴¹ Подвижник, не имеющий в основании своего делания Евангельских заповедей, при любом, даже самом небольшом искушении или перемене внешних условий жизни, очень быстро колеблется, приходит в смущение и нередко претерпевает духовное потопление. У него нет силы Христовой, ибо он не исполняет Его Евангельских заповедей, своя же сила – сила телесного подвига, – при любом «ветре» не выдерживает напора, и духовная храмина такого подвижника терпит разрушение.

Раскрывая эту истину, епископ Игнатий говорит об одном пустыннике, который, живя в глубоком уединении, возложил на это уединение всю надежду своего преуспевания и спасения. Внезапно обстоятельства сложились так, что пустынник был вынужден оставить уединение и жить в мире среди людей. Естественно, что «неукрепленный в себе самом» Евангельскими заповедями, не утвержденный ими, он подвергается влиянию множества соблазнов.²⁴² Один внешний подвиг (в данном случае уединение), без исполнения Евангельских заповедей, недостаточен для спасения.

«Истинное... монашество, – пишет епископ Игнатий, – заключается в исполнении Евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет монашества, какова бы ни была наружность».²⁴³

Жительство по Евангельским заповедям возможно для инока в любых условиях и не зависит от устава или благоустройства обители. Везде, где промысел Божий поставил жить и трудиться инока, он может и должен позаботиться о стяжании Евангельских – заповедей. «Заповеди Евангельские

суть свет наш во время странствования в нощи земного жития. На них надо неуклонно смотреть, чтобы не сбиться с пути, когда собьемся с него – по ним выходить на путь. Такого жительства себе и вам желаю», – писал Владыка одной инокине, раскрывая ей значение монашества по Евангельским заповедям.

б) Чтение Евангелия и творений святых отцов

Так как Евангелие есть основа духовной жизни инока, то естественно, что основным келейным занятием новонаначального должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета. При этом новонаначальному епископ Игнатий рекомендует сперва изучить заповеди Христа Спасителя в Евангелиях от Матфея и Луки.

Изучение евангельских заповедей должно заключаться в посильном практическом исполнении их, а не теоретическом, школьном познании. Практическое усвоение заповедей, изложенных у Евангелистов Матфея и Луки помогает лучше усвоить весь Новый Завет.

Для того, чтобы новонаначальному правильно – по разуму святых отцов, а не произвольно – понимать прочитанное, ему нужно читать и «благовестник» – Толкование на книги Нового Завета, составленное блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским. Чтение «благовестника» не только помогает правильно понять Св. Писание, но и способствует более точному исполнению евангельских заповедей.

* * *

Когда новонаначальный станет на путь деятельного исполнения Евангельских заповедей, ему можно приступить к изучению св. отцов.

Епископ Игнатий чтению писаний святых отцов придавал очень большое значение в деле духовного роста инока. Но, зная склонность каждого человека (особенно молодых) к увлечению прочитанным, он предостерегает новонаначальных от чтения книг, не соответствующих их духовным понятиям. «Книги святых отцов о монашеской жизни должно читать с большой

осмотрительностью, – писал он, – ибо замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непрестанно увлекается направлением книги». ²⁴⁴ Если книга написана для безмолвников и живописует об обилии духовных плодов, доставляемых безмолвием, то в новоначальном она непременно возбудит желание оставить свою обитель и где-нибудь в уединенном месте предаться безмолвию. Если же книга написана для общежительных монахов и говорит о том совершенстве, которого может достигнуть инок под руководством старцев, то в новоначальном может возгореться желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Но, по замечанию епископа Игнатия, «Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих житейств». ²⁴⁵

Находясь под сильным влиянием прочитанной книги и не находя в окружающей его действительности того, о чём новоначальный прочитал, он может с большим ущербом для своей духовной жизни оставить свою обитель ради несбыточной мечты найти где-либо совершенное жительство.

Предостерегая новоначального от увлечения прочитанной книгой, епископ Игнатий приводит слова св. Иоанна Лествичника, который писал: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, несвойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения, найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе, при новоначалии, упомянутых добродетелей... Обольститель (дьявол) ублажает перед безмолвниками странное послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтобы вторых, как и первых, сделать

нетерпеливыми».²⁴⁶ Эти, и подобные приведенным, мысли и желания могут возникнуть в новоначальном от чтения книг, не соответствующих его образу жизни.

Из всех творений святых отцов новоначальному иноку, так же как и мирянину, без всякого опасения можно читать сочинения святого Тихона Воронежского. «Они, – по словам епископа Игнатия, – не имеют односторонней цели (и) служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников».²⁴⁷

Все прочие святоотеческие творения епископ Игнатий рекомендует читать, положив себе за правило:

1. Не увлекаться направлением книги.

2. Не читать книги поспешно.

3. Соблюдать постепенность, начиная с творений более простых, переходя к более углубленным.

Епископ Игнатий, сам в совершенстве изучив всю святоотеческую литературу о монашеском делании, предлагает инокам следующий порядок чтения святоотеческих книг.²⁴⁸

Книги, написанные для общежительных монахов:

1. Поучения преп. аввы Дорофея.

2. Оглашение преп. Феодора Студийского.

3. Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка (начиная с 215 ответа; предшествующие ответы даны затворникам и потому не рекомендуются епископом Игнатием для новоначальных).

4. Слово Иоанна Лествичника (Лествица).

5. Творения преп. Ефрема Сирского.

6. Общежительные постановления и собеседование преп. Кассиана Римлянина.

По прошествии значительного времени можно читать книги, написанные св. отцами для безмолвников:

7. Добротолюбие.

8. Патерик Скитский.

9. Слово преп. Исаии Отшельника.

10. Слово св. Исаака Сирского.

11. Слово Марка Подвижника.

12. Слово и беседа преп. Макария Великого.

13. Творения преп. Симеона Нового Богослова и др. писания св. отцов.

Так, епископ Игнатий из приведенного списка святоотеческих книг более всего ценит поучения преп. аввы Дорофея. Он писал: «Я столько уважаю эту книгу, что и доньше не перестаю перечитывать ее для назидания моего и братьев моих».

Все перечисленные книги относятся к разряду деятельных, или подвижнических, т.к. в них изложено иноческое делание и подвиги иноков. Св. Иоанн Лествичник сказал: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то читай книги деятельные (подвижнические)». ²⁴⁹

Чтение перечисленных книг помогает иноку ознакомиться ближе и точнее с «монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом», ²⁵⁰ и что особенно – возбуждает его к молитве.

От чтения всех остальных святоотеческих книг, особенно тех, которые приводят к размышлениям и созерцаниям, епископ Игнатий советует воздержаться иноку.

в) Келейное правило

Каждый новоначальный инок, вступая на путь духовного совершенствования, сколько бы он ни был богат мирской мудростью, находится в неведении всего божественного и духовного. Он не знает, как и сколько ему нужно молиться. Поэтому, чтобы избежать многих душевредных крайностей, ему дается определенное молитвенное правило.

Молитвенное правило есть собрание нескольких молитв, составленное богодухновенными святыми отцами и приспособленное к обстоятельствам и времени. ²⁵¹

Основная цель молитвенного правила заключается в том, чтобы доставить душе молящегося правильные, святые и богоугодные мысли и чувствования, которых у него недостает. Богоугодными мыслями и чувствованиями и преизобилуют молитвования богоугодных мужей – святых отцов. ²⁵²

Прочитывая со вниманием молитвы, составленные св. отцами, инок постоянно будет напоять свою душу их благодатными мыслями и чувствами. Новонаначальному мудрые учителя молитвы – святые отцы – не рекомендуют быть в молитве многословным и красноречивым, а также произносить молитвы, самим составленные. Эти молитвы могут казаться новонаначальному иноку весьма сильными и умилительными, но они, по словам епископа Игнатия, – произведения падшего разума и, будучи жертвою оскверненной, не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий.²⁵³

Своя молитва может возбудить в молящемся чувство самодовольства и тонкого тщеславия. Новонаначальный же по неопытности своей может принять эти греховные действия, льстящие его падшей природе, за утешение совести и благодати и лишиться правильной молитвы. Самое страшное в таком положении то, что новонаначальный и не подозревает, что он сошел с правильного молитвенного пути, он будет думать, что его обильные молитвы богоугодны и спасительны.

Всего этого инок может избежать, если будет исполнять в келии определенные молитвенные правила, состоящие из молитв, принятых и проверенных опытом Церкви.

Выработанное многовековым монашеским опытом «молитвенное правило» направляет правильно и свято душу, научает поклоняться Богу Духом и Истиною (Ин. 4, 23), между тем как душа, будучи предоставлена самой себе, не могла бы идти правильным путем молитвы. По причине своего повреждения и омрачения грехом, она совращалась бы непрестанно в стороны, нередко в пропасти, то в рассеянность, то в мечтательность, то в различные пустые и обманчивые призраки высоких молитвенных состояний, сочиненных ее тщеславием и самолюбием, – пишет святитель Игнатий.

Приступая к келейной молитве, исполнению келейного правила, инок должен помнить, что его молитвенный подвиг, для его же духовного блага, должен оставаться тайным для всех.²⁵⁴ Рассказывая другим о своем келейном подвиге, инок может невольно впасть в тщеславие и этим погубить весь свой труд.

Сокровенность молитвенного келейного подвига основывается на словах Христа Спасителя, повелевшего: *...егда молишия, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему... в тайне* (Мф. 6, 6).

Епископ Игнатий пишет о сохранении в тайне молитвы следующее: «Пусть о молитве не знает никакая шуйца твоя! Ни друг твой, ни родственник, ни самое тщеславие, сожительствовавшее сердцу твоему и подстрекающее высказать кому-нибудь о молитвенном подвиге твоём, намекнуть о нём».²⁵⁵

Келейные правила бывают разнообразными. Обычно келейное правило состоит из определенного числа поклонов, известного числа молитв (иногда канонов и акафистов) и псалмов. Преуспевшие иноки присоединяют к своему правилу определенное количество Иисусовых молитв.

Общий устав для всех молитвенных правил – чтобы правило соответствовало силам инока и времени, которым он располагает. Здоровому иноку нужно при совершении келейного правила большее количество поклонов и молитвословий, а слабому – меньше. Как силы людей разнообразны до бесконечности, так и иноческие молитвенные правила бывают весьма разнообразны.²⁵⁶ Правило выше сил может расстроить здоровье инока, и он будет принужден отказаться от всякого правила. Безрассудно принятое большое правило может послужить не духовному совершенству инока, а тяжелому духовному расстройству. Не успевая выполнить большое правило, сокращая его произвольно, инок будет всегда чувствовать смущение. От смущения может появиться духовное расстройство и уныние. От уныния инок может перейти к расслаблению и исступлению, от которых рождается праздная рассеянная жизнь с равнодушным впадением во многие тяжкие грехи.²⁵⁷

В келейном молитвенном правиле основное значение имеет не количество молитвословий, а качество их произношения. Умеренное благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, и нередко по мере духовного

совершенствования инока постепенно увеличивается и его правило и, главное, улучшается качественно.

«Избери, – пишет епископ Игнатий, – себе соразмерное силам и душевной потребности молитвенное правило, старайся тщательно и неопустительно исполнять его: это нужно для поддержания нравственных сил души твоей, как нужно для поддержания телесных сил ежедневное в известные часы достаточное употребление здоровой пищи».²⁵⁸

Правильное, соразмерное силам правило, совершаемое постоянно в одно время и с усиленным вниманием, является большим пособием в духовной жизни инока. Постепенно у него образуется благочестивый навык, потребность исполнить свое молитвенное правило.

С преуспевшим в духовной жизни иноком, стяжавшим этот навык, нередко случается, по словам епископа Игнатия, следующее: как только он приблизится к месту совершения правила, в душе его возникает молитвенное настроение, он не успел еще произнести ни одного слова молитвы, а из сердца его уже переливается умиление, и ум весь углубляется во внутреннюю клеть.²⁵⁹ Если такому иноку случится по какой-либо причине не прочитать правило, он в течение всего дня будет ощущать в душе какую-то пустоту, будет чувствовать, что ему чего-то недостает.

Однако в таких случаях надо помнить совет владыки Игнатия, что молитвенные правила для человека, а не человек для правила. Если иноку пришлось опустить свое дневное келейное правило по уважительной причине, то он не должен приходить от этого в смущение, но, поведав об этом старцу или духовнику, пребывать в спокойствии.

Одной инокине епископ Игнатий писал: «Пишите, что не всегда исполняете правило, то по слабости, то по причине посещения ближних, потом чувствуете скорбь. На это вам повторяю, что не человек для правила, а правило для человека. И поэтому в чём согрешили по неопытности тела или души... вся сия да простит милосердный Господь Бог, пред Коем и правды наши нечисты, – и я, многогрешный, именем Господним Вас прощаю и разрешаю, и впредь завещаю в таких случаях

держаться рассуждения, т.е. когда замечаете, что немощь естественная, происходящая от занятия с посетителями или от недуга, обнаруживающегося уменьшением аппетита и бессонницей и тому подобным, тогда полезно послабить телу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждаемо сверх сил. Тогда поклоны оставьте и, прочитав соответственно немощи сполна или несполна вечерние молитвы, пребывайте мирны». Конечно, ни празднословие, ни посещение без уважительной причины келии братий, ни ленивое расслабление не могут служить поводом к оставлению молитвенного правила.

Не страшно так оставление правила без уважительной причины, как страшны бывают последствия этого оставления. Епископ Игнатий приводит по этому поводу свидетельство преп. Исаака Сирского: «Не за оставление псалмов осудит нас Бог в день Суда Своего, не за оставление молитвы, но за последующий оставлению их вход в нас бесов. Бесы, когда найдут место, войдут и затворят двери очей наших: тогда исполняют нами, их орудиями, насильственно и нечисто, с лютейшим отмщением, всё воспрещенное Богом, и по причине оставления малого (правила),²⁶⁰ за которое сподобляются заступления Христова, мы делаемся подвластными (бесам), как писано некоторым премудрым: «Не покоряющий воли своей Богу подчинится сопернику своему». Эти (правила), кажущиеся тебе малыми, соделаются для тебя стенами против старающихся пленить нас. Совершение (этих правил) внутри кельи премудро установлено учредителями церковного устава по откровению свыше для хранения живота (жизни) нашего».²⁶¹

Значение исполнения ежедневного молитвенного правила столь велико, что многие прославленные угодники Божии не оставляли его и тогда, когда сподоблялись дара непрестанной внутренней молитвы.

Время совершения молитвенного келейного правила определяется самим иноком в зависимости от того, когда он бывает свободен от монастырских послушаний, церковных служб. Хорошо, если инок может исполнить свое правило с утра. Утром, когда душа и тело человека полны сил, иноку легче

бороться с вражескими прилогами и удерживать внимание в словах молитвы. Правило, прочитанное с утра, умиротворяет душу на весь день, делает ее стойкой в многочисленных искушениях, встречающихся иноку в течение дня. Инок, совершающий свое келейное правило вечером, часто не в силах бывает бороться с сонливостью и вражескими помыслами, утомленный тяготой дня. Механически прочитав правило, он отходит ко сну, не получив от молитвы духовной пользы.

Епископ Игнатий пишет, что в его время в обителях, следовавших уставу Саровской пустыни, совершалось общее вечернее правило с поклонами в церкви. Физические труды в Саровской обители и многих других монастырях были столь велики, что, кроме общего вечернего правила, редкие иноки могли совершать еще и келейные правила.

Для иноков, избыточествовавших физической силой, а также для монахов тех обителей, в которых не совершалось в храме общего вечернего правила, святитель Игнатий предлагал следующий совет. Он пишет, что вечерние правила надо совершать применительно к правилу, преподанному Пахомию Великому Ангелом. Однако, замечает Владыка, – в настоящее время по нашей слабости вполне точно невозможно исполнять это правило так, как его исполняли древние иноки.²⁶²

Сообразуясь с правилом, преподанным Ангелом, можно установить для своего правила следующий порядок: **Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный, Трисвятое по Отче наш; Господи помилуй 12; Приидите, поклонимся (3), 50-й псалом, Символ веры, 20 земных и 20 поясных поклонов с молитвой Иисусовой: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного** (можно 30 земных и столько же поясных поклонов или 40 земных и 40 поясных и т.д.).

После поклонов и молитвы Иисусовой полезно присовокупить и несколько земных и поясных поклонов с молитвой Божией Матери: **Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси меня грешного.**

По совершении этого правила епископ Игнатий не рекомендует оставаться в праздности, но сразу же предлагает заняться молитвословием или Иисусовой молитвой; после совершенных поклонов инок приобретает особое расположение к духовному подвигу, и поэтому он сразу же должен заняться деланием спасительным, и ни в коем случае не предаться мечтаниям пустым и небогоугодным.

«Приобретенные при молитве с поклонами чистоту, живость ума и умиление сердца должно тотчас, – пишет Владыка, – употребить для молитвы без поклонов, неспешно и тихо произносить устами вслух себе, при заключении ума в слова молитвы, при сочувствии сердца словам молитвы».

Если в обители не совершается общее вечернее правило, то сразу же после поклонов нужно прочесть «Молитвы на сон грядущим». Инок, имеющий время и силы после вечерних молитв, может заняться чтением канонов, акафистов, псалтири, помянника. Новоначальным полезно читать акафист Иисусу Сладчайшему и Божией Матери.

Сам епископ Игнатий, назначая своим духовным чадам это келейное правило, иногда несколько сокращал и изменял его. В одном из писем он советует некой монахине следующее: «Относительно правила после вечерних молитв, полагай 10 поклонов земных с молитвою Иисусовой, а потом твори 30 молитв Иисусовых неспешно, со вниманием, шепотом. Затем 5 поклонов земных с молитвою: **Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси меня грешную.** Потом по 3 поклона поясных Ангелу Хранителю и всем святым».

Чтение акафиста Иисусу Сладчайшему, кроме собственного своего достоинства, является, по убеждению епископа Игнатия, превосходным приготовлением новоначального к занятию молитвой Иисусовой. Акафист на всем своем пространстве в разнообразных формах изображает прошение грешника о помиловании Христом Спасителем. Он показывает, какими мыслями может сопровождаться Иисусова молитва, которая для многих новоначальных кажется первое время очень сухой.²⁶³

В акафисте Божией Матери прославлено вочеловечение Бога Слова и величие Божией Матери, Которую ублажают «*вси роди*» (Лк. 1, 48). «Удачным освещением, – пишет епископ Игнатий, – оживляется всякая картина, и необыкновенным светом благодати озарен акафист Божией Матери. Всё это действует сугубо: им просвещается ум, от него сердце исполняется радости и извещения. Непостижимое приемлется как бы вполне постигнутое, по чудному действию, производимому на ум и сердце».²⁶⁴

Преуспевшим инокам, ощутившим некоторое просвещение ума, рекомендуется уже не чтение акафистов, а псалтири. Псалтирь надо читать также очень неспешно – так, чтобы на одну кафизму уходило около 20 минут. Древние иноки совершали молитвенное чтение псалтири с такой неспешностью, что называли его псалмопением. Псалмопение не было в полном смысле пение псалмов (по гласам или по нотам), а неспешное чтение, протяженностью своей напоминавшее пение.²⁶⁵

Келейное молитвенное правило, какое бы оно ни было и в какое бы время ни совершалось, прочитанное со вниманием и при сочувствии сердца, оставляет в душе монаха глубокий благотворный след и постепенно приучает его к постоянной молитве; оно ограждает его от пагубной праздности и дивно усваивает Христу Спасителю.

«Возлюбленный брат! – обращается преосвященный Игнатий к каждому иноку, – покори свободу правилу: оно, лишив тебя свободы пагубной, свяжет только для того, чтоб доставить тебе свободу духовную, свободу во Христе. Цепи сначала покажутся тягостными, потом сделаются драгоценными для связанного им. Все святые Божии приняли на себя и несли благое иго молитвенного правила: подражай им и ты...»²⁶⁶

г) Необходимость внимания при молитве

Епископ Игнатий придавал большое значение вниманию при молитве. Чтобы молитва принесла свои обильные плоды, надо чтобы молящийся непрестанно присутствовал вниманием в произносимых им словах. Произнося любую молитву, инок

должен своим умом соприсутствовать словам молитвы, не механически произносить слова, но и умом осознавать их.

Инок, молящийся без внимания, не бывает услышан. О необходимости внимания при молитве учили многие великие учителя иноков.

Епископ Игнатий, всегда подтверждавший излагаемые им вопросы святоотеческим учением, приводит следующие цитаты из творений святых отцов о необходимости внимания в молитвенном подвиге.

«Преподобный Нил Сорский говорит, что молящийся гласом и устами, без внимания, молится на воздух, а не Богу».²⁶⁷

«Странно твоё желание, чтоб Бог тебя услышал, когда ты сам себя не слышишь», – говорит св. Димитрий Ростовский, заимствуя эти слова у священномученика Киприана Карфагенского.²⁶⁸

Святой Симеон Новый Богослов, усматривая тесную связь между вниманием и молитвой в борьбе с лукавыми помыслами, уподобляет внимание стражу, который охраняет молитву. Он пишет: «Внимание должно быть столько связуемо и неразлучно с молитвою, сколько связуется тело с душою, которые не могут быть разлучены, не могут быть одно без другого. Внимание должно предварять и стеречь врагов, как некоторый страж; оно первое да подвизается на грех, да противу стоит лукавым помыслам, приходящим к сердцу; вниманию да последует молитва, немедленно истребляющая и умерщвляющая все лукавые помыслы, с которыми внимание... начало борьбу: ибо оно одно не может их умертвить. От этой борьбы, производимой вниманием и молитвою, зависит жизнь и смерть души. Если храним молитву посредством внимания чистою, то преуспеваем. Если же не стараемся хранить ее чистою, но оставляем нестрегомою, то ее оскверняют лукавые помыслы, – мы соделываемся непотребными, лишаемся преуспевания».²⁶⁹

Молитва, произносимая без внимания, приносит молящемуся мертвость души, фарисейское самомнение, которое рождается от сердечного ожесточения. Молящийся без внимания начинает довольствоваться и удовлетворяться количеством произнесенных молитв и временем,

употребленным для этого, не обращая совершенно внимания на то, что его ум и сердце не принимали никакого участия в молитве.

С молящимися одними устами, без всякого внимания к читаемому, нередко случается так, что они внезапно останавливаются, не зная, что читать дальше, или вставляют слова из другой молитвы, хотя открытая книга лежит перед ними. Чаще всего это говорит о том, что в подобных случаях мысли произносящего молитву были весьма далеко, он думал о чём угодно, но не о том, что читает, внимание его не было приковано к словам молитвы.

Нередко случается, что инок «пробежит глазами» в недоумении, прочитаны ли им эти несколько страниц. Естественно, что такая рассеянная молитва не может возродить духовной жизни монаха.

Внимательная молитва приобретается не сразу. Новонаначальному нужно с постоянством приучить себя к ней. Сколько бы раз ум его ни отлетал от молитвы, его нужно опять и опять возвращать, вводить в слова молитвы. Внимательной молитве способствует неспешное произнесение слов молитвы, медленное произнесение молитвы способствует уму быть заключенным в слова молитвы. Новонаначальному полезно, когда он находится один, произносить молитвы вслух (вполголоса) – это также способствует сохранению внимания. Иноку лучше всего приучить себя к внимательной молитве при исполнении келейного правила.

«Возлюбленный брат! – пишет епископ Игнатий, – не отвергни ига некоторой скуки и некоторого понуждения, приучаясь первоначально и к иноческим келейным занятиям, особенно к келейному молитвенному правилу. Запасись благовременно всесильным оружием – молитвою; благовременно научись действовать им. Молитва всемогуща по причине действующего в ней всемогущего Бога. Она – **меч духовный, иже есть Глагол Божий** (Еф. 6, 17)".²⁷⁰

Находясь в храме, читая или слушая молитвословия, нужно также постоянно понуждать свой ум не отлучаться от молитвы.

Труд этот нелегок, но он необходим для духовного преуспевания инока.

Плод внимательной молитвы весьма обилен. Он состоит «в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнью Духа».²⁷¹

Полное непоколебимое внимание при молитве есть величайший дар благодати Божией. Инок, желающий получить этот дар, должен, доказать это постоянным принуждением себя к внимательной молитве. За постоянство и терпение Бог в свое, Ему Одному известное время, может даровать иноку непоколебимое внимание в молитве.

Молитва святых была одушевлена вниманием и Божественною благодатию, которая соединяла воедино разделенные грехом силы человеческие.

Облагодатствованная молитва святых производила непреодолимое впечатление на тех, кому удавалось ее услышать. В рукописном житии преподобного Иллариона Суздальского повествуется, что когда он читал в Церкви акафист, то слова вылетали из его уст наподобие огня и с необъяснимой силой действовали на слушателей.²⁷²

Молитва, произносимая святыми устно, была неразрывно соединена с умом, сердцем и всем существом их, они произносили свои молитвы от всей крепости своей, из всего человека.

Во время такой молитвы преподобный Сергей Радонежский сподобился посещения Божией Матери с апостолами Петром и Иоанном.

Святые молились – воспевали Бога – «во исповедании сердечном», они «пели» и «исповедовались Богу непоколебимо»,²⁷³ т.е. без рассеянности, они «пели» Богу «разумно» (Пс. 46, 8).²⁷⁴

Но чтобы грешному человеку иметь хотя бы слабое подобие молитвы святых, ему нужно непрестанное понуждение к внимательной молитве.

Св. Иоанн Лествичник пишет, что к молитве нужно понуждение в течение всей жизни,²⁷⁵ весьма редкие подвижники

избавлялись от понуждения к молитве, пребывая в ней постоянно.

От постоянного понуждения себя к внимательной молитве инок начинает постепенно ощущать утешение от молитвы, это утешение облегчает ему понуждение, делает молитвенный подвиг радостным.

Внимательная молитва может перейти в постоянную, постоянная молитва возводит инока к более высоким ступеням духовного совершенства.

«Братия! – обращается святитель ко всем инокам, будем внимательны в устных и гласных молитвах наших, произносимых нами при церковных службах и в уединенной келии. Не сделаем наших трудов и жизни в монастыре бесплодными нашею невнимательностью и небрежением в деле Божиим. Пагубно небрежение в молитве! *Проклят*, – говорит Писание, – *творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10). Очевидно действие этой клятвы: совершенное бесплодие и безуспешность, несмотря на долголетнее пребывание в иночестве. Положим в основание молитвенного подвига – главного и существеннейшего между монашескими подвигами, для которого все прочие подвиги, внимательную, – устную и гласную молитву, за которую Милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную».²⁷⁶

д) Непрестанная молитва

Непрестанная молитва – есть дар Божий, и инок должен употребить все усилия, чтобы сделаться достойным этого бесценного дара.

Монах, в течение продолжительного времени усердно исполняющий свое келейное правило (иногда в течение многих лет), а также неопустительно посещающий все церковные богослужения и непрестанно бдящий над своим умом, не попуская ему рассеиваться помыслами, постепенно может приучить себя к непрестанной молитве.

Непрестанная молитва заповедана Самим Христом Спасителем. Епископ Игнатий усматривал заповедь о

непрестанной молитве в следующих словах: *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцуйте, и отверзется вам (Мф. 7, 7); и Бог же не имать ли сотворити отмищение избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, и долготерпя о них? Глаголю вам, яко сотворит отмищение их вскоре (Лк. 18, 7–8).*

Святой апостол Павел дважды в своих посланиях говорит о непрестанной молитве. *Непрестанно молитесь (1Сол. 5, 17)*, – заповедует он христианам Солуни. Возлюбленному же своему ученику св. Тимофею ап. Павел писал: *Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления (1Тим. 2, 8)*. Епископ считал, что под именем мужей апостол Павел подразумевает христиан, достигших совершенства, ибо только совершенным христианам свойственно молиться «без гнева и размышления» – в глубоком мире, в любви к ближним, без памятозлобия и осуждения их и не развлекаясь посторонними помыслами и мечтаниями – без «размышления».²⁷⁷

Несомненно, что сами апостолы, получив лично от Господа заповедь о непрестанной молитве и передавшие ее всем христианам, сами непрестанно пребывали в молитве.²⁷⁸ До принятия Святого Духа они *пребывали в одном доме, занимаясь молитвою и молением (Деян. 1, 14)*. Епископ Игнатий полагает, что «молитвою» в Деяниях святых апостолов названы те молитвы, которые апостолы совершали вместе, а под «молением» подразумевается постоянное молитвенное направление их духа – непрестанная молитва. Пребывая в непрестанной молитве,²⁷⁹ святые апостолы сподобились в день Пятидесятницы принять Духа Святого.

Инок, пребывающий в непрестанной молитве, становится способным также к принятию в свою духовную храмину благодати Духа Святого.

Иноки первенствующей Церкви Христовой непрестанно упражнялись в молитве, память Божия всегда была с ними.

Непрестанный делатель молитвы преподобный Антоний Великий завещал всем инокам непрестанное памятование имени Иисуса Христа.

«Не предай забвению, – говорит он, – имени Господа нашего Иисуса Христа, но непрестанно обращай его в уме твоём, содержи в сердце, прославляй языком, говоря: **Господи Иисусе Христе, помилуй мя: Господи Иисусе Христе, помоги мне: Славлю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе.**²⁸⁰

Во времена расцвета древнего монашества непрестанною молитвою занимались все иноки. Св. Иоанн Лествичник свидетельствовал, что иноки одного из александрийских общежитий, которое он сам посетил, «и за трапезою не престают от умственного подвига, но условленным и введенным в обычай знаком и мановением блаженные напоминают друг другу о молитве, совершаемой в душе, и делают они это не только за трапезою, но и при всякой встрече, при всяком собрании». ²⁸¹

В «Письменном патерике», принадлежавшем библиотеке епископа Игнатия, повествуется об одном отце Раифской пустыни, который занимался плетением веревок и при этом постоянно произносил с вздыханием, колебля главою, слова: «Что будет?» Несколько помолчав, опять говорит: «Что будет?» Эти слова были для него постоянным поучением, исполненным сеговетования о том, что последует с ним после смерти. ²⁸²

Приведенные здесь примеры из жизни древних иноков и их изречения были собраны епископом Игнатием во свидетельство того, что непрестанная молитва была неотъемлемым деланием древних иноков.

Как видно из приведенных примеров, для непрестанной молитвы отцы древнего монашества избирали различные, преимущественно краткие молитвы.

Благотворное действие непрестанной молитвы выше всякого объяснения. Только тот иннок, который ощутил в себе плоды от непрестанной молитвы, может знать о них, но не всегда бывает способен поведать об этом другим, потому что непрестанная молитва и ее плоды есть великий дар Божий, необъяснимый человеческим разумом и словом. ²⁸³

Непрестанная молитва – это верный путь, ведущий инока к Богу. Святой Исаак Сирский говорит: «Иначе как непрестанною молитвою, невозможно приблизиться к Богу». ²⁸⁴

Естественно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального. Чтоб стать способным к ней, новоначальный должен в течение долгого времени приучить себя к частой молитве. Когда инок приучится истово исполнять свое келейное правило, сможет заключать ум в слова молитвы и не попустит ему услаждаться пустыми мечтаниями и помыслами, находясь в храме и вне храма, когда полюбит он молитву и будет стремиться молиться как можно чаще, только тогда постепенно частая молитва сама собой перейдет в непрерывную. К частой молитве инок может приучать себя в любую свободную минуту, а также исполняя различные монастырские послушания, не связанные с умственной деятельностью. Епископ Игнатий дает такой совет всем инокам: «Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его в праздности. Не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его на упражнение молитвою... Если случится по немощи, или, правильнее, по свойству падшего естества, увлечешься обольстительными мечтаниями и помыслами, – не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности... прими меры предосторожности... Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной».²⁸⁵

е) Богомыслие²⁸⁶

Богомыслие – есть благочестивое размышление о глубоких тайнах христианства.

Весьма многие древние иноки, достигшие преуспевания в духовной жизни, занимались богомыслием. Святой Петр Дамаскин, согласно с другими писателями-аскетами, богомыслие называет видением духовным и относит его к четвертой степени в разряде этих видений.²⁸⁷

Известные русские подвижники-святители св. Димитрий Ростовский и св. Тихон Задонский, достигнув духовной зрелости, занимались богомыслием – святым размышлением о вочеловечении Бога Слова, о дивном пребывании Его на земле, о Его спасительных страданиях, преславном воскресении и

вознесении на небо. Предметом их размышлений был также человек, его назначение, грехопадение и его следствия, необходимость Искупителя и многие другие великие христианские тайны.

Свои благочестивые размышления оба святителя изложили в своих сочинениях.

Епископ Игнатий не исключал богомыслия из духовной жизни монаха, но предупреждал, что не все иноки способны к нему, да и те, кто имеет склонность к богомыслию, должны быть очень осмотрительными, чтобы вместо духовной пользы не принести себе вреда.

Необходимыми условиями для богомыслия, по словам епископа Игнатия, должны быть: жизнь, очищенная истинным покаянием, и точное познание богословия – христианских истин. Владыка, имея в виду святых Димитрия Ростовского и Тихона Воронежского, писал: «Святители были обучены со всею точностью и подробностью православному богомыслию, потом святою жизнью вознеслись на высоту христианского совершенства: богомыслие было для них естественно».²⁸⁸

Епископ Игнатий считал, что для новонаначального и вообще каждого инока, не очистившего себя покаянием и не имеющего точных понятий о христианском учении, богомыслие недопустимо, ибо оно непременно будет ошибочным и приведет к самообольщению.

В подтверждение этой истины Владыка приводит слова: «Неизмерима глубина догматов, и уму безмолвника не небедственно погружаться в нее. Очень опасно плавать в одежде, столько же опасно находящемуся в плену у страстей касаться богословия».²⁸⁹ Это предостережение было дано затворникам великим наставником иноков святым Иоанном Лествичником. Затворниками были монахи, преуспевшие в иноческой жизни, но и им, как видно из приведенных слов, небезопасно было заниматься богомыслием.

Преждевременное стремление подвижника к размышлению о высоких истинах есть признак внутреннего самомнения и безрассудной гордости.

В древности многие иноки уклонялись в душепагубные ереси из-за того, что допускали рассмотрение христианских истин, превышающие их понятия.

Если во времена расцвета иночества, при обилии древних наставников, к правильному богомыслию были способны немногие, то, естественно, что в более поздние времена редкие могут безбедно вступить на этот путь.

Епископ Игнатий указывал, что безбедный путь богомыслия есть чтение сочинений названных святителей. Читая в их творениях просто, доступно изложенные великие христианские догматы и обдумывая прочитанное, инок будет иметь правильные мысли или благочестивые размышления.

Упражнение в молитве и в душеназидательном чтении есть, по словам епископа Игнатия, упражнение в богомыслии правильном, безопасном, богоугодном.²⁹⁰

Преосвященный Игнатий советует каждому иноку при прохождении своего духовного подвига смиренно всё упование возложить на Бога и не стремиться быть зрителем глубоких тайн христианства. Если Господь сочтет для кого-нибудь нужным, то Сам подаст этот дар.

Каждому иноку нужно просить у Господа не особых благодатных даров, а существенно нужного для спасения. «Стремись – пишет епископ Игнатий, – к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о суде Божиим, о страшных темницах адских, в которых пылает вечный огонь и присутствует вечная тьма: такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезное богомыслие».²⁹¹

3. Значение скорбей в духовной жизни инока

Долгий опыт подвижнической жизни привел владыку Игнатия к убеждению, что скорби имеют большое значение для духовного роста монаха.

Взятие на себя креста, заповеданное Христом Спасителем (Мф.16:24; Лк.9:23), по мысли Владыки, заключается прежде

всего в признании себя достойным посылаемых в жизни скорбей.

Каждый инок, живущий безмятежной жизнью, в силу греховности, присущей каждому человеку, может всецело прилепиться душой к земле, придти в состояние духовной теплохладности и совершенно забыть о своем небесном отечестве.

Скорби напоминают монаху о непостоянстве земного благополучия: скорби плоти – болезни – предвозвещают о неизбежности часа смертного, а за ним вечного блаженства или вечной муки.

Напоминанием непостоянства всего земного, ослаблением действия страстей скорби способствуют спасению каждого человека.

Преосвященный Игнатий говорил, что скорби противодействуют нашему падению и способствуют нашему восстанию. По причине необходимости страстей Христос Спаситель ведет «стезею скорбей» Свое стадо в страну блаженной вечности. «Тому, – говорит Святитель, – кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: *Иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38)

Скорби для монаха, также как и для мирянина, по убеждению Владыки, являются «чашей Христовой», которая делает земных участников этой чаши причастниками непрестающего наслаждения в жизни вечной».

Указывая иноку путь – всецело устремиться к Богу, – скорби делают его способным на всё в этой жизни смотреть очами веры и надежды. «Чаша Христова, – свидетельствует епископ-аскет, – отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причастившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствие, как бы несущийся по воздуху превыше всего – на крыльях веры».

Преосвященный Игнатий учил, что иноческие скорби возникают из четырех источников: из падшего естества, из мира,

от людей и демонов.²⁹²

Падшее естество человеческое есть основной источник всех скорбей, оно порождает из себя разнообразие греха, делает человека восприимчивым к соблазнам мира, служит поводом к восстанию людей друг против друга и дает повод падшим духам приступить к человеку.

Скорби, возникающие от всех четырех перечисленных причин, при терпеливом перенесении их, делают инока более совершенным в духовной жизни. Скорби, возникающие от падшего естества, научают инока надеяться не на себя, а на Бога, доставляют ему опытное познание своего падения и необходимости Искупителя. Скорби от греховного мира научают превратности земной жизни и воспитывают в нём хладность ко всему временному. В жизни каждого инока бывают скорби и от окружающих его людей. Эти скорби смиряют гордость, присущую сердцу каждого человека, и способствуют деятельному осуществлению заповеди о любви к врагам.

Святитель Игнатий неоднократно в своих творениях рассматривает вопрос, как инок должен относиться к людям, причинившим ему скорбь. Владыка учил, что в скорбных обстоятельствах людей нужно оставлять в стороне и благоговейно обращать свой взор к Богу, Который для нашего же блага попускает нам скорби через людей.

К одному священнику, находившемуся в скорбных обстоятельствах, Владыка писал: «Люди, наносящие скорби и скорбные обстоятельства, – только орудия во всемогущей деснице Божией».

В отношении к людям, причиняющим скорбь, епископ Игнатий советует инокам всегда иметь перед своими духовными взорами Христа Спасителя, Который в страданиях, предстоящих Ему претерпеть, видел волю Отца Своего Небесного и молитвенно сожалел о людях, которые в ослеплении своем возвели Его на крест.

В Гефсиманском саду перед Своими страданиями Господь говорил: *Чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея?* (Ин. 18, 11). Святитель Игнатий, разъясняя эти слова, говорил, что Христу Спасителю чашу страданий подавал не Каиафа, не

приготавливал ее Иуда и фарисеи, хотя они и были видимыми виновниками смерти Господа, но всё совершилось по воле Бога Отца.

Каждый инок, помня всегда отношение Иисуса Христа к врагам, должен при нахождении скорби мысленно произносить: «Чашу, юже даде ми Бог, не имам ли пити ея», а к людям, чрез которых пришла скорбь, сохранять чувство нелицемерной любви, как к орудиям промысла Божия.

«Оставим людей в стороне: точно – они посторонние! Обратим взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговейной покорностью: *Да будет воля Твоя!* (Мф.6:10) Этого мало! Облобызаем крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова к перенесению скорбей».

Монаху, научившемуся переносить скорби от своего падшего естества, от мира и от людей, попускаются скорби от лукавых духов. Лукавые духи первоначально восстают на подвижника чрез падшее естество, затем наносят скорби чрез мир и ближних, и когда инок выходит победителем первых трех видов скорбей, ему может быть попущена открытая брань с падшими духами. Победитель в этой брани становится причастником особых духовных дарований.²⁹³

Как в каждом вопросе духовной жизни, так и в отношении к скорбям мудрый архипастырь советовал сохранять благоразумную осмотрительность.

Несмотря на огромную значимость скорбей в деле спасения, инок сам никогда не должен искать скорбей, а по мере своих сил «стараться об уничтожении причин скорбей, если это зависит от него».

Если же он не мог отвратить скорбь, то нужно нести ее безропотно, помня, что Господь никогда не посылает скорбей выше сил человека. Соразмерно скорбям дарует обильное утешение по миновании скорби.

В минуты скорби лукавые помыслы часто предлагают иноку оставить тернистый путь, преисполненный скорбями, и избрать более легкий путь изменением жизненных обстоятельств. Иноку, претерпевшему скорби в общежитии и пожелавшему уйти в

глубокое уединение, Преосвященный писал: «Грех, обладающий всем существом моим, не престает говорить мне: сними со Креста. Увы! Схожу с него, думая обрести правду вне Креста, и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сшедши со Креста, обретаюсь без Христа. Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтобы возвел меня опять на Крест... Как сам поступаю, так советуя поступать и братьям моим».

Епископ Игнатий, наблюдая за монашеством своего времени, свидетельствовал, что скорби иноков непрестанно увеличивались. В этом он видел милосердное попечительство Божие к монахам его времени. При постоянном ослаблении иноческих подвигов скорби становились неперенным условием достижения спасения. На склоне лет Владыка писал своему другу схимонаху Михаилу (Чихачеву): «...ныне, не будь скорбей, нечем спастись. Подвигов нет, одни скорби заменяет собою всё».

Каждый монах всегда должен быть готов встретить любую скорбь и не ждать упокоения. Спокойствие внутреннее и внешнее подается лишь тому, кто искренне считает себя недостойным его.

Многие и лютые скорби, перенесенные с терпением в сочетании с целожизненным подвигом покаяния, воспитывают в иноке духовный разум и вселяют неземное спокойствие.

«Подобает душе и телу истончиться как паутине, пройти сквозь огонь скорбей и воду очистительную покаяния, и войти в покой духовный – в духовный разум, или мир Христов...», – писал Святитель.

Особенное значение в числе больших скорбей епископ Игнатий придавал болезням.

Владыка всю свою жизнь непрестанно болел. Терпеливо перенося многие болезни, Владыка видел в них великую милость Божию к себе. Об этом он писал своему другу: «Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное, намерение спастись. Тебе известно, как рано мне были посланы болезни... Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обуздывает меня и, лишая временного благоденствия, привлекала ко мне вечную милость Божию».

В одном из следующих писем Владыка писал схимонаху Михаилу, что болезнь дополняет недостаток произвольного человеческого подвига.

Каждому иноку непременно в жизни встретятся скорби. По мнению Владыки, для тех иноков, которые последуют Христу, подобно верховному апостолу Петру и первозванному Андрею, предназначен крест. Те, кто обращаются ко Христу, как разбойник, того удел – опять крест. Для первых крест – венец, для вторых – лестница на небо. Крест – скорби – удел всех последователей Христа.

Всем инокам Владыка напоминает: «...каковы бы ни были наши обстоятельства... – невозможно быть Христовым без креста, «еже есть, – говорится в пострижении в монашество, – то готову присно быти к подъятию всякой скорби, которую Промыслитель ни попустил».

4. Епископ Игнатий о видах иноческой жизни применительно к монашеству его времени

а) Жизнь под руководством старца

Для того, чтобы новонаначальному встать на правильный путь и шествовать твердо по нему, ему необходимо вручить себя руководству опытного наставника-старца.²⁹⁴ Старческое руководство существовало во всех древних обителях. Необходимым условием старчества является богоспросвещенный старец, который, руководствуясь Святым Духом, сообщает во всём своему пасомому волю Божию. Со стороны же руководимого требуется глубокая вера в слова старца и полное послушание его воле.

Древние старцы, опытно постигнув трудный путь монашеского делания, умели пресекать греховную волю вверившихся их руководству и насаждать в сердцах своих пасомых евангельские добродетели.

Под руководством старцев древние иноки за короткий срок достигали значительного совершенства.

Иноческое послушание в том виде, в каком оно существовало в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство.

В России старчество существовало во всех древних монастырях, но с упадком христианства старчество постепенно ослабело. Возродителем старчества в России был схиархимандрит Паисий Величковский. Его ученики, рассеявшись по многим обителям русской земли, постепенно вводили в них старческое руководство.

Во второй половине 19-го века рассадниками старчества в России были Оптиная, Глинская и некоторые другие обители.

Епископ Игнатий признавал необходимость старческого руководства в духовной жизни монашествующих. Он сам в годы прохождения послушаний в различных монастырях усердно искал руководителя и не смог найти.

В предисловии к пятому тому Владыка писал, что он не имел в своей жизни руководителя благодатного, но почти постоянно встречался с руководителями, «болезновавшими слепотою и самообольщением».²⁹⁵

Правда, епископ Игнатий признает, что он встречал многих достойных иноков, от которых слышал много ценных советов, помогавших ему в его духовной жизни, но старца, которому мог бы Владыка полностью вверить свою душу, он не смог найти за всю жизнь.

Епископ Игнатий был избранником Божиим, которого Господь от юности вел особым путем – многотрудным и многоскорбным, но в то же время сделал его причастником особых духовных дарований; руководители Владыки, возможно, не имели этих даров и поэтому не могли быть его наставниками.

Несомненно, что иноки, шествовавшие обычным путем, не имеющие особого дара умного делания, как во время епископа Игнатия, так и во все последующие времена, скорее могут найти старца-наставника. Но и для рядового инока найти опытного руководителя весьма трудно, потому что весьма редкие способны к старческому служению.

Во времена епископа Игнатия старческое руководство уже начало процветать в Оптиной пустыни. В 1856 году архимандрит

Игнатий посетил Оптину. Обитель в то время была в самом цветущем состоянии. Он был свидетелем, как семидесятилетний иеромонах Макарий занимался духовным руководством братства и назиданием многочисленных посетителей. Но, несмотря на значительное духовное преуспеяние многочисленного братства (до 200 человек) Оптиной обители, архимандрит Игнатий своим духовным взором заметил, что из всей Оптиной братии «очень немногие... обнаруживали способность сделаться врачами, руководителями других, для чего нужна и врожденная способность, и дух, выработанный истинным монашеским подвигом».²⁹⁶

Не только в 19-м веке трудно было найти истинного старца. Святые отцы предшествующих веков засвидетельствовали, что истинный руководитель – великая редкость.

Святой Симеон Новый Богослов уже в десятом веке говорил, что весьма мало встречается истинных духоносных наставников, но множество лжеучителей. Наш отечественный преподобный Нил Сорский, в 15-м веке, ссылаясь на св. отцов, писал: «Немалый подвиг найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они (отцы) наименовали непрелестным того, кто имеет засвидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение, и то, сказали отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам, ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностью».²⁹⁷

Епископ Игнатий, вслед за многими святыми отцами, предупреждает иноков о том, как пагубно вверять свою душу неопытному наставнику. «Очевидно, – пишет он, – что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще поработщен страстям».²⁹⁸

В подтверждение своих слов Преосвященный приводит совет святого Симеона Нового Богослова, который говорил современным ему инокам: «Если ты хочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя

неискусному или страстному учителю, чтобы не научиться вместо евангельского жития дьявольскому житию, потому что благих учителей и учительство благое, а злых – злое: от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий невидящий и обещающий наставлять других есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господню: *Слепец же слепца еще водит, оба в яму впадетася*" (Мф.15:14).²⁹⁹

В восьмом слове этом великий угодник Божий советует иноку во всем руководствоваться наставлениями своего духовного отца, и говорит: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его – причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воли Божией, но по дарованию своему и по мере повинующегося возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться **повинующимся человеку, а не Богу**» (ср.: Деян.5:29).³⁰⁰

Инок, который подчинился руководству неопытного старца, находящегося в плену у страстей и пороков, становится со временем не на путь богоугождения, а человекоугождения и человекоугодничества. Совместить же служение Богу и человеку невозможно, ибо апостол Павел говорит: *У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым (Гал. 1,10), и не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание (человеку плотского мудрования или Богу) рабы есте, егоже слушаете, или греха (и плотского мудрования) в смерть, или послушания в правду Божию и во спасение (Рим. 6, 16).*³⁰¹

Гибельность неправильного руководства состоит в том, что неискусный старец не может не направить духовную жизнь пасомого по пути, на котором стоит. Если сам он стоит на ложном пути, то и другому будет преподавать этот путь, потому что, по словам епископа Игнатия, «послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется».³⁰²

Если новоначальный совершенно не сведущ в учении Свящ. Писания и св. отцов, то он может и не постигнуть, что

вводится своим старцем на ложный путь, возможно, путь самообольщения и прелести. «Если же новоначальный сколько-нибудь умен»,³⁰³ – по замечанию епископа Игнатия, – и занимается чтением Свящ. Писания и творений святых отцов, то это «должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого».

Разрыв ученика со своим наставником из-за неправильного руководства последнего всегда приводит к духовному расстройству не только ученика, но и учителя.

Епископ Игнатий пишет: «Страшное дело – принять по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по повелению Святого Духа и действием Духа; страшное дело – представлять себя сосудом Святого Духа, между тем как общение с сатаной еще не расторгнуто, и сосуд не престаёт оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно!»³⁰⁴ Из жития святых известно несколько примеров, как иноки, находясь в послушании и у неiskusных старцев, достигли совершенства (преп. Захария³⁰⁵ и преп. Акакий³⁰⁶). Но, как говорит епископ Игнатий, хотя эти иноки и жили под руководством «недостаточных старцев», они имели возможность руководствоваться советами духоносных отцов и назидательными примерами, которыми была преисполнена жизнь вокруг них. Жизнь преп. Захарии и Акакия, по замечанию епископа Игнатия, «вне общего порядка и правила». Каждый инок в своей жизни должен руководствоваться общими правилами, а не исключениями из правил, помня слова св. Исаака Сирского, который учил: «Образ действия Промысла Божия вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка».³⁰⁷

Существует мнение, что вера послушника может восполнить «недостаточество» старца.

Епископ Игнатий был в корне не согласен с этим мнением. Он говорил: «...Вера в истину спасает, вера в ложь и бесовскую прелесть губит...»,³⁰⁸ ибо и ап. Павел пишет о произвольно

погибающих, что они *любве истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи, да суд примут вси не веровавшии истине, но благоволившии в неправде* (2Сол. 2,10–12).

Исцеляя двух слепцов, Христос Спаситель сказал: *По вере вашей, да будет вам* (Мф. 9, 29). Эти слова Само-Истины не имеют право повторять «ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних»,³⁰⁹ – пишет Владыка.

Правда, известны случаи, когда по особому смотрению вера действовала через грешников, обращая ко спасению и самих грешников. Епископ Игнатий приводит два примера из жития святых. 1. Исцеление слепой монахини, испившей воду, в которой были умыты ноги разбойника Флавиана, переодевшегося с целью ограбления обители в одежду инока-странника.³¹⁰ 2. Воскресение умершего младенца по молитве блудницы.³¹¹

Но эти примеры опять являются не правилом, а исключением из правила и «...мы поступим правильно, – пишет епископ Игнатий, – если будем удивляться смотрению непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания».³¹²

Искренняя вера новонаначального не может восполнить недостатки старца, и если он (новонаначальный) не прекратит с ним общения, то непременно нанесет вред своему душевному деланию, а может быть, получит и смертоносную душевную рану.

Св. ап. Павел писал солунянам: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякого брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2Сол. 3, 6). Эти слова могут быть достаточным основанием каждому иноку для удаления от старца, учение которого противоречит Свящ. Писанию и нравственному преданию Св. Церкви.

В заключение вопроса о ложных старцах епископ Игнатий приводит повеление преп. Пимена Великого: «...немедленно

разлучаться со старцем, сожителство с которым оказывается душевредным».³¹³

Долгий опыт руководства пасомыми показал епископу Игнатию, что у новоначальных может появиться желание отдалиться от своего старца и в том случае, когда для них нет абсолютно никакого вреда душевного, а имеется прямая польза.

У новоначальных часто появляются помыслы недовольства руководством своего наставника, сомнения в его опытности и нежелание исповедовать пред ним свои помыслы. Если все эти помыслы не имеют ни малейшего основания, и на деле инок не видит никакой опасности для своей души, то нужно признать эти помыслы вражескими и не повиноваться им, ибо они (бесовские помыслы), по словам епископа Игнатия, «действуют именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас».³¹⁴

В письме к одной инокине епископ Игнатий, раскрывая пагубность соблазна на старца, говорил: «Как видно из жития святых отцов, подобно твоему искушению подвергаются те иноки, которые слабо противустоят брани самоволия и самомышления, не исповедуют своих помышлений старцу и вверяются бесу, показавшему ему в старце такие недостатки, коих в нём вовсе нет».

Естественно, что даже у самого совершенного и опытного в духовной жизни старца бывают малые человеческие слабости и недостатки, которые, однако, для неопытного новоначального могут явиться соблазном и поводом к отделению. Мудрый Владыка, предостерегая от такого неверного намерения, писал: «Святые отцы заповедуют инокам помнить добродетели своих настоятелей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучцы, в сравнении с которыми наши немощи – бревна» (см.: Мф.7:3).

б) Необходимость откровения помыслов старцу

В деле старческого руководства епископ Игнатий особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу. Ежедневная исповедь своих помыслов есть древнейшее монашеское делание. О нём говорится в творениях преподобных Кассиана Римлянина, св. Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, аввы Исаии и аввы Дорофея.

Основываясь на словах св. апостола Иакова: *Исповедайте убо друг другу согрешения.., яко да исцелеете* (Иак. 5, 16), епископ Игнатий считал, что это делание (ежедневное откровение помыслов), «по всей вероятности, установлено самими апостолами».³¹⁵

Естественно, что принимать помыслы новоначальных может не каждый старец, а лишь достигший известной степени бесстрастия и имеющий дар рассудительности.

Монахам епископ Игнатий советовал скрывать от всех, кроме старца, свои брани, потому что неопытный инок может сильно уязвиться, услышав мысленную брань другого. Одной инокине Преосвященный писал: «Побуждай себе к простоте и откровенности пред старицею, от всех же других вполне скрывай свои брани, потому что такую преступную откровенностью повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях».

Ежедневное откровение старцу всех своих согрешений, помыслов и недоумений приносит иноку великую душевную пользу. Ни один подвиг не может так умертвить страсти, как открытие их старцу. «Страсти отступают от того, кто без пощадения исповедует их. Телесное вожделение увядает от исповедания более, нежели от поста и бдения», – учит Владыка. При восстании мысленной блудной брани откровение помыслов является целительным бальзамом для души. Святитель Игнатий писал одной монахине: «Если хочешь стяжать крепость в невидимой брани, особливо против блудного духа, который, как и все духи, ловит втайне, исповедуй, не стыдясь, твои поползновения старице твоей и исцелеешь».

Иноки, в юности своей открывающие свои помыслы наставнику, скоро на опыте узнают, какое от этого происходит

облегчение в душевной брани и поэтому не прекращают прибегать к этому врачевству и в зрелые годы.

Для начинающего инока откровение помыслов часто бывает сопряжено с большими трудностями. Враг часто возбуждает в новонаначальном чувство ложного стыда и этим препятствует чистосердечно поведать старцу все греховные помыслы и сомнения, бывшие в течение дня. При таких борениях иноку нужно силой воли принудить себя к откровению, и только тогда он почувствует ослабление внутренней брани, а со временем и совершенно сможет избавиться от нее.

Епископ Игнатий в письме к одной инокине писал: «Принуждайся со всевозможным усилием исповедоваться пред старицей: это поможет тебе вскоре. От того, что ты пожила долго в других монастырях без этого делания, тебе трудно приняться за него. Но преодолей себя!.. Облегчение, чувствуемое тобою после исповедания твоих поползновений, свидетельствует, что твое спасение заключается в этом делании».

В другом письме Владыка замечает, что принуждающему себя к постоянной откровенности перед старцем или старицею Господь со временем дает силу открываться с легкостью.

Преосвященный Игнатий опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов очень трудно правильно устроить свою духовную жизнь. «...Твое спасение единственно от твоей откровенности пред старицей, – пишет Владыка одной из своих духовных дочерей. – Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, пребудешь плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия». Любая внутренняя брань, даже самая малая, от исповедания ее пред старцем сразу же слабеет, но если инок будет долгое время скрывать ее, то он может придти в душевное изнеможение и не уврачуется, пока не откроет чистосердечно в простоте сердца всё, что происходит у него в душе. «Твое искушение ничего не значащее, только оно обычно было крепко оттого, что ты его скрывала. Перескажи его с раскаянием матери А., и когда помыслы начнут действовать, то повтори исповедание с раскаянием», – писал Владыка.

Откровение помыслов способствует духовному возрождению инока «прежде всего потому, что старец в душе, полностью открытой ему, может пресекать грех в самом его корне – помыслах».

Молодые иноки нередко бывают преисполнены жадой суровых и возвышенных подвигов. Неразумная ревность побуждает их к трудам выше сил. Сам человек в силу своей греховности не может определить, духовной или плотской ревностью движим он.³¹⁶ Только ежедневное исповедание старцу всех своих намерений и мудрый старческий совет, преисполненный любвеобильной строгости, может отвратить инока от безрассудной ревности, ведущей к гордости и вечной гибели души, и научить ревности духовной, преисполненной смирения и кротости – этих евангельских добродетелей, без которых невозможно духовное преуспеяние инока.

Иноки, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях. Наблюдая в Оптиной пустыни за учениками иеромонаха Макария, которые ежедневно ходили к нему на откровение помыслов после вечернего правила, Владыка пришел к заключению, что ученики старца Макария очень заметно отличались от тех, которые жили самочинно. Мысль, что им предстоит исповедь, была для учеников как бы постоянным стражем; она приучила их к бдительности над собой. Ежедневная же исповедь делала их сосредоточенными, непрестанно углубленными в Писание.³¹⁷

Как уже говорилось ранее, сам епископ Игнатий откровение помыслов считал основой духовного воспитания иноков, находившихся под его духовным руководством. Он сам в 27 лет уже имел дар принимать помыслы своих пасомых вполне бесстрастно. Своей духовной мудростью он вел учеников к истинному преуспеянию. Ученики архимандрита Игнатия имели обыкновение вести дневную запись своих помыслов, а в конце дня чистосердечно и с полной откровенностью раскрывали ему свои греховные язвы. Настоятель – старец архимандрит Игнатий, несмотря на свою болезненность, ежедневно принимал на себя нелегкий труд выслушивать помыслы и

давать своим ученикам наставления. Польза от откровения помыслов для учеников аввы Игнатия была очевидна.³¹⁸

Заканчивая эту тему, приведем слова епископа Игнатия: «Великое счастье (для инока), когда... есть человек, которому можно исповедаться», – открывать всю свою душу и получить уврачевание всем своим недугам.

в) О жизни по совету старших

Признавая необходимость для инока жизни в полном послушании у старца, епископ Игнатий признавал, что послушание старцам в том виде, в каком оно существовало в древних монастырях, «не дано нашему времени».³¹⁹

Владыка сравнивал путь полного послушания старцу с обильной духовной трапезой отцов. Инокам же его времени, по мнению преосвященного Игнатия, было предоставлено Промыслом Божиим питаться крупичами, оставшимися от этой трапезы.³²⁰ «Эти крупичи не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти».³²¹

Крупичами епископ Игнатий называл духовную жизнь, основанную на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, получаемых от современных отцов и братий.³²²

Примеры жизни по духовному совету известны еще во времена процветания древнего монашества. В одном из писем епископ Игнатий пишет, что путем духовного совета прошли многие («святые иноки достигали сперва очищения от страстей, а потом и благодатных дарований»).

Так преподобный Антоний Великий не был в послушании ни у одного старца, но, живя один, в деле спасения руководствовался Священным Писанием и советами подвижников, с которыми он встречался. У одного учился он воздержанию, у другого кротости, терпению, смирению, у третьего строгой бдительности над собой и безмолвию. Каждую добродетель преподобный Антоний стремился усвоить, при этом всем по возможности оказывал он послушание и пред всеми смирялся, пребывая непрестанно в молитве.³²³

Подобно преподобному Антонию, иноки позднейших времен, не имеющие старца-руководителя, должны непрестанно изучать Слово Божие и творения св. отцов и на этом основании строить свою духовную жизнь (конечно, о полном подражании не может быть и речи). При этом иноки могут руководствоваться и советами современных им отцов-подвижников, но с большой осторожностью, стараясь проверять, соответствует ли поданный совет евангельским заповедям и духу учения святых отцов.

Преподобный Симеон Новый Богослов так говорит об этом: «Изучай Божественное Писание и писания св. отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение), как в зеркале, и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли, ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей».

Жительство по совету имеет некоторое сходство с послушанием древних иноков, но в то же время оно значительно отличается от него, ибо приспособлено к душевной немощи иноков позднейших времен.

Древним инокам их духовный отец сразу же возвещал волю Божию; иноки уже времен епископа Игнатия должны были познавать волю Божию в Писании, а так как не каждый может сразу же и правильно найти волю Божию применительно к нужному случаю, то, естественно, на их духовном пути встречались продолжительные недоумения и погрешности.

Духовное совершенство древних иноков под руководством старцев было быстрым и многоплодным, «ныне оно косо опять по свойству делания», – говорит епископ Игнатий.³²⁴

Подобно преподобному Антонию, новоначальные, по совету епископа Игнатия, должны оказывать послушание настоятелю и всем отцам, братьям обители. Любые послушания, не противные закону Божию, уставу монастыря, нужно исполнять нелицемерно и не из чувства человекоугодничества, без лести и лукавства, а в простоте сердца, ради Бога. Но нельзя исполнять послушание, в основе которого лежит зло.

При этом не нужно бояться, что при этом придется за нечеловекоугодие и твердость претерпеть и скорбь.

При каждом недоумении нужно советоваться с разумными отцами и братьями. Но, выслушивая их советы, также как и при чтении святоотеческих книг, нужно быть весьма внимательным к себе, чтобы не увлечься советом по первоначальному его впечатлению. «По неосторожности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоей или потому, что он угождает какой-нибудь сокровенной, не ведомой тобою, живущей в тебе страсти», – так предостерегает новонаначального епископ Игнатий.³²⁵

У инока, живущего по совету старших, хотя и могут возникнуть многие трудности, но этот путь намного безопаснее, чем жизнь всецело по своей воле.

Жизнь по совету старших, хотя и не в полной мере, но всё же приучает инока к послушанию и отвержению своей воли и разума.

г) Отшельничество и затворничество

Преосвященный епископ Игнатий считал, что такие возвышеннейшие подвиги иноческой жизни, как отшельничество в глубокой пустыне и безмолвие в затворе, также и жизнь в послушании духоносному старцу возникли не случайно, а по особому определению Божию. Как уже говорилось в разделе «Богоустановленность монашества», великие отцы древнего монашества преподобные Антоний Великий, Макарий Великий, Арсений Великий были призваны к отшельнической жизни, уже облеченные силою свыше и по особому повелению Божию.

Преподобная Мария Египетская была призвана к отшельнической жизни в Заиорданскую пустыню также особым велением Божиим. Господь призывал к этому труднейшему роду иноческого жителства особых избранников, в которых Он предвидел способность к полному безмолвию и предоставлял им в пустынях такие средства для жизни, которых сам себе человек найти не может.

В древности, во времена расцвета монашества, весьма редкие признавались способными к безмолвной отшельнической жизни. Отшельничество есть самый трудный вид монашеской жизни. Отшельник вступает в борьбу не только со своими страстями, греховными помыслами, но и нередко в открытую брань с темными духами, которые восстают на отшельников с такой силой, что только помощь Божия может даровать ему победу.

Отшельники и затворники³²⁶ очень часто подвергались величайшим бедствиям – самообольщению и бесовской прелести, особенно те подвижники, которые вступили на путь отшельнической или затворнической жизни лишь по своей воле.³²⁷

Новоначальный инок никогда не должен стремиться к отшельнической и затворнической жизни.

Епископ Игнатий пишет: «Общее правило заключается в том, что инок должен сперва обучиться деланию заповедей в обществе человеческом, в котором делание душевное сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигши достаточного преуспевания, заняться исключительно душевным деланием в безмолвии, если окажется способным к нему. Способны к безмолвию редкие».³²⁸

Новоначальный неспособен понести трудного духовного делания и духовной борьбы, в которых постоянно пребывают отшельники и затворники. Не имея опыта умного делания и душевной борьбы, новоначальный инок может стать игрищем бесов и придти в полное умоисступление.

Все святые отцы единогласно учат, что новоначальному иноку нужно пребывать в обществе других иноков и деятельным исполнением евангельских заповедей постепенно преуспевать в телесном и душевном подвигах.

Свой взгляд на отшельничество и затвор, основанный на долгом наблюдении за монашеской жизнью, владыка Игнатий выразил следующими словами: «В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместный,

чем когда-либо. В этом нужно видеть волю Божию и покоряться ей». ³²⁹ Хотя отшельничество и безмолвничество и неосуществимы в том виде, в каком они существовали в древности, но и теперь можно, по словам Владыки, быть приятным Богу безмолвником. «Не подумайте, – писал епископ Игнатий одному иноку, – что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига.

Чтобы стать безмолвником, нужно прежде всего возлюбить молчание и стараться приучиться к нему. Не празднословить ни в храме, ни на трапезе, ни в келии, стараться по возможности не выходить из монастыря, не заводить близкого знакомства ни с кем в монастыре, ни вне его, избегать свободного обращения и душевредных развлечений. ³³⁰

«Веди себя, – пишет епископ Игнатий, – как странник и пришлец в монастыре и в самой жизни – и соделаешься боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником». ³³¹

Владыка в современных ему условиях жизни отдавал явное предпочтение монахам, проходящим духовную жизнь в монастыре, пред иноками, живущими в затворе.

Монах, живущий в обители, претерпевая среди людей различные искушения, приобретает опыт борьбы с этими искушениями, духовно укрепляется и становится способным помочь ближним в их искушениях.

Инок, проводящий затворнический образ жизни, часто не имеет нужных для сего качеств и бывает подвержен большим опасностям, редкие избранники могут безбедно идти этим путем.

«Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностью духовною, исполнен смиренномудрия: для ближнего (он) – пристанище, сокровище. Он подобен дереву, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам, такие деревья глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив, питомец затвора и уединенной пустыни

подобен цветку и дереву, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность; при малейшем ненастье он уже страдает: ненастье немного посильнее – он умирает. Совершенное уединение, по правилам духовного закона, дозволяется только тем, на подвиг которых, как говорит св. Иоанн Лествичник, низошла благодатная роса Святого Духа. Для таковых точно – полезно, нужно строгое уединение, чтоб при помощи его свободно предаться учению и водительству Духа, о чём говорить ныне не время», – пишет святитель Игнатий.

Епископ Игнатий был глубоко убежден, что живет ли монах в обители и исполняет какое-либо послушание, трудится ли он вне обители за послушание, находится ли под руководством старца, руководствуется в своей духовной жизни советами многих старцев или живет уединенно, – он не должен искать поприща высших подвигов, не дарованных Богом нашему времени.

Не место жительства и не возвышенный подвиг спасают монаха, а очищение своего сердца от греха постоянным подвигом телесным и духовным.

«Тот же Бог, Который спасает в пустыне, спасет и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыни... помни Бога, держись близ Его, удаляйся греха, от всех поводов к греху, – и Бог будет с тобою», – писал Владыка одному знакомому, пожелавшему вступить на иноческий путь. Сознавая свою духовную немощь, каждый инок должен деятельно изучать евангельские заповеди и учения святых отцов, по мере своих сил постоянно приучать себя к внутреннему духовному деланию, всегда помня, что Бог желает и ищет спасения каждого человека (см.: 1Тим.2:4). «Он и спасает всегда всех, произволяющих спастись от потопления в житейском и греховном море; но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище».

В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит прекрасный пример. Он говорит, что Господь обещал спасение от потопления апостолу Павлу и всем его спутникам. Господь и даровал им это спасение, но апостол и его спутники спаслись

не в корабле, который погиб, а с большим трудом, кто вплавь, кто на досках и обломках от корабля³³² (Деян. 27, 2–44).

* * *

Каждый путник, решившийся плыть по бурному житейскому морю, непременно должен будет претерпеть многие бури. Многие бури и опасности таит в себе море и нередко там, где и не ожидает мореплаватель, корабль его наталкивается на подводные камни. Чтоб устоять в борьбе с бурями и избежать, по возможности, многих неожиданностей, мореплаватель должен долго и упорно изучать предстоящий ему путь.

Инок, вступивший на путь духовной жизни, чтобы перенести все житейские бури и избежать многих подводных камней, грозящих потоплением его духовного корабля, должен хорошо знать, чего должен избегать он, чтобы благополучно плыть ему в пристань умного делания.

В следующей главе мы рассмотрим учение епископа Игнатия о тех препятствиях на пути духовного делания каждого инока, которые, если не будут во время замечены и устранены, могут потопить его духовный корабль.

Глава III. Основные препятствия к развитию духовной жизни монаха

Надо постоянно внимать себе...
и никак не допускать никакому
греховному увлечению усиливаться
в душе, признавая это увлечение
маловажным.
Еп. Игнатий.

1. Соблазны и их влияние на инок

На духовном пути каждого инока встречается очень много различных соблазнов. Каждый человек в силу своей греховности, находясь вблизи соблазна, непременно ощутит в своем падшем естестве сочувствие к нему, и в душе его надолго останется впечатление, произведенное соблазном.

Инок, живущий в монастыре, подвергается соблазнам, возникающим для него в стенах обители, и соблазнам, проникающим в обитель из мира. От последних иноку легче оградить себя, но как первые, так и последние нередко требуют много усилий со стороны инока, чтобы не подвергнуться их порабощению. Соблазны действуют на человека по-разному. Иногда впечатление от соблазна очень быстро действует, мгновенно помрачает ум, изменяет расположение сердца и ввергает свою жертву в падение. Чаще впечатление от соблазна первоначально бывает даже незаметно, но, постепенно развиваясь и усиливаясь, оно может возобладать над своей жертвой.

Епископ Игнатий считал, что иноку нельзя вознрадеть даже о самом малом соблазне и думать, что он не принесет ему вреда. В подтверждение этого Владыка приводит изречение преподобного Марка Подвижника, который сказал: «Вводимый в начало зла, не скажи себе: оно не победит меня. Насколько ты введен, настолько уже и побежден».³³³ Нередко ничтожное греховное впечатление, вольно или невольно воспринятое иноком, является началом тяжкого греховного падения. Каждый

инок, зная восприимчивость своей греховной природы к соблазнам и пагубность их влияний, должен стараться всеми мерами ограждать себя от них, помня наставление преподобного Пимена Великого: «Хорошо убегать причин греха. Человек, находящийся близ повода ко греху, подобен стоящему на краю глубокой пропасти, и враг всегда, когда бы ни захотел, удобно ввергает его в пропасть. Но если мы по телу удалены от поводов ко греху, то бываем подобны далеко отстоящим от пропасти; враг, хотя бы и повлек нас в пропасть, но в то время, когда подвергаемся впечатлению, можем оказать сопротивление. Бог поможет нам».³³⁴

Епископ Игнатий, основываясь на собственном долголетнем опыте монастырской жизни, советует каждому христианину, решившемуся вступить в монастырь, избрать себе в местожительство обитель удаленную и уединенную от соблазнов мира.

Пред человеком, желающим уйти в обитель, может возникнуть соблазн вступить в монастырь, пользующийся громкой славой среди мирских людей по причине внешних преимуществ и благочестия устава. Но в таких обителях его ждет следующая духовная опасность. Тщеславие, присущее всему монастырю с громким именем, невольно заразит и вновь поступивших в него; от тщеславия и сознания вещественных преимуществ своей обители может появиться презрение к братьям других монастырей, а отсюда зарождение гордости, которая отнимает возможность иноческого преуспевания, основанного на смирении и любви.

Бедная обитель, удаленная от всех соблазнов мира, – драгоценное пристанище для инока, желающего оградить свою духовную жизнь от многих искушений. «...Нам, немощным, – писал Владыка, – по произволению и разуму удобопреклонным ко всем грехам... следует избирать для жительства нашего места уединенные, удаленные от мирских селений, не привлекающие к себе сонмы мирян, а с ними и сонмы соблазнов».³³⁵ Каждый инок, живущий в обители, должен помнить, что вещественные стены монастыря не избавляют от соблазнов, а лишь способствуют уменьшению влияния их.

Нередко в иноке восстает лютая брань от соблазнов, виденных им очень давно, казалось бы, уже изгладившихся из памяти. Подобные брани инок должен переносить с твердостью, зная, что они возбуждаются врагом нашего спасения – дьяволом, и со временем пройдут, когда ум очистится молитвою. Епископ Игнатий писал: «Море, взволнованное ветрами, и после того, как ветры утихнут, в течение значительного времени продолжает волноваться. Так и ум, подвергшийся влиянию развращения в течение значительного времени. Надобно переносить такое положение благодушно и стараться отвлекать ум от развращения в памятование смерти и суда Божия».

Своим священным долгом преосвященный Игнатий считал сообщить мудрый совет, который он слышал от достойных уважения старцев. В этом совете заключается неперемное условие избежания соблазнов, которые встречаются на жизненном пути инокa. Упомянутые старцы говорили монахам и мирянам: «В наше время, в которое так умножились соблазны, должно особенно внимать себе, не обращая внимания на жителство и дела ближних и не осуждая соблазняющихся, потому что тлетворное действие соблазна удобно переходит от увлеченных соблазном на осуждающего их».³³⁶

Приведя слова Христа Спасителя: *Горе миру от соблазн, нужда бо есть приити соблазном (Мф. 18, 7)*, епископ Игнатий пишет, что пришествие соблазнов входит в непосредственное предопределение Божие,³³⁷ они неизбежно явятся на пути каждого инокa, принесут ему пользу тем, что, вступив с ними в борьбу и с Божией помощью одержав победу, он приобретет опытность в борьбе с соблазнами. Если же инок будет сражен соблазном, то и это может послужить ему на пользу, если он, осознав свою немощь, опять встанет, и будет хранить себя от новых соблазнов.

Святитель Игнатий, основываясь на учении святых отцов, считал, что основными причинами греха, поводами к нему, бывают вино, жены, богатства, излишнее здоровье тела, власть и почести. Говоря об этих причинах ко греху, Владыка приводит слова св. Исаака Сирского, который пишет, что «это не суть

собственно грехи, но наше естество по причине их удобно преклоняется ко греху, почему человек должен тщательно охраняться от них».³³⁸

2. Винопитие

Не случайно владыка Игнатий, перечисляя соблазны, на первом месте поставил – вино. Винопитие – соблазн, который еще равноапостольный князь Владимир признал слабостью народною.³³⁹ эта слабость губит множество мирских людей, проникает она и в обители. Люди, подверженные этой слабости, нередко идут в монастыри с намерением воздержаться от нее, но навык берет над ними свое, и монастырские стены не удерживают их от этого порока. Епископ Игнатий со скорбью пишет, что некоторые благочестивые люди, с прекрасными качествами души бывают подвержены этой слабости, свои падения они горько оплакивают в уединенной келии, их слезы и раскаяние люди не видят, но всем видны их падения, от которых происходит большой соблазн среди мирян.³⁴⁰

Сознавая огромный вред, который приносит вино как духовной жизни инока, так и авторитету монашествующих среди мирян, епископ Игнатий с полной решимостью заявлял: «В России существенно нужно устранение вина из обители. Это понимали благоразумные и благочестивые настоятели, из которых можно указать на недавно почившего мужа, праведного Феофана, бывшего настоятелем и возобновителем Кирилло-Новоезерского монастыря. Он старался с особенною ревностью об уничтожении винопития в вверенном ему монастыре...»³⁴¹

Вино, употребляемое иноком, даже в малом количестве, возбуждает в нём плотские страсти, порождает многословие и другие пороки. Пагубно винопитие и тем, что уничтожает скромность и приводит инока к свободному обращению с ближними.

3. Свободное обращение

Свободное обращение среди мирских людей нередко считается положительным качеством. Вредные последствия его

среди мирских людей, как множество различных развлечений и соблазнов, часто не замечаются. Для инока, попустившего себе свободное обращение, последствия его могут быть весьма плачевны. Епископ Игнатий пишет: «Особенное внимание должно обратить на то, чтоб отучиться от свободы в обращении с людьми, свободы, столько одобряемой и столько любимой в светском обществе. В наше время многие, привыкшие к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре, другие, уже поступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нём что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения... гибельны».³⁴²

В подтверждение этих слов Владыка приводит высказывания святых отцов о свободном поведении, которое древние наставники иноков называли «дерзостью».

К преподобному Агафону, старцу, отличавшемуся особым даром рассуждения, однажды пришел брат и спросил его: «Я намерен жить с братиею: скажи, как мне жить с ними?» Преподобный отвечал: «Всё время пребывания с ними проводи так, как первый день твоего прихода. В течение всей жизни твоей сохрани странничество (т.е. веди себя в обители как странник и пришелец, а не как житель и не член общества)³⁴³ и не позволяй себе свободного обращения». Находившийся при этом авва Макарий задал вопрос: «Какое значение имеет дерзость (свободное обращение)?» Преподобный Агафон отвечал: «Дерзость подобна великому зною, который, когда наступит, то все бегут от лица его и портятся плоды на деревьях». Авва Макарий сказал на это: «Так вредна дерзость?» Авва Агафон отвечал: «Нет страсти более лютой, как дерзость: она родительница всех страстей; подвижник должен воздерживаться от вольности в обращении».³⁴⁴

Преподобный авва Дорофей, приведя эти слова (святого Агафона) в одном из своих поучений, пишет: «Очень хорошо и очень разумно сказал старец, назвав дерзость матерью всех страстей. Она – мать их, потому что изгоняет страх Божий из души. Если *страхом Господним уклонится всяк от зла* (Прит. 16, 6), то, несомненно, там всякое зло, где нет страха Божия».³⁴⁵

Далее преподобный Дорофей пишет, что дерзость может проявляться в словах, действиях, делах и во взоре. От дерзости иноки переходят к празднословию, шуткам и непристойному смеху. Всё это приводит постепенно к тому, что инок может перейти к совершенному нерадению о себе.³⁴⁶

Инок нередко допускает свободное обращение из-за человекоугодия, двоедушия и от слабости воли и нравственных устоев.

Великие наставники иноков преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, предостерегая иноков от причин свободного обращения, говорят: «Приобрети твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке. Если хочешь избавиться от постыдных страстей, не обращай ни с кем свободно, особенно же с теми, к которым сердце твое склоняется к страсти похотения. Чрез это освободишься и от тщеславия: ибо к тщеславию примешивается человекоугодие, к человекоугодию свободное обращение, а свободное обращение есть мать всех страстей».³⁴⁷

Предостерегая иноков от свободного обращения, владыка Игнатий говорит, что оно бывает причиной ссор, гнева, памятозлобия, возжигает сильно блудную страсть и часто переходит в величайшую дерзость и наглость.³⁴⁸ Каждый инок должен внимательно следить за собой, чтобы не увлечься соблазном свободного обращения, которое первоначально кажется невинным и безвредным, но, получив развитие, пресекает духовное совершенство инок и вовлекает его в тяжкие пороки, из которых Преосвященный особенно выделяет памятозлобие. Памятозлобие, укрепившись в душе человека, производит в ней страшное опустошение. Оно делает свою жертву неспособной к любви к ближним, а в высшем своем развитии приводит к отречению от Бога. «Отступает Бог от памятозлобного, лишает его Своей благодати, решительно отчуждается от него, предает его душевной смерти, если он не потщится благовременно иссушиться от убийственного нравственного яда, от памятозлобия».³⁴⁹

Опасно для инока свободное обращение со своими собратиями, но еще более губительно свободное обращение и близкое знакомство с женщиною. Епископ Игнатий никогда не порицал и не унижал женский пол. Он считал, что женщина почтена Богом честью человечества и образом Божиим наравне с мужчиною, что она также искуплена бесценною Кровию Христа Спасителя и составляет вместе с мужским полом одну новую, обновленную тварь о Христе³⁵⁰ (Гал. 3, 28).

Также никогда Владыка не высказывался и против супружества. Употребляя слова поучения, помещенного в Требнике, он говорил, что если сочетавшиеся честным браком «проводят жизнь благочестивую, в страхе Божиим, то нива (их) плодоприносит в тридцать крат».³⁵¹ Он знал, что в тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая их друг к другу, и что соединение полов естественно падшему естеству.

Но в то же время знал Владыка, что Иисус Христос вернул падшему естеству способность к девству и безбрачной жизни, той жизни, которую проводил первый человек в раю до падения, и что безбрачная жизнь и девство почтены выше брака. Сам Христос Спаситель проводил жизнь девственную, Пресвятая Мать Его была Приснодевою, святые апостолы Иоанн Богослов, Павел, Варнава и многие другие были девственниками. Полки дев и девственников воссияли на земле с появлением христианства.³⁵² И во все времена Церкви Христовой были люди, которые проводили возвышенный образ девственной или безбрачной жизни. Большинство святых, прославляемых Святой Церковью, проводило девственный или безбрачный образ жизни.

Каждый монах при пострижении в числе других обетов дает обет проводить безбрачный образ жизни, с Божией помощью намеревается победить падшее свое естество. Девство вышеестественно, как вышеестественны все евангельские добродетели. Желаящий сохранить свое тело в девстве должен непременно держать его вдали от тела, соединения с которым требует естество.

Истинные иноки всех времен тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. В древних монастырях вход

женщинам был воспрещен, так же как и мужчин в женский монастырь. На Афонскую гору поныне доступ имеют только мужчины.

Святые отцы – иноки первых времен христианства – употребляли все усилия, чтобы даже не встречаться с женщинами, так поступали они не по произволу, а опытно зная, какое сильное впечатление и весьма на долгое время может оставить образ женщины. Это влияние бывает тем сильнее, чем чаще и учащенное сближение, а чем сильнее влияние, тем слабее дела, намерение инока, с которым он стремится победить свое естество.

Преподобный Арсений Великий в словах, сказанных им знатной римлянке, приехавшей специально для того, чтобы посмотреть на него, выразил всю тяжесть борьбы с впечатлением, которое оставляет встреча с женщиной. Он сказал: «Молю Бога, чтоб Он изгладил воспоминание о тебе из сердца моего».³⁵³

Святитель Тихон Воронежский весьма верно и кратко сказал о женском влиянии в наставлении к монашествующим: «Берегись, возлюбленне, жены, да не сожжешься. Ева всегда имеет свои нрав: всегда прельщает».³⁵⁴ Частое общение с женщиной может ввергнуть в падение не только юного инока, но даже старца, убеленного сединами. В подтверждение этой плачевной истины еп. Игнатий приводит пример из Пролога. В египетском ските был некоторый старец, который тяжело заболел, и братия прислуживала ему. Желая облегчить труд братий, он, вопреки совету опытного старца, переместился ближе к селению. Вскоре из селения к нему пришла с целью оказать помощь некая девица, которую он исцелил от какого-то недуга. По прошествии некоторого времени старец, который думал, что плоть его уже умерла, пал с девицею, и она сделалась непраздною. Когда родился ребенок и был вскормлен грудью, тогда старец взял его и в один из праздников пришел в скит и вошел в церковь при собрании всего братства. Все, увидев его, восплакали. Старец сказал братии: «Видите дитя? Это сын преслушания». После этого он ушел в свою

прежнюю келию и стал там приносить Богу покаяние в содеянном грехе.³⁵⁵

Приведя это повествование, епископ Игнатий пишет: «Такова сила соблазна, когда пред ним встал инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха старостию, недугом, продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному или частому действию соблазна».³⁵⁶

В то время, когда инок общается с женщиной, он часто не замечает того впечатления, которое производит она в его душе, но когда инок остается один, то впечатление, усвоившееся душе, иногда внезапно восстает в нём и производит лютую блудную брань.

Во свидетельство действия впечатлений, полученных при общении с женщиной, владыка Игнатий приводит признание блаженного Иеронима, который повествует о себе, что когда он жил в Риме и встречался со многими набожными женами и девицами, то не чувствовал ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Когда же он удалился в Вифлеемскую пустынь и жил в полном уединении, тогда начали в его воображении всплывать образы виденных им прежде жен, и в старческом теле, изнуренном многими трудами, стали появляться юношеские вожделения. При этой брани падшему естеству пришлось на помощь и явное содействие дьявола.

То, что совершилось с блаженным Иеронимом и было им с помощью Божией преодолено, совершается и с каждым иноком, возможно, только в меньшей степени.

Преосвященный Игнатий говорит, что особенно легко подвергаются впечатлению чистые души, не познавшие греха на деле. Он уподобляет их лакированным дорогим столам, стоящим в гостинице знатных людей, каждая маленькая царапина на таком столе бывает сразу примечена и уменьшает достоинство всего стола.

Некоторые иноки, находясь в общении с женщинами, утверждают, что они не терпят никакого вреда. Епископ Игнатий считает, что эти иноки говорят или неправду или проводят

крайне рассеянный образ жизни и не замечают вреда, который со временем может уготовить им верную гибель.

В опровержение этого ошибочного мнения Владыка приводит сравнение преподобного Серафима Саровского, который инока, живущего благочестно и сохраняющего целомудрие, сравнивает с незажженной восковой свечой. Если этот инок будет часто встречаться с женщинами, то он уподобится той же свече, но поставленной среди других горящих свечей. От тепла, которое исходит от зажженных свечей, невозжженная свеча начинает таять. Так и сердца иноков, – говорит преподобный, – непременно должны подвергнуться расслаблению от частого обращения с женским полом.

Знакомство с женщинами не всегда оканчивается для инока впадением в явный грех, но всегда связано с расстройством и бесплодием его духовной жизни.

Епископ Игнатий пишет, что женщина чаще всего руководствуется чувствами падшего естества, а не духовным разумом; увлекшись чувствами, она заражается пристрастием не только к юному иноку, но и к старцу и делает его своим идолом, а со временем сама становится для него идолом.

Женщина, видя несуществующее совершенство в иноке – своем идоле, – уверяет и его в этом, а когда инок примет эти убеждения и поверит в свое совершенство и правоту, тогда он исполняется самомнением и гордостью и благодать Божия отступает от него. Оставленный благодатию Божией, инок бесстрашно начинает нарушать все заповеди и законы, предаваясь тяжким плотским падениям.³⁵⁷ «Когда Далида усыпила в своих объятиях израильского судию, сильного Самсона, тогда лишила его условий, при которых соприисутствовала и содействовала ему Божественная благодать, предала Самсона на поругание и казнь иноплеменикам» (Суд. 16, 4–21), – пишет Владыка.

Долгий опыт управления обителями показал епископу Игнатию, что женщина, коротко познакомившись с монахом, прежде всего хочет извлечь его из монастыря. Если у монаха есть старец-руководитель, то она всеми средствами,

доставляемыми миром и сатаной, пытается опорочить старца, сделать так, чтобы монах перестал слушать его. Нередко в своем безумии она считает, что может даже заменить монаху старца. Усыпляя свою совесть, женщина называет свою порочную привязанность живою верою, чистою любовью, чувством матери к сыну, сестры к брату, дочери к отцу, – «всеми святыми наименованиями, усиливаясь посредством их сохранить в неприкосновенности приобретенное достояние – несчастную душу вверившегося ей инока».³⁵⁸

Тонкий знаток падшей психологии человеческого естества, преосвященный Игнатий пишет: «В женщине преобладает кровь, в ней с особенною силой и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последнюю прикрываются две первые... Оказавшись способными вывести Адама из рая при посредстве лести и обольщения... они и поныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая».

Инок должен любить всех людей любовью духовной, заповеданной Евангелием, и он сможет иметь ее только в том случае, если будет избегать короткого знакомства с женщиною, которая может воспламенить в нём любовь плотскую и лишит духовной. Только сохраняя благоразумное, строгое отношение к женщинам, иннок сможет до конца дней своих сохранить свое девство.

Во все времена люди, живущие плотью, а не духом, утверждали, что девство, или состояние безбрачия, неестественно человеку. Епископ Игнатий говорит, что «свойственно каждому человеку судить по собственному опыту. Неизвестное и неиспытанное представляется невозможным (для людей плоти), а известное и испытанное представляется принадлежностью всех».³⁵⁹ Безбрачная жизнь неестественна падшему естеству, но вполне возможна естеству, обновленному Богочеловеком Христом: при этом естество остается таким же естеством человеческим, но ощущения его изменяются – из плотских становятся духовными. Говоря об этом, Владыка приводит следующее прекрасное сравнение: «Бумага,

пропитанная маслом, не принимает уже в себя воды не потому, чтоб естество бумаги изменилось, но потому, что способность ее насыщена иным веществом, не имеющим физического сродства с водою»,³⁶⁰ так и каждый монах, напивавший душу свою исполнением заповедей Христовых, становится способным к безбрачной жизни.

«В Новозаветной Церкви, – говорит епископ Игнатий, – тысяча тысяч девственников и девственниц, непорочных вдов и вдовцов, прелюбодеев и блудниц, претворившихся в сосуды целомудрия и благодати, неопровержимо доказывают, что подвиг целомудрия не только возможен, но и не так труден, как он представляется теористам, рассуждающим о нём без опытного знания, без знания, доставляемого нравственным преданием Церкви, теористам, рассуждающим и заключающим, скажу откровенно, – говорит Владыка, – из своего разврата, из слепого и упорного предубеждения, из ненависти к монашеству и вообще православному христианству».³⁶¹

4. Вещелюбие и сребролюбие

Христос Спаситель сказал: *Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Эти слова Господа относятся ко всем христианам, но особенно они приложимы к каждому монаху.

Епископ Игнатий учил, что инок, имеющий деньги или дорогие вещи, по неотразимому закону перестанет иметь надежду на Бога и обратит ее к имуществу. «На имущество он возлагает свое упование; в имуществе он видит свою силу; в нём видит средство уклонения от влияния превратностей, могущих встретиться на поприще земной жизни; в имуществе сосредотачивается его любовь, его сердце и ум, всё существо его», – пишет Владыка.³⁶²

Пристрастие к вещам или деньгам есть ужасный порок, который, постоянно развиваясь, постепенно может привести свою жертву к отречению от Бога. Сердце вещелюбца делается постепенно жестоким и чуждым духовных ощущений, как жестко и бесчувственно вещество. Это вещество может стать для инока

идолом, отдавшись которому всем сердцем, он может совершенно оставить Бога.

В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит церковное повествование из Алфавитного Патерика о пресвитере Павле, который из-за любви к золоту отрекся от Христа и собственноручно отсек головы девам-инокиням, бывших ранее его ученицами.³⁶³

В этом повествовании наглядно открыта психология вещелюбца: в трудную минуту, когда требовалось от Павла проявить твердость, которая дается только надеждой на Бога, он взор и всё существо свое обращает к золоту и отрекается от Бога.

Епископ Игнатий пишет, что инок, проводящий внимательный образ жизни, легко может заметить, что при получении им денег или какой-либо ценной вещи в его сердце сразу же появится упование на это имущество, а надежда на Бога ослабнет. Если сразу же не пресечь это губительное упование, то оно перейдет незаметно в привязанность к имуществу, а привязанность обращается в страсть. Инок, подверженный страсти вещелюбия и сребролюбия, незаметным образом отрекается от Христа в своем сердце, хотя его уста и исповедуют Его³⁶⁴, и это внутреннее отречение при первом же удобном случае не замедлит перейти в открытое отречение от Христа, как это и произошло с пресвитером Павлом.

Сребролюбие и тесно связанное с ним вещелюбие уничтожают в человеке веру в Бога и отторгают от Него, и поэтому Священное Писание называет его *корнем всех зол* (1Тим. 6, 10).

Каждый инок, чтобы уберечь душу свою от этой пагубной страсти, должен с первого же дня вступления в обитель пребывать в нестяжательности, довольствуясь во всём лишь необходимым: избегать излишества в одежде, в келейной обстановке и в деньгах. «Имуществом, богатством, сокровищем инока должен быть Господь наш Иисус Христос. К Нему должны быть обращены и постоянно устремлены взоры ума и сердца, в Нём должна сосредотачиваться надежда наша, мы должны

быть сильны верою нашею в Него», – пишет преосвященный Игнатий.³⁶⁵

5. Человеческая слава

Христос Спаситель сказал: *Горе, егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их (Лк. 6, 26)*. Сердце каждого человека столь немощно, что не может хладнокровно слышать похвалу от людей. Похвала, принятая иноком, непременно порождает в его сердце тщеславное чувство, невольно побуждает его думать о себе, что он «нечто», а это начало гордости.

Похвала питает гордость человека, гордость же ненасытна, она всё более и более начинает жаждать славы человеческой, а чтобы получить ее, человек встает на путь человекоугодия. Принятие иноком славы человеческой делает его сердце неспособным для веры во Христа и для деятельности во славу Божию. Всё, что бы ни делал такой инок, он старается делать напоказ людям, чтобы получить их похвалу, и это чувство может настолько возрасти в нём, что он совершенно забудет о Боге, о той награде, которую получит от Господа каждый истинный раб Божий, потрудившийся здесь на земле для славы Божией, для блага своих ближних, а не для суетной человеческой славы.

Епископ Игнатий пишет, что «начало тщеславия и славолубия основывается на ложных понятиях о мнении и силе человеческой, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой – постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или незаконно это человекоугодие – до того дела нет искателю человеческой славы, лишь бы оно достигло своей цели».³⁶⁶

Истинные подвижники всех времен старались избегать человеческой славы, как смертоносного яда. Промысл Божий ради духовной пользы подвижников никогда не попускал им постоянно пребывать в земном благополучии и славе, всегда премудро срастворял их многими вольными или невольными скорбями.

Епископ Игнатий говорит, что как постоянно употребляемая сладкая пища повреждает желудок, так и человеческая слава, не растворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, не прерываемой дождями, увядают травы, а в плодах заводятся черви, так и от постоянного земного счастья слабеют добрые наклонности человека, а в душе появляются самомнение, гордость и блудные вождения.³⁶⁷

Святой Исаак Сирский говорит: «Едва ли найдется человек, который мог бы понести честь, а может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям».³⁶⁸ Приведя эти слова, преосвященный Игнатий пишет, что способность человеческого сердца скоро изменяться от суетного почитания показана опытом и приводит в пример повествование о Евлогии каменосече.³⁶⁹

Чтобы сохранить великих мужей, которым было вверено высокое служение в Церкви, связанное с почитанием их сана, от душевного повреждения, Господь всегда посылал им гонения, бесчестия, поругания и многие другие скорби. Для удостоверения в этом Владыка предлагает обратиться к житиям святителей Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и многих других светильников Церкви.³⁷⁰

Предостерегая инок от славолубия, преосвященный Игнатий цитирует преподобного Исаию Отшельника, который сказал: «Прилежно внимай себе, чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и гибели душевной, как вечной муки».³⁷¹

Разъясняя мудрые эти слова Отшельника, владыка Игнатий говорит, что внимательное рассмотрение себя и человечества убеждает в справедливости совета Преподобного, ибо стремление к человеческой славе сводит инок с тесного, спасительного пути, который указал всем Своим последователям Иисус Христос и по которому прошел Он Сам. Тесный и прискорбный путь и учение о нём делается для сочувствующих человеческой славе совершенно неприемлемым, и они насмеются над ним и над

возвещающими его подобно фарисеям, которые, будучи миролюбцами, смеялись над учением Христа о самоотвержении. Но, кроме этого учения, нет другого пути, ведущего в Небесное Царство.³⁷²

«Возлюбленный брат! – призывает епископ Игнатий каждого инока. – Будем убегать тщеславия и славолюбия как отречения от Креста Христова. Отречение от Креста Христова есть вместе и отречение от Христа: *Иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 27), – сказал Господь... Будем убегать всех поводов к тщеславию, к славе человеческой, как убегали их святые отцы, чтобы не утратить сочувствия к учению Христову, не соделаться гробами повапленными (Мф.23:27) христианами по наружности, отступниками в сущности».³⁷³

Если же судьбы Божии поставят инока на высоту, связанную с несением земных санов и почестей, то Владыка советует ему, чтобы он умолял прилежно и со слезами Господа, чтоб земное величие не имело влияния на его образ мыслей, не доставило ему «высокого ока на ближних» и не вселило в него гордости.³⁷⁴

6. Отношение инока к снам и страхованиям

Епископ Игнатий был глубоко убежден, что сновидения каждого человека находятся в прямой зависимости от его душевного состояния. У людей, достигших святости и обновивших свое греховное естество, сны могут иметь духовное значение, потому что правитель обновленного человека – Дух Святой. Это мнение Преосвященный основывал на словах преподобного Макария Великого, сказавшего: «На них же осия Божественного Духа благодать и во глубине ума их водворилася. Сим Господь яко душа есть».³⁷⁵ Подвижники, сподобившиеся осенения Божественной благодати, и в бодрственном состоянии, и во сне пребывают в Боге и чужды греха. Помышления их во время сна действуют в них под водительством Духа, и они сподобляются во сне многих откровений. В пример получения откровения во сне епископ Игнатий приводит праведного Иосифа, который во сне был научен таинству вочеловечения Бога Слова, и во сне повелено

ему было бежать в Египет и возвратиться из него (Мф.1:20, 2:19–20).

Сновидения, посланные от Бога, имеют в самих себе неотразимое убеждение, понятное только для людей святых и непостижимое для людей, погруженных еще в грехи и пороки.³⁷⁶ Но кто из иноков или вообще из боголюбивых мирян может подумать о себе, что его греховное естество обновилось Духом Святым и что он достиг святости, и поэтому сны его имеют духовное значение? Конечно, никто; или разве только тот, кто находится в крайнем самообольщении!

Епископ Игнатий говорит: «Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатью, мы неспособны видеть иных сновидений, кроме составленных бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрствования постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и мечтания из падшего естества или приносятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов».³⁷⁷

Глубокий знаток человеческой природы, Владыка объясняет возникновение снов следующим образом. Во время сна в человеке всякая деятельность, связанная с трудом и производимая под управлением ума и воли, прекращается, продолжается только та деятельность, которая необходима для существования. В душе же человека во время сна продолжают рождаться мысли, чувствования, но не в зависимости от разума, а по действию бессознательному естества.³⁷⁸

Из этих мечтаний, сопровождаемых соответствующими мыслями и ощущениями, составляются сновидения. Они часто не имеют никакого смысла, т.к. не принадлежат к сознательным размышлениям человека. Некоторые сновидения носят несвязный отпечаток произвольных мыслей, а иные бывают выражением нравственного настроения человека.³⁷⁹ «...Сновидение, само по себе не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказания своей будущности, или будущности других, или какое-нибудь

другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины?» – пишет Владыка.³⁸⁰

Сновидения не имеют никакого значения, но если инок начнет обращать на них внимание, то они могут принести ему огромный вред. Демоны имеют доступ к человеческой душе в бодрственном состоянии и имеют они его и во время сна. Во время сна к беспорядочным мечтаниям человека они могут примешать и свои мечтания, искушая инока грехом. Если они усмотрят внимание инока ко снам, то начинают придавать им занимательность, чтобы возбудить доверие к ним.

Епископ Игнатий отмечает, что доверие к снам у инока всегда бывает связано с большим самомнением, при котором взгляд на самого себя делается ложным, и вся деятельность лишается правильного направления. В таком состоянии инок бывает уловляем бесами чрез сновидения. Они начинают являться ему в виде светлых ангелов, мучеников и преподобных и даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают его и этим возводят его на высоту самомнения и гордости.³⁸¹

Преосвященный Игнатий приводит следующий пример, заимствуя его у преподобного Кассиана Римлянина, в котором наглядно показывает, в какую гибель может зайти подвижник, если начнет доверять бесовским сновидениям. Некоторый инок, уроженец Месопотамии, проводил уединенную и постническую жизнь, но всё его внимание было обращено на телесный подвиг, которому он придавал большое значение, а о развитии духовного он вознерадел. Демоны, заметив, что он придает себе и своему подвигу большую цену, другими словами, заметив его самомнение, начали представлять ему сновидения, которые по злой хитрости их сбывались. Когда инок утвердился в доверенности своим снам и себе, демоны представили ему в великолепном сновидении иудеев, наслаждающихся небесным блаженством, а христиан томимых в адских муках. При этом демон в образе ангела или какого-то ветхозаветного праведника дал совет прельщенному иноку принять иудейство, чтобы получить блаженство иудеев, что он в своем помрачении без малейшего промедления и исполнил.³⁸²

В предостережение инокам, доверяющим своим снам, Владыка приводит учение по данному вопросу преподобного Иоанна Лествичника, который пишет об участии демонов в иноческих сновидениях следующее: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмутить нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напастям. Верующий снам подобен гонящемуся за своею тенью и покушающемуся поймать ее. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях пророками, предугадывая по пронырству своему будущее и его провозвещая нам, чтобы мы, по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие к дару предведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые унижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничего будущего не знают по предведению: в противном случае и чародеи могли бы предсказать нам смерть. Преобразуются демоны в ангелов света... и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся погружают в радость и возвышение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения)... Верующий сновидениям вполне неискусен, а не верующий никакому сну – истинно любомудр...»³⁸³

Епископ Игнатий, основываясь на мнении святого Иоанна Лествичника и других святых отцов, говорит, что только тем снам инок может придавать значение, которые представляют нам кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный суд и возбуждают в иноке чувство страха Божия. Но если в иноке от перечисленных грозных сновидений появится чувство отчаяния, а не страха Божия, то и такие, казалось бы, назидательные сновидения, нужно отвергнуть как бесовское наваждение.³⁸⁴ Сновидения, которые приносятся подвижнику Ангелами Божиими, по утверждению Владыки, даются весьма редко по особому неведомому смотрению Божию. «...Даются

(они) весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати, – пишет Преосвященный, – нет! По той причине, что всё случившееся с нами вне общего порядка приводит нас в сомнение и колеблет в нас смирение, столь необходимое для нашего спасения».³⁸⁵

На основании многолетнего пастырского опыта епископ Игнатий свидетельствует, что многие, сподобившиеся видеть во сне мытарства, Страшный Суд и другие загробные ужасы были потрясены на весьма короткое время, а потом проводили беспечную, нерадивую жизнь. Те же иноки, которые не имели никаких видений, но деятельно исполняли Евангельские заповеди, постепенно обрели страх Божий и достигли совершенства в духовной жизни. «Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содействие спасению человека нарушением общего порядка (через сновидения) делается наиболее излишним и ненужным».³⁸⁶ Эти слова преосвященного Владыки убедительно говорят о том, что каждый инок должен познавать волю Божию из Священного Писания и отвергать свои сновидения, ибо они могут отвратить его от воли Божией и от пути спасения. Как сновидения, через которые вражья сила может удобно действовать на инока, так все страхования, как порождаемое той же силой, должны быть сразу же отвергаемы иноком.

Страхованиями называются все бесовские действия, которыми враг пытается утратить подвижника и отвлечь его от молитвы; чаще всего это бывает стук, шум, появление света и т.п., но если подвижник не утратится этого, то нередко бесовские силы являются ему явным образом, чтобы поколебать его в подвиге.

В одном из писем епископ Игнатий приводит следующий пример вражеского страхования. «Некоторая девица, – пишет Владыка, – известная мне, шла по уединенной дороге недалеко от нашего монастыря (очевидно, Сергиева пустынь), переходя через мост. Вдруг из-под моста выскакивает разбойник с огромными усами и, приставив пистолет к ее груди, кричит: «Убью!» Девица обнажает грудь и отвечает, знаменаясь

крестным знаменем: «Если есть на то воля Божия – убивай». Едва она произнесла эти слова, как страшилище исчезло. Это пишу вам, дабы вы мужались и страхом Божиим побеждали страх бесовский».

Если с кем случались страхования, то Владыка всегда убеждает не страшиться их и мужественно продолжать свой подвиг. Страхования являются признаком, что враг изгоняется подвигом инока и в раздражении от своего изгнания пытается отвлечь его от правильного пути.

«Не дивитесь, – пишет Преосвященный одному иноку, – что услышали стук – это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная, что диавол весь во власти Божией и только то может сделать и делает, что Бог ему попускает для нашей пользы. Кто, бывающий на брани, бранных труб и стука неприятельских оружий не слышит? – Заслышавши их, храбрый воин веселится, ибо зрит и заключает, что близко сражение и близок конец».

Лучший способ избавиться от вражеских страхований – не обращать на них внимания никакого и, как советует Владыка, немедленно рассказывать об этом своему старцу. Тем, что инок пересказывает старцу откровенно свои страхования, он деятельно являет свою духовную немощь и свое смирение, а враг не может переносить смирения и, ради молитв старца и смирения подвижника, оставляет их.

«У нас с кем случится страхование, тот приходит и рассказывает, и страхование уничтожается благодатию Божией, покрывающею смиренных, т.е. открывающихся, ибо смирение новоначального состоит в том, когда он с охотою, свободно открывает свои помыслы», – пишет епископ Игнатий.

7. Помыслы и борьба с ними

Святой Симеон Новый Богослов говорит, что сатана с подчиненными ему духами с момента изгнания первого человека из рая получил право невидимо колебать и днем и ночью словесность каждого человека, одного больше, другого меньше.³⁸⁷ Колеблет темная сила словесность каждого человека чрез различные греховные ощущения, но, главным

образом, чрез помыслы, которые часто возникают в уме человека помимо его желания.

Каждому иноку, вступившему на поприще духовного делания, предстоит долгая и упорная борьба с помыслами.

Епископ Игнатий говорил, что грех человека уничтожается исповеданием, а корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами. Как разнообразен грех, так разнообразны бывают и помыслы, восстающие на подвижников.

Одного борют помыслы уныния, другого – отчаяния, третьего – одолевают хульные помыслы, и т.д. Вражеский помысл имеет иногда личину праведности и несомненной пользы и бывает столь тонок, что даже опытные подвижники не всегда сразу могут определить: из доброго или злого источника происходит занимающий их помысл. Известны случаи, когда лукавые помыслы борют подвижников в течение весьма продолжительного времени, и только особая милость Божия помогает им распознать вражеское действие в своих помыслах и избавиться от них.

В подтверждение этого епископ Игнатий приводит в одном из писем случай из жизни подвижника Георгия, затворника Задонского. Задонского Георгия в продолжение двух лет беспокоили помыслы о выходе из Задонского монастыря. Эта обитель представлялась ему недостаточно уединенной, и он думал, что в другом месте его будут меньше беспокоить посетители. Однажды, «когда он развлекался этими мыслями, ему сказали, что пришел странник и хочет передать ему нечто от Серафима Саровского. Затворник пригласил странника. Тот вошел и говорит: «Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, затворнику, позволять бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтобы ты жил здесь». Сказав это, странник сделал поклон и вышел. До крайности был изумлен затворник обличением его тайных помыслов и когда опомнился, послал келейника вернуть странника. Келейник везде усердно искал таинственного обличителя, но не нашел его.

«Кто он был? – спрашивает Владыка и сам же отвечает: – не будем об этом любопытствовать много, но заметим из этого

события... именно, что постоянное стужение помысла не есть еще признак его правильности».

Греховные помыслы свойственны падшей человеческой природе, а возбуждаемые темной силой, они нередко внезапно приступают к иноку и приводят его в полное душевное расстройство. Зная это, Владыка советовал своим пасомым не ужасаться восстанию помыслов, не входить в тонкое разбирательство их, но сразу же со смирением отвергать их. «Что вам сказать? – пишет он одному иноку. – То, что вам не должно удивляться множеству помыслов, волнующих вас, от которых происходят в душе различные болезненные ощущения. Научитесь смирению».

Инокине, которая сообщала Владыке о своей мысленной брани, он отвечал: «Пишете о помыслах и желаете разбирать их и узнать, что понимает апостол под словами: *несть наша брань* и проч. (Еф. 6, 12). Это для вас бесполезно и не нужно. Довольно вам знать, что ежеминутно могут на вас восстать и страсти собственные, и духи лукавые, жаждущие погибели всем; что вам, немощнейшей, непрестанно должно вопиять ко Господу: «Помилуй мя, яко немощна есмь!»

Одному иноку, занимавшемуся умным деланием и достигшему уже некоторого преуспевания, Владыка советует не входить в рассуждение с помыслами, научает, как распознавать их и преподает способы борьбы с ними.

«С помыслами никогда не должно рассуждать, – пишет он. – Может враг представить много логического, неопровержимого, склонить наш ум к приятию лукавых, убийственных помыслов, замаскированных личиною добродетелей и благочестия. Пробным камнем помыслов для тебя да будет твое сердце. Как бы ни благовиден был помысл, но если отнимает «мир» у сердца, тонко приводит к нарушению «любви с ближними», – он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай, а то уловит и заставит вкусить от запрещенного древа; вооружайся скорее против него, гони его прочь от себя оружием духовным: **славословием Бога, благодарением Бога, преданием себя Его воле, укорением и осуждением себя, молитвою.** Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келию,

повергнуться на минуту пред Богом с прошением Его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день и – очень помогает».

Из перечисленных способов борьбы с помыслами молитва имеет особое значение, но часто помыслы восстают на инок с особой силой и стремятся совсем отвлечь от молитвы или лишить ее внимания и этим сделать бесплодной. Если инок молится и восстанут на него помыслы, он должен сразу же их отвергнуть и стремиться ввести свой ум в слова молитвы. Внимательная молитва со временем сделает его неприступным для вражеских помыслов.

Епископ Игнатий в статье «О существенном делании монаха» говорит, что отражение греховных помыслов совершается посредством молитвы, и приводит высказывания по этому вопросу великих делателей молитвы – святого Иоанна Лествичника и преподобного Нила Сорского.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Приходящего пса – греховный помысл – отгоняй этим оружием – оружием молитвы, и сколько бы раз он не покусился напасть, не окажи ему послабления».

Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Блаженный Григорий Синаит, достоверно зная, что нам, страстным, невозможно победить лукавые помыслы, сказал следующее: «Никто из новоначальных не может удержать ума и отогнать помыслы, если Бог не удержит ум и не отгонит помыслы. Удерживать ум и отгонять помыслы свойственно сильным, но и они отгоняют их не собою: они подвизаются на брань против них, имея с собою Бога, будучи облечены благодатию и всеоружием Его. Ты же, если увидишь нечистоту лукавых духов, т.е. воздымающиеся помыслы в уме твоём, не ужасайся, не удивись; если явятся и благие разумения о разных предметах, не внимай им, но... призывай Господа Иисуса часто и прилежно. Они отбегут, будучи невидимо опаляемы Божественным именем. Когда же помыслы начнут очень стужать, тогда, встав, помолись на них, а потом опять берись с твердостью за прежнее делание»,³⁸⁸ т.е. за молитву Иисусову.

Особенно тяжка для каждого инока бывает брань с помыслами скорби и печали. Верным средством борьбы с ними епископ Игнатий считал благодарение Бога за все Его неизреченные милости, приносимые от сердца сокрушенного и смиренного.

Одной старице Владыка писал: «...благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные, при нашествии таких помыслов «благодарение» произносится в простых словах со вниманием и часто, доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого толку нет: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит, они от бесов и надобно их отгонять от себя... Благодарение сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии и небесное радование – залог, предвкушение радости вечной».³⁸⁹

С особенной подробностью раскрывает преосвященный владыка Игнатий способ борьбы при нашествии скорбных помыслов в письме к «отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами». Со свойственной Владыке поэтичностью, употребляя различные сравнения, он раскрывает значение скорбей для христианина и предлагает совет, как побеждать помыслы печали.

«Чрез мрачную, глубокую пропасть скорбей, – пишет Святитель, – внезапно открывшуюся перед вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте волн недоверчивою стопою размышления человеческого, идите смело по ним мужественными ногами веры – и обратятся под ногами вашими влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты.

...Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными... нужно взяться за оружие... Вот оружие, которое святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с... мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е слово: **"Слава Богу за всё".**

2-е слово: **"Господи, предаюсь Твоей святой воле и буди со мною воля Твоя".**

3-е слово: **"Господи! Благодарю Тебя за всё, что Тебе благоугодно послать на меня".**

4-е слово: **"Достойно по делам моим приемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем"** (см.: [Лк.23:41–42](#)).

Эти краткие слова, – пишет Владыка, – заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали...»³⁹⁰

Когда придет помысл печали, епископ Игнатий рекомендует произносить от всей души и от всей крепости один из вышеозначенных стихов. При этом не нужно горячиться, а произносить тихо, неспешно, и до тех пор, пока помыслы не удалятся совершенно, пока сердцу не известится о пришествии благодатной помощи Божией. Далее Владыка пишет, что изгнанные помыслы со временем опять могут приблизиться и опять нужно браться за указанное оружие и изгонять помыслы.

«Вы введены в невидимую войну для того, чтоб иметь случаи соделаться победителем и в достоинстве победителя наследовать духовные сокровища», – такими словами ободряет Владыка отца, боримого помыслами.

Помыслы также быстро исчезают, если инок будет сразу же открывать их с чувством покаяния и сокрушения старцу или духовнику.

«Противьтесь диаволу, и бежит от вас», – сказал апостол Иаков, – противьтесь, не соглашаясь со влагаемыми помышлениями, и исповедуйте их... Сочетавшийся с греховными помышлениями и мечтаниями, сочетается с самим сатаной и подчиняется ему в сей век и в будущий, – почему необходимо бороться с помыслами» – такими словами призывает святитель Игнатий иноков к борьбе с греховными помыслами.

* * *

Инок, упражняющийся в течение долгого времени в телесном и духовном подвиге, преодолевший с помощью Божией все препятствия, встретившиеся ему на пути его совершенствования, со временем становится способным к деланию высшего духовного подвига – Иисусовой молитвы.

Глава IV. Учение епископа Игнатия об Иисусовой молитве

Иисусова молитва – «залог
нескончаемых бессмертных благ!»
Еп. Игнатий.

Иисусова молитва, по учению святых отцов, есть «художество из художеств»³⁹¹ – это есть то внутреннее духовное делание, которое превосходит все другие делания, возводя монаха к совершенству. Наставники Иисусовой молитвы, преподобные Каллист и Игнатий, сравнивая подвиг Иисусовой молитвы с другими иноческими подвигами, пишут следующее: «Хотя и имеются другие пути и роды жительствова, или, если хочешь так назвать, благие делания, руководствующие ко спасению и доставляющие его тем, которые занимаются ими, хотя имеются подвиги и упражнения, вводящие в состояние раба и наемника... но путь умной молитвы есть путь царский, избранный. Он настолько возвышеннее и изящнее всех других подвигов, насколько душа превосходит тело, он возводит из земли и пепла в усыновление Богу».³⁹²

Желание это великое и многотрудное и в то же время многоплодное. Истинная Иисусова молитва и плоды которые она приносит, есть великий дар всеблагого Бога грешному человеку.

Немногие подвижники сподоблялись получать этот дар. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигший же к таинству, совершающемуся после нее, и перешедший на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божию».³⁹³

Видя почти полное оставление среди монашествующих правильного умного делания и чувствуя своим сердцем непреодолимое влечение к нему, епископ Игнатий в течение долгих лет деятельно изучал святоотеческие писания об Иисусовой молитве. Из-за отсутствия опытных руководителей в

этом трудном делании Владыке, по его собственному признанию, пришлось пережить много трудностей. Почти единственными его руководителями были писания святых отцов. Великая рассудительность помогала преосв. Игнатию извлекать из творений древних учителей молитвы то, что можно было практически применить к условиям своей жизни. Истинное же смирение Владыки и сознание своей греховности помогли ему избежать многих сетей, встречавшихся на трудном пути внутреннего делания.

Опытно постигнув делание Иисусовой молитвы и видя, что только этим путем можно достигнуть совершенства в духовной жизни, епископ Игнатий стремился возродить это спасительное делание среди монашествующих своего времени. С этой целью он написал для своих духовных чад несколько назидательных статей,³⁹⁴ в которых изложил учение об Иисусовой молитве.

Как и все свои произведения, так и учение о молитве Иисусовой владыка Игнатий основывает на творениях святых отцов. Страницы его статей об умном делании иногда сплошь испещрены святоотеческими цитатами.

Но достоинство произведений епископа Игнатия об Иисусовой молитве не только в том, что он извлек из святоотеческой литературы всё, что может быть применено для делателя Иисусовой молитвы в наши дни, но он со свойственной ему скромностью отобразил в своих статьях и свой многолетний опыт совершения умного делания.

Его советы об умной молитве основаны на учении древних учителей молитвы и проверены собственным опытом, и поэтому они могут служить безошибочным руководством для делания умной молитвы.

Каждый инок, желающий научиться «художеству из художеств» – Иисусовой молитве, – должен прежде всего хорошо изучить учение епископа Игнатия по данному вопросу и только после этого приступать к деятельному исполнению Иисусовой молитвы и к чтению святоотеческой литературы об умном делании.

Творения святителя Игнатия научат каждого инока, как правильно понимать учение святых отцов и предостерегут его

от святоотеческих советов, которые в наши дни не могут быть применены.

Приступая к изложению учения епископа Игнатия об Иисусовой молитве, мы будем неоднократно приводить и слова святых отцов, которые преосвященный автор счел нужным включить в свои статьи и на основании которых он излагает это учение.

1. Суждение епископа Игнатия о происхождении Иисусовой молитвы

Епископ Игнатий считал, что молитва Иисусова не есть изобретение человеческое, а установление Божественное.³⁹⁵

После Тайной Вечери Христос Спаситель в беседе со Своими учениками сказал: *Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. А аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю (Ин.14:13–14). Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам: доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимите, да радость ваша исполнена будет (Ин.16:23–24).* В этих словах Господа епископ Игнатий видит установление Христом Спасителем моления Его именем. Иисус Христос «дал этот способ моления как новый, необычный дар, дар цены безмерной... О, какой дар: он залог нескончаемых бессмертных благ, он истек из уст неограниченного Бога, облекшегося в ограниченное человечество, нарекшегося именем человеческим – Спаситель».³⁹⁶ – пишет святитель Игнатий.

Все наставления Христа Спасителя, данные Им в возвышеннейшей беседе перед крестными страданиями, имели характер «окончательного предсмертного завещания», в котором изложены самые душеспасительные, окончательные заповеди, залогом достоверные и непогрешительные жизни вечной.³⁹⁷ Между заповедями дано и «заповедание»³⁹⁸ молиться именем Иисусовым.

Святые апостолы еще при жизни Христа Спасителя знали силу Его имени, когда они, посланные Господом на проповедь, изгоняли Его именем бесов и исцеляли недужных. После

Вознесения Христа Спасителя вера святых апостолов в имя Иисуса Христа и благоговения к этому имени возросли неограниченно. Именем Господа св. апостолы совершали многие дивные чудеса.

Первое чудо после Пятидесятницы было совершено св. апостолами именем Иисуса Христа. Однажды, – как повествует книга Деяний св. апостолов, – апостолы Петр и Иоанн пошли в Иерусалимский храм помолиться. Когда они проходили врата храма, называвшимися «Красными», – у этих ворот сидел хромой и просил милостыню. Этот несчастный был «хром» от чрева матери, он не мог ни ходить, ни стоять, его приносили ежедневно к названным вратам храма, где он просил подаяние для своего пропитания. Увидев идущих апостолов, он стал просить у них милостыню (Деян.3:1–3). Св. ап. Петр сказал ему: *Сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назорея восстани и ходи* (Деян. 3, 6). После этих слов хромой мгновенно исцелился, он встал и стал громко прославлять Бога (Деян.3:9). Народ, пораженный совершившимся, окружил апостолов. Св. апостол Петр сказал собравшимся: *Мужие Израильтяне, что чудитесь о сём, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити? Бог Авраамов и Исааков и Иаковль, Бог отец наших, прослави Отрока Своего Иисуса... и о вере имени Его, сего, егоже видите и знаете, утверди имя Его* (Деян.3:12,13,16).

Синедрион был встревожен этим чудом, совершенным учениками Того, Кого он недавно предал на лютую смерть чрез распятие. Апостолы были схвачены и отданы под стражу. На следующий день их привели в собрание синедриона и спросили: *коею силою или коим именем сотвористе сие?* (Деян.4:7) Тогда апостол Петр, исполнившись Духа Святого, отвечал: *Разумно буди всем вам и всем людям Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, егоже вы распяте, егоже Бог воскресил от мертвых, о Сём сей стоит пред вами здрав: несть бо иного имене под небесем, данного в человецех, о нём же подобает спастися нам* (Деян. 4, 10–12).

Несмотря на явное чудо, синедрион, ослепленный злобой к Иисусу Христу, с угрозой запретил апостолам учить и даже говорить народу о имени Иисуса (Деян.4:17). На это апостолы Петр и Иоанн дерзновенно отвечали: *Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче. нежели Бога, судите: не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян. 4, 19–20).

Пригрозив св. апостолам, синедрион был вынужден отпустить их, боясь народа, который был свидетелем совершенного неслыханного чуда (Деян.4:21).

Апостолы Петр и Иоанн, вернувшись к своим, поведали им о всем случившемся. Выслушав их, все члены Иерусалимской Церкви вознесли общую молитву, которую заканчивали словами: *Господи, призри на прещения их и даждь рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою прострети Ти во исцеления, и знаменiem и чудесем бывати именем Святым Отрока Твоего Иисуса* (Деян. 4, 29–30). Вот одно из многих чудес, совершенных апостолами именем Господа Иисуса Христа.

Правда, из Священного Писания нам неизвестно, каким образом апостолы молились этим именем. Но епископ Игнатий предполагает, что «они молились им непременно». «Как могли они не молиться им, – пишет он, – когда это моление было преподано и заповедано Самим Господом, когда заповедание укреплено двукратным повторением и подтверждением его? Если умалчивает о сём Писание, то умалчивает единственно потому, что моление это было в общем употреблении, не нуждаясь в особом внесении в Писание по известности своей и общеупотребительности».³⁹⁹ По этой причине же можно предположить, что и в дошедших до нас первохристианских памятниках нигде не говорится прямо о молении именем Иисуса, но лишь имеются об этом упоминания при изложении других вопросов.

В житии святителя Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, скончавшегося мученически в Риме при императоре Траяне, повествуется, что когда священномученика вели на съедение зверям, он непрестанно имел на устах имя Иисуса Христа. Когда его спросили, зачем он

непрестанно произносит это имя, святитель отвечал, что он устами исповедует Того, имя Которого он носит написанным в своем сердце. После того, как святой был растерзан зверями, мучители нашли его сердце и, помня слова его, разрезали сердце на две половины. На обеих половинках сердца они увидели надпись: «Иисус Христос». Священномученик Игнатий, непрестанно произнося имя Иисуса Христа, был именем и делом Богоносец, он носил и в сердце своем Христа Бога, «написанного богомыслием ума, как бы тростью».⁴⁰⁰

Епископ Игнатий (Брянчанинов) предполагает, что святой Игнатий был научен молитве Иисусовой святым апостолом и Евангелистом Иоанном, учеником которого он был, и что во времена священномученика Игнатия Богоносца молитве Иисусовой были обучены все христиане.⁴⁰¹

В книге святого Германа, ученика святых апостолов, повествуется, что Ангел сказал святому Герману: «Имя Сына Божия велико и неизмеримо: оно держит весь мир». Услыхав это, Герман спросил Ангела: «Если всё творение держится Сыном Божиим, то поддерживает ли Он тех, которые призваны Им, носят имя Его и ходят в заповедях Его?» На это Ангел ответил: «Он поддерживает тех, которые от всего сердца носят имя Его. Он Сам служит для них основанием и с любовью держит их, потому что они не стыдятся носить Его имя».⁴⁰²

В житии мученика Каллистрата повествуется, что его дед, по имени Неокор, уроженец города Карфагена, находясь в отряде римского войска, охранявшего Иерусалим, был свидетелем страданий и смерти Иисуса Христа. Видя чудеса, которые совершались при смерти и воскресении Господа, он уверовал в Него и был крещен святыми апостолами. Окончив службу, Неокор вернулся к себе на родину в Карфаген и передал сокровище веры всему своему семейству. В числе крестившихся был и его внук Каллистрат.

По достижении совершеннолетия Каллистрат вступил в войско. Воины его отряда были язычниками и поклонялись идолам. Заметив, что святой Каллистрат не поклоняется идолам, они стали следить за ним. Однажды ночью они подслушали его ночную молитву и услышали, что он

непрестанно повторяет имя Господа Иисуса Христа. Воины донесли об этом начальству и святой Каллистрат, исповадавший Иисуса при темноте ночи, исповедал Его и всенародно пред воеводами и свое исповедание запечатлел кровью.⁴⁰³

Из этого жития видно, что св. Каллистрат в своей молитве призывал имя Господа Иисуса Христа, научившись этому, несомненно, у своего деда Неокора, который в свою очередь был научен основным христианским истинам самими апостолами.

Молитва Иисусова была в общем употреблении среди монашествующих древней Церкви. Молитвенное правило иноков состояло чаще всего из упражнения Иисусовой молитвой.

Преподобный Антоний Великий, подвижник конца третьего – начала четвертого века, завещал всем инокам в молитвах непрестанно призывать имя Иисуса Христа,⁴⁰⁴ при этом Великий говорит об Иисусовой молитве как об общепринятой.

Правило преподобного Пахомия Великого, полученное им от Ангела, говорит об Иисусовой молитве, как и о молитве Господней, пятидесятом псалме и Символе Веры, как об общеизвестной и не нуждающейся в каких-либо объяснениях.

Иисусова молитва была живым преданием Церкви, она была общеизвестна для первых христиан и не требовала объяснений. Объяснения этой молитвы начали появляться лишь по мере оскудения познания о ней.

Краткие наставления или разъяснения об Иисусовой молитве были сделаны отцами – истинными делателями Иисусовой молитвы – святым Иоанном Златоустом, св. Василием Великим, преподобным Варсонофием Великим и преподобным Иоанном Лествичником.

Писатель пятого века, преподобный Исихий Иерусалимский, уже жаловался, что упражнение Иисусовой молитвой очень оскудело среди монахов из-за нерадения.⁴⁰⁵

Епископ Игнатий замечает, что святые первых времен христианства, занимавшиеся Иисусовой молитвой или писавшие о ней, жили в разных странах. Так св. Игнатий жил в

Антиохии, мученик Каллист в Карфагене, преподобный Пахомий жил в Верхнем Египте, скитские монахи и преподобный Исаия в Нижнем, св. Иоанн Златоуст в Антиохии и Константинополе, св. Василий Великий в окрестностях Иерусалима, св. Иоанн Лествичник на Синайской горе и в Нижнем Египте близ Александрии.⁴⁰⁶ «Из этого видно, что моление именем Господа Иисуса было повсеместным, общеупотребительным во вселенской Церкви»,⁴⁰⁷ – пишет Владыка.

Кроме перечисленных делателей и писателей об Иисусовой молитве в более позднее время можно указать следующих отцов: Григория Синаита, Феолипта Филадельфийского, Григория Паламу, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов и многих других.

В России об Иисусовой молитве писали: преподобный Нил Сорский, священноинок Дорофей, преподобный Серафим Саровский, схиархимандрит Паисий Величковский, схимонах Василий Поляномерульский.

2. Сила Иисусовой молитвы

В предшествующем разделе уже были приведены слова святого апостола Петра, произнесенные им под действием Святого Духа в синаедрионе о силе имени Иисуса Христа (Деян. 4, 12). Не только святой апостол Петр, но и другой «орган Святого Духа», св. ап. Павел, дважды засвидетельствовал о величии имени Иисуса Христа.

Всяк, – пишет он, – иже призовет имя Господне, спасется (Иоиль.2:32; Деян.2:21) и: Христос Иисус смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякого имени, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних (Флп. 2, 8–10).

Боговдохновенный пророк Давид за много лет до пришествия на землю Христа Спасителя воспел величие Его имени. *И поклонятся Ему вси царие земстии, вси языцы поработают Ему... Честно имя Его пред ними... и помолятся о Нем выну, весь день благословят Его... Будет имя Его благословенно во веки, прежде солнца пребывает имя Его: и*

благословятся в Нём вся колена земная, вси язы́цы ублажат Его... Благословенно имя славы Его во век и в век века: и исполнится славы Его вся земля (Пс. 71:11, 14, 15, 17, 19).

Сила имени Иисуса Христа не может быть вполне постигнута человеком. Как Сын Божий – второе лицо Святой Троицы, Господь наш Иисус Христос, несмотря на принятие Им человечества, пребывает превыше постижения всех тварей разумных. Так и сила и величие имени Его превыше постижения разумных тварей неба и земли. Только младенческая простота и вера может принять эту великую тайну и восхвалить ее. *Господи Господь наш, – взывает пророк, – яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятыя великолепии Твое превыше небес. Из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу (Пс. 8:2–3).*

Подвижники Божии, достигнув исполнением евангельских заповедей младенческой простоты, по мере своего совершенства, «из преуспевания своего»,⁴⁰⁸ как говорит епископ Игнатий, частично понимали силу имени Иисуса Христа. Об этой силе преподобный Варсонофий Великий произнес следующие слова: «Знаю одного раба Божия в нашем роде, в настоящее время и в сём благословенном месте, который и мертвых может воскрешать во имя Владыки нашего Иисуса Христа, и демонов изгонять, и неизлечимые болезни исцелять, и делать другие чудеса не менее апостольских, как свидетельствует Давший ему дарование, или, точнее сказать, дарования. Да и что это значит в сравнении с тем, что можно сделать о имени Иисуса Христа».⁴⁰⁹

Говоря о таинственности силы имени Иисуса Христа, епископ Игнатий проводит следующее сравнение: «Оно (имя Иисусово) действует подобно приятному врачевству, которого образ действия неизвестен больному и непостижим для него, а само действие очевидно по производимому исцелению».⁴¹⁰

Епископ Игнатий понимал, что человеческие суждения о возвышенных духовных предметах всегда имеют односторонность и неполноту. Говоря о силе Иисусовой молитвы – этом бесценном и непостижимом даре, – он обращается ко Христу Спасителю со словами: «Податель бесценного, нетленного дара! Как нам ничтожным, бренным,

грешным принять дар? Не способны для этого ни руки наши, ни ум, ни сердца. Ты научи нас познать, по возможности нашей, и величие дара, и значение его, и способ принятия, и способ употребления». ⁴¹¹

Проникая в тайну силы Иисусовой молитвы, епископ Игнатий говорит, что Христос Спаситель есть единственный источник и средство нашего спасения. Его человеческое имя, по наружности своей ограниченное, ⁴¹² заимствует от Его Божества неограниченную, всесвятую силу спасти всех людей, призывающих на помощь это имя. ⁴¹³

Непостижимая в своем существе сила имени Христа Спасителя может быть частично познаваема по тем действиям, которые она производит на молящегося Иисусовою молитвою. Владыка Игнатий на основании долголетнего опыта умного делания свидетельствует, что к истинному делателю Иисусовой молитвы нисходит помощь от Бога и даруется ему отпущение грехов. Силою имени Иисуса человек весь внутренне очищается: ум освобождается от колебания, воля укрепляется, доставляется правильность ревности и прочим свойствам душевным и только богоугодным мыслям и чувствованиям дозволяется пребывать в душе. ⁴¹⁴

Одним из непостижимых свойств имени Иисуса является сила изгнания бесов. Христос Спаситель Сам указал на это свойство, сказав: *Именем Моим бесы ижденут...* (Мк. 16, 17).

На это свойство имени Иисуса Христа епископ Игнатий рекомендует обратить особое внимание. ⁴¹⁵ Человек, ведущий рассеянный образ жизни, не замечает действия бесов, которые действуют в нём посредством страстей и греховных помыслов и мечтаний. Молитва Иисусова имеет силу отгонять нечистых духов и укрощать разжигаемые страсти. Св. Иоанн Лествичник пишет: «Именем Иисуса бей супостатов, потому что ни на небе, ни на земле нет оружия более крепкого».

Изгоняя из человека страсти, Иисусова молитва чудным образом соединяет в человеке его духовные силы, разрозненные грехопадением. После грехопадения первого человека дивная гармония человеческой души нарушилась. Ум и сердце находятся в положении, противоположном друг другу.

По учению многих святых отцов, в верхней части сердца обретается словесная сила души, это сила, которая отличает человека от скотов, которые имеют силу воли и желания наравне с человеком, но не имеют словесной силы. Сила словесности выражается в совести, или в сознании нашего духа, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближним, в ощущениях: покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа и печали о грехах и в других духовных ощущениях. Все перечисленные свойства словесной силы человеческой души чужды животным и не могут проявляться в душе без участия разума.

Ум есть сила души, он хотя и духовен, но имеет местом пребывания головной мозг. После падения помыслы и ощущения человека изменились из духовных в плотские и душевные и между умом и сердцем человека находятся в постоянном противодействии друг другу. Каждое греховное помышление и все естественные помыслы и ощущения, весьма тонко замаскированные мнимой праведностью, не позволяют соединиться уму с сердцем. Иисусова молитва возводит ум и сердце к помышлениям и ощущениям духовным, и, когда они исцеляются от греховной скверны, благодать Святого Духа нисходит к человеку и происходит дивное соединение ума с сердцем, тогда образуется чудный нерукотворенный храм Божий, Святая Святых: туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и Истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное Св. Писанием: *Вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них и похожу, и буду им Бог, и тии будут мне люди* (2Кор. 6, 16).⁴¹⁶

Иисусова молитва, преобразив духовную жизнь человека, делает его способным к принятию многих дарований. «Когда силою и действием имени Иисуса услышана будет молитва, когда низойдет Божественная помощь к человеку, когда отражены будут и отступят от него враги, когда сподобится он отпущения грехов, когда он будет исцелен и возвращен к непорочному и естественному состоянию, когда дух его будет восстановлен во власти своей: тогда последует подаяние, во

имя Господа, благодатных даров, духовного имущества и сокровища, залога блаженной вечности», – пишет епископ Игнатий.⁴¹⁷ Зная, сколь всемогуща сила Иисуса Христа, с простотою и доверчивостью младенца иноку нужно принять учение о Иисусовой молитве и приступить к упражнению ею. «Един Бог, ведающий вполне таинство Иисусовой молитвы, преподаст нам его (учение об Иисусовой молитве) в доступной для нас степени. Возрадуем Бога трудом и преуспеянием в служении, которое Им же преподано и заповедано нам»,⁴¹⁸ – пишет Владыка Игнатий, обращаясь ко всем инокам.

3. Учение святых отцов об Иисусовой молитве

Для научения инока правильному умному деланию епископ Игнатий в своих сочинениях признавал «обязательностью своею изложить учение святых отцов о художественном возделывании молитвы Иисусовой».⁴¹⁹ При этом Владыка не просто приводит выдержки из творений св. отцов, но для безошибочного руководства инокам, подвижающимся на поприще умного делания, дает кратко характеристику приведенного учения и указывает, «какой образ упражнения молитвой и какого вида умная и сердечная молитва приличествует всем без исключения христианам и новоначальным, и какой образ делания свойственен преуспевшим, возведенным в преуспеяние Божиим благословением и Божиею благодатию».⁴²⁰

Епископ Игнатий считал нужным подготовить иноков к чтению выдержек из творений св. отцов следующим сравнением: писания отцов он уподобляет аптеке, в которой находится множество целительных лекарств. Больной, не знакомый с врачебным искусством и не имеющий опытного врача, будет в большом затруднении при выборе лекарства, необходимого ему. Если больной самонадеянно избирает себе лекарство, не выяснив предварительно по врачебным книгам, что полезно ему, то выбор его может быть весьма неудачным. Лекарство, полезное самое по себе, может оказаться для такого больного не только бесполезным, но и вредным. В положении

такого больного, по сравнению Владыки, находится каждый инок в отношении к писаниям св. отцов об умном делании.⁴²¹

«Учение о молитве, – пишет еп. Игнатий, – в дошедших до нас отеческих книгах изложено с удовлетворительной полнотою и ясностью, но мы, будучи поставлены при неведении нашем пред этими книгами, в которых изображены в величайшем разнообразии делания и состояния новоначальных, средников и совершенных, находим себя в крайнем затруднении при избрании делания и состояния, нам свойственного».⁴²²

Владыка Игнатий, как истинный духовный врач, выбрал самонужнейшее из учения св. отцов и, сделав в малопонятных местах разъяснения, предлагает современным ему инокам учение об Иисусовой молитве для руководства при занятии умным деланием.

Приступая к изложению учения св. отцов о молитве, прежде всего необходимо отметить, что многие наставники умного делания не оставили подробного письменного изложения учения об Иисусовой молитве. Наставления некоторых из них предельно кратки и часто малопонятны для современного читателя. Тем большую ценность приобретают разъяснения, сделанные к этим наставлениям епископом Игнатием.⁴²³

Способы умного делания, предложенные святыми отцами для всеобщего употребления

1) Учение об умном делании преп. Иоанна Лествичника

Первое место между всеми способами обучения умному деланию, по заключению епископа Игнатия, принадлежит способу великого наставника иночествующих св. Иоанна Лествичника.

В слове о молитве св. Иоанн пишет: «Подвизайся возвращать, точнее, заключать мысль в слова молитвы. Если по причине младенченности она изнеможет и уклонится – опять введи ее. Свойственна уму несостоятельность. Может же установить его Тот, Кто уставляет всё. Если стяжешь это делание и постоянно будешь держаться его, то придет

определяющий в тебе границы морю твоему, и скажет ему («морю») при молитве твоей: *До сего дойдешь и не преjdeшь* (Иов. 38, 11). Невозможно связывать дух, но где присутствует Создатель этого духа, там всё покоряется Ему. Начало молитвы – помыслы, отгоняемые молитвою при самом их начале; середина – когда ум пребывает в одних словах, произносимых гласно или умом, конец – восхищение ума к Богу». ⁴²⁴

В слове о послушании преп. Иоанн пишет: «Борись с мыслью непрестанно, возвращая ее к себе, когда она улетает: Бог не требует от послушников непарительной молитвы. Не скорби, будучи окрадаем, но благодумствуй, постоянно возвращая ум к самому себе». ⁴²⁵

В этих словах св. Иоанна Лествичника заключается необходимый и удобный способ **внимательной молитвы**. Этот способ необходим для всех христиан: мирян и иноков, чтобы молитва их имела силу, ибо молитва, неодушевленная вниманием, не приносит молящемуся плодов.

Великий учитель молитвы, говоря об этом способе в слове «о послушании», с очевидностью показывает, что этот способ необходим для новоначальных иноков; этот же способ, но более пространно, он повторяет в учении «о молитве» для преуспевших иноков (после наставления для безмолвников), и этим свидетельствует, что способ этот необходим и для безмолвников, и для преуспевших иноков. «...Величайшее достоинство этого (способа) заключается в том, что он при всей удовлетворительности своей вполне безопасен», ⁴²⁶ – пишет епископ Игнатий.

При таком образе молитвы не может быть и речи о прелести, лишь увлечение в рассеянность, столь свойственное всем новоначальным, колеблет молитву. Возвращение мысли в слова молитвы и заключение ее в словах молитвы – вот необходимый путь правильной молитвы. При внимательной молитве сердце молящегося не может не принять участия в ней. По словам преп. Марка: «Ум, молящийся без развлечения, утесняет сердце». ⁴²⁷ Постоянное упражнение в молитве по способу св. Иоанна Лествичника приводит к тому, что устная

молитва перейдет постепенно в умную и сердечную и привлечет к молящемуся Божественную благодать.

Специально о молитве, совершаемой умом в сердце, св. Иоанн Лествичник в своей «Лествице», возводящей монаха от земли на небо, говорит так прикровенно, что лишь опытно знакомый с учением св. отцов епископ Игнатий мог понять смысл его учения. Изложив просто и доступно учение о молитве, возводящее своего исполнителя в благодатное состояние, святой весьма прикровенно написал о том, что совершается по осенении молитвенного подвига благодатью. «Иное – обращаться часто к сердцу, а иное – быть по уму епископом сердца, князем и архиереем, приносящим Христу словесные жертвы»,⁴²⁸ – пишет св. Иоанн.

Епископ Игнатий так понимает эти слова: «Иное – молиться со вниманием, при участии сердца; иное – нисходить умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественной. Второе происходит от первого... сочувствие сердца уму обращается в соединение сердца с умом: наконец, при внимании, усвоившемся в молитве, ум нисходит в сердце для глубочайшего молитвенного священнослужения...»⁴²⁹

Зная, что стремление ко второму (соединению ума с сердцем) прежде достижения первого (внимательной молитвы при сочувствии сердца) может принести величайший вред для инока, преподобный Иоанн в книге, которая предназначена для общего назидания монахов, не оставил подробного учения о сердечной молитве. В те времена много было живых сосудов благодати – опытных старцев, которые всегда могли объяснить тем, кто достиг этой меры, особенности этой молитвы. Для легкомысленных и любопытных это молитвенное таинство оставалось закрытым, и они даже нигде не могли прочитать о нём.

Среди раифских монахов, для которых была написана «Лествица», умное делание процветало под руководством опытных духовных наставников. Епископ Игнатий видел указание на это в прикровенных и «приточных» словах Лествичника в «Слове к пастырю». «Прежде всего, о честный

отец, – пишет преподобный Иоанн, – потребна нам духовная сила, чтоб тех, которых мы возжелали ввести во Святаю Святых, которым вознамерились показать Христа, Почивающего на их таинственной и сокровенной трапезе, в особенности доколе они находятся в преддверии у этого входа, и когда увидим, что их теснит и угнетает народ, с целью возбранить им желанный вход, мы могли, взяв за руку, как младенцев, освободить от народа помыслов. Если же младенцы крайне голы и немощны: то необходимо нам поднять их на рамена, и возносить на раменах, доколе они не пройдут дверь сего поистине тесного входа; ибо тут обыкновенно бывает давление и теснота. Почему и сказал некто об этой тесноте: *»Сие труд есть предо мною, дбндеже вниду во свяtilo Божие«* (Пс.72:16–17), – и труд простирается только до вшествия». ⁴³⁰

2) Учение об Иисусовой молитве священноинока Дорофея

См. также: Цветник священноинок Дорофей

После учения преподобного Иоанна Лествичника⁴³¹ епископ Игнатий приводит выдержку из книги «Цветник» нашего отечественного писателя, жившего во времена первых русских патриархов, священноинока Дорофея. «Цветник» пользовался у русских подвижников, занимавшихся умным деланием, особым уважением. По этой книге обучались Иисусовой молитве преп. Иоасаф Каменский, Вологодский чудотворец и известный подвижник Соловецкой обители Иисус Голгофский. Об умном делании священноинок учит так: «Кто молится устами, а о душе небрежет и сердце не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и все трудится: потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего: от души, и ума, и сердца своего, со страхом Божиим, от всей крепости своея.

Умная молитва не попускает входить во внутреннюю клеть ни парению, ни скверным помыслам. Хочешь ли научиться умной и сердечной молитве? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно, послушай меня, любимый мой. Сначала должно тебе

творить молитву Иисусову голосом, т.е. устами, языком, речью, вслух, себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимую гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинает она произноситься шепотом. После этого должно поучаться умом, **приницать** и прилежать всегда к гортанному **почувению**.⁴³² Тогда умная и сердечная молитва начнет **манием** (под действием Божественной благодати) самовластно, непрестанно воздвигаться, обноситься и действовать на всякое время, при всяком деле, на всяком месте». ⁴³³

Характеристику этого способа обучения Иисусовой молитве епископ Игнатий делает вместе с характеристикой наставлений преп. Серафима Саровского об умном делании.

3) Наставления преподобного Серафима Саровского об Иисусовой молитве

Преподобный Серафим Саровский заповедал новоначальным, согласно существовавшим обычаям в Саровской обители, непрестанно творить Иисусову молитву. «При молитве – поучал блаженный старец, – внимай себе, т.е. собирай ум и соединяй его с душою. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом отдельно, внимая каждому слову особо. Когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своея, и соединит тебя во един дух, тогда потечет в тебе эта молитва непрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя.⁴³⁴ Это-то и значат слова, сказанные пророком Исаиею: *роса бо, яже от тебе, исцеление им есть* (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе эту пищу душевную, т.е. беседу с Господом, то зачем ходить по келиям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказываю тебе, что празднословие есть и празднолюбие. Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чём и учить других? Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но вместе с тем остерегайся и осуждать разговаривающих и смеющихся. Будь в этом случае глух и нем. Что бы о тебе ни говорили, всё

пропускай мимо ушей. В пример себе можешь взять Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноическое; послушание его было безропотливое, делание – терпеливо, труд – усерден. Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ест, но внимай себе, питая душу молитвою».⁴³⁵

Преподав это наставление новонаначальному иноку, жизнь которого проходила в монастырских трудах, Преподобный воспрещал ему преждевременное безрассудное стремление к жителству умозрительному и к возвышенной молитве. «Всякому, – говорит он, – желающему проходить жизнь духовную, должно начать с деятельной жизни, а потом уже переходить к умозрительной, потому что без деятельной жизни в умозрительную придти невозможно. Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умозрительной жизни. К сей могут приступать только очистившиеся от страстей и стяжавшие полное обучение в деятельной жизни, как это можно видеть из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8) и из слов святого Григория Богослова: к умозрению могут приступать только совершеннейшие по своей опытности (в деятельной жизни). К умозрительной жизни должно приступать со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и под руководством искусного старца, если только можно такового найти, а не с дерзостью и самочинием. Дерзостный и презорливый,⁴³⁶ по словам Григория Синаита, не по достоинству своему взыскав (высокого духовного состояния), с кичением усиливается достигнуть его преждевременно. И опять: если кто мечтает по мнению достигнуть высокого состояния, а стяжал желание сатанинское, а не истинное, того диавол уловляет мрежами, как слугу своего».⁴³⁷

Преподобный Серафим считал, что всем инокам, не исключая и новонаначальных, нужно проводить внимательную

жизнь и упражняться в непрестанной молитве, которая делает инока причастником благодатных дарований и приближает к Богу. «Благодатные дарования, – говорил преподобный Серафим, – получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.⁴³⁸ Истинно решившиеся служить Богу, должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Господу Иисусу Христу, говоря умом: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.** Таковым упражнением, при охранении себя от рассеянности и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Иначе как непрестанною молитвою, по словам св. Исаака Сирского, приблизиться к Богу мы не можем».⁴³⁹

Кроме приведенных слов, делателю Иисусовой молитвы могут быть весьма полезны следующие советы преподобного Серафима:

1) Чтоб лучше избегать рассеянности, преподобный советовал в Церкви стоять с закрытыми глазами и открывать их только тогда, когда будет одолевать сон. Тогда, советует преподобный, обращать взор к святым иконам, что служит возбуждением к молитве и охраняет от рассеянности.⁴⁴⁰

2) Желаящему проводить внимательную жизнь преподобный Серафим советует не внимать посторонним слухам, от которых голова наполняется праздными и суетными помышлениями и воспоминаниями, не обращать внимания на чужие дела, не думать и не говорить о них; избегать беседований, вести себя странником; встречающихся отцов и братьев приветствовать поклоном молча и хранить себя от внимательного воззрения на них.⁴⁴¹

Епископ Игнатий считал, что способы занятия умным деланием, предложенные священноиноком Дорофеем и преподобным Серафимом Саровским, тождественны со способом святого Иоанна Лествичника. Но способ Иоанна отличается особенною ясностью и определенностью. Признавая назидательность совета священноинока Дорофея и наставлений преподобного Серафима Саровского, епископ Игнатий предлагает во всеобщее употребление не только живущим в

монастырях, но и посреди мира способ умного делания св. Иоанна Лествичника. «Этот способ, – пишет он, – не может быть устранен: устранение его из молитвы было бы устранением из нее внимания, а без внимания молитва – не молитва. Она мертва! Она – бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие! Внимательно молящийся непременно молится более или менее этим способом. Если внимание умножится и усилится при молитве, непременно явится образ моления, предлагаемый божественным Иоанном. »**Проси** плачем, – говорит он, – **ищи** послушанием, **толцы** долготерпением: тако **просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отвержется** (Мф. 7, 8).⁴⁴²

Способы умного делания предложенные святыми отцами для безмолвников

Пред тем, как изложить учение святых отцов об умном делании, епископ Игнатий предупреждает читателя, что деятельное следование наставлениям, данным отцами для преуспевших, небезопасно для новоначальных: те, кто, поверхностно ознакомившись с предлагаемыми учениями, примет на себя делание, несвойственное себе, непременно понесет тяжкий душевный вред. В подтверждение этих слов Владыка ссылается на св. Григория Синаита, который в своем сочинении, написанном для преуспевшего безмолвника Лонгина, говорит: «Иное дело – безмолвия, и иное – общежития. Каждый, пребывая в том жительстве, к которому призван, спасается. И потому я опасаюсь писать по причине немощных, видя, что жительствоешь посреди их: ибо всякий, проходящий излишне усиленный подвиг молитвы от слышания или учения, погибает, как не стяжавший руководителя».⁴⁴³

4) Преподобный Нил Сорский

Епископ Игнатий дает очень высокую оценку писаниям преподобного Нила. Он говорит, что мала книга преподобного (Монастырский устав), «но духовный объем ее необычайной величины».⁴⁴⁴ Почти все вопросы умного делания изложены преподобным Нилом с необычайной простотой, ясностью и убедительностью. Однако нужно помнить, что книга была

написана для иноков, способных к безмолвию – значительно преуспевших в духовной жизни.⁴⁴⁵

Преподобный Нил учил: «Много добродетельных деланий, но все они – частные: сердечная же молитва – источник всех благ, она напоет душу, как сады. Это делание, состоящее в блюдении ума в сердце, вне всяких помыслов, для необучившихся ему крайне трудно; трудно оно не только для новоначальных, но и для долго трудившихся делателей, которые еще не прияли и не удержали внутри сердца молитвенной сладости от действия благодати. Из опыта известно, что для немощных это делание представляется очень тяжким и неудобным. Когда же кто приобретет благодать, тогда молится без труда и с любовью, будучи утешаем благодатию. Когда придет **действие** молитвы, тогда оно привлекает ум к себе, веселит и освобождает от парения».⁴⁴⁶

Преподобный Нил Сорский советует подвижнику умного делания «молчать» мыслию, не допускать вообще никаких помышлений, вместо помыслов он повелевает непрестанно взирать в глубину сердца и говорить Иисусову молитву. Затворяя ум в сердце, нужно, по учению преподобного, «придерживать» по возможности дыхание или, как разъясняет епископ Игнатий, дышать очень тихо.

Святитель Игнатий советует тем, кто будет обучаться умному деланию по способу преподобного Нила, соединять его со способом святого Иоанна Лествичника и молиться очень неспешно.⁴⁴⁷

Свое учение об Иисусовой молитве преподобный Нил Сорский основывал на многих отцах Восточной Церкви и преимущественно на учении преподобного Григория Синаита, с учениками которого (об учении преподобного) он беседовал во время своего пребывания на Востоке.

5) Преподобный Григорий Синаит

По мнению епископа Игнатия, писания святого Григория Синаита «имеют полное духовное достоинство, но они не так доступны и ясны, как писания преподобного Нила. Сам образ изложения и понятия того времени мало доступны

современному читателю, а духовное преуспевание как писателя книги, так и того, для кого она была написана, весьма велико». ⁴⁴⁸

Преподобный Григорий учил: «*В заутрии сей семя твое, т.е. молитвы, и в вечер да не оставляет рука твоя, чтоб всегдашность молитвы, прерываемая расстояниями, не лишилась того часа, в который могла бы быть услышана: яко не веси, кое произыдет сие или оно (Еккл. 11, 6).* С утра, сев на стулец, – продолжает преподобный, – вышотою с пядь, низведи ум от головы в сердце и держи его в нём, наклонившись болезненно, и, очень болезнуя грудью, плечами и шеею, непрестанно взывай умом или душою: **Господи Иисусе Христе, помилуй мя.** Удерживай несколько дыхание, чтоб не дышать неосторожно». ⁴⁴⁹ О том, что нужно придерживать дыхание, преподобный Григорий ссылается на преподобных Исаию Отшельника, Иоанна Лествичника и Симеона Нового Богослова.

«Если хотим безошибочно найти истину и познать ее, – продолжает Синаит, – то постараемся иметь единственно сердечное **действие**, вполне безвидное, никак не допуская свободы воображения, не позволяя мечтанию изобразить вид какого-либо святого или света, потому что обычно прелести, особливо в начале подвига, прельщают ум неискусных такими ложными мечтаниями. Потщимся иметь в сердце действующим одно **действие** молитвы, согревающее и веселящее ум, распаляющее душу к неизреченной любви Божией и человеческой. Тогда от молитвы является значительное смирение и сокрушение, потому что молитвы в новоначальных есть приснодвижимое умное **действие** Святого Духа.

Действие это в начале подобно огню, прозябающему из сердца, в конце же подобно свету благоухающему». ⁴⁵⁰ Под новоначальными, по объяснению епископа Игнатия, здесь нужно понимать подвижников, новоначальных в безмолвии, а не лиц, вступивших в обитель из мира.

«Иные, – продолжает преподобный Григорий, – преподавая учение о молитве, предлагают ее творить устами, а другие одним умом: я предлагаю и то, и другое. Иногда ум, унывая, изнемогает творить молитву, а иногда уста, и потому нужно

молиться обоими: и устами и умом. Однако должно вопиять безмолвно и несмущенно, чтоб голос не мутил чувства и внимания ума и не воспрепятствовал молитве. Ум, обывнув в делании, преуспеет и примет от Духа силу крепко и всеми образами молиться. Тогда он не понуждается творить молитву устами, и не возможен, будучи вполне удовлетворяем молитвою умною».⁴⁵¹

Епископ Игнатий пишет, что, предлагая по временам молитву устную, святой Григорий соединяет свой способ обучения умной молитве со способом преподобного Иоанна Лествичника. Эти способы одинаковы, но святой Синаит говорит в своем способе о делателе, достигшем известной степени преуспевания. Усердно занимающийся Иисусовой молитвой по способу святого Иоанна Лествичника достигает в свое время того же состояния, о котором пишет святой Григорий.⁴⁵²

Особое значение придавал св. Григорий Синаит при занятии Иисусовой молитвой терпению. «Безмолвствующий, – пишет он, – должен по большей части сидеть при совершенной молитве, по причине трудности этого подвига, иногда же на короткое время ложиться и на постель, чтоб дать телу некоторое отдохновение. В терпении же должно быть твое сидение во исполнение заветования, что в молитве должно терпеть (Кол. 4, 2), и не скоро вставать, малодушествуя по причине весьма трудной болезни, умного взывания и постоянного углубления ума в сердце. Так говорит пророк: *Объимут тя болезни яко жену родящую* (Иер. 13, 21). Но, опустив голову вниз и ум собирая в сердце – если отверзлось тебе твое сердце, – призывай в помощь Господа Иисуса. Боля плечами и часто подвергаясь головной боли, претерпевай это с постоянством и ревностью, взыскуя в сердце Господа, потому что Царствие Небесное есть достояние понуждающих себя, и понуждающие себя **восхищают** **е**(его) (Мф. 11, 12). Господь указал, что истинное тщание заключается в претерпении этих и им подобных болезней. Терпение, пождание во всяком делании есть родитель болезней душевных и телесных».⁴⁵³ Епископ Игнатий в приведенной цитате под словом «болезнь» понимает сокрушение духа, плач духа, болезнование и страдание от

ощущения своей греховности, от ощущения вечной смерти и порабощения падшим духам. Это страдание духа сообщается сердцу и телу, как имеющим неразрывную связь с духом. В подвижниках слабых по телу сокрушение духа и плач вполне заменяют телесный труд, но от подвижников сильного телосложения непременно требуется утеснение тела, в противном случае, их сердце без утеснения тела не будет иметь блаженной печали, которая в немощных по телу рождается от сознания своей немощи.⁴⁵⁴

«Всякое делание, – пишет преподобный Григорий, – телесное и духовное, не имеющее болезни или труда, никогда не приносит плода проходящему его, потому что *Царствие Небесное нудится* – сказал Господь, – *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Под **понуждением** разумеи телесное во всём болезненное чувство. Многие в течение многих лет неболезненно делали или делают, но как они трудятся без болезни и теплого усердия сердца, то и пребывают непричастны чистоты и Святого Духа, отвергши лютость болезней. Совершающие же делание в небрежении и слабости, трудятся, по-видимому, как они думают, много, но не пожинают плода за безболезненность, будучи всячески безболезненны. Свидетель этому говорящий. Если и все виды жительства нашего возвышенны, а болезнующего сердца не имеем, то они не истинны и бесполезны (Лествица, Слово 7). Свидетельствует и великий Ефрем, говоря: «Трудись, трудись болезненно, чтоб тебе устранить от себя болезни суетных трудов». Если по пророку (Ис. 21, 3) чресла наши не истают от слабости, будучи измождены постным подвигом, и страданиями болезни не зачем, как рождающая младенца, болезненным водружением сердца, то не родим Духа спасения на земле сердечной, как ты слышал, но будем только (достойно сожаления и смеха) хвалиться, мнясь быть **нечто** по причине бесполезной пустыни и расслабленного безмолвия. Во время исхода из сей жизни все, несомненно, познаем весь плод».⁴⁵⁵

Преосвященный Игнатий пишет, что учение преподобного Григория Синаита о болезненности, которая сопровождает делателя Иисусовой молитвы и может показаться странным, как

это учение и кажется людям с плотским разумом и не знающим опытно монашеской жизни. На основании своего собственного опыта Владыка свидетельствует, что не только умное делание, но и чтение глубоких святоотеческих писаний об умной молитве производит головные боли.⁴⁵⁶ Причину возникновения головной боли владыка Игнатий видит в следующем – сердечное сокрушение от открываемой молитвой человеческой греховности так велико, что оно производит во всём теле страдания и болезни, о существовании которых даже и не предполагает тот, кто не знаком с молитвенным подвигом.⁴⁵⁷ Когда сердце подвижника исповедуется Господу в своей греховности, тогда тело его распинается, и к нему приложимы слова пророка Давида: *Пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах: яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть изцеления в плоти моей. Озлоблен бых и смирихся до зела, рыках от въздыхания сердца моего* (Пс. 37, 7–9).

Епископ Игнатий пишет, что основная особенность в учении преподобного Григория Синаита заключается в том, что он научает при молитве сосредотачивать ум в сердце. «Это и есть то делание, которое отцы называют художественным деланием молитвы, которое они воспрещают новоначальным инокам и мирянам, к которому нужно значительное предуготовительное обучение, к которому и предуготовленные иноки должны приступать с величайшим благоговением, страхом Божиим и предосторожностью»,⁴⁵⁸ – пишет испытывший трудность сердечной молитвы преосвященный Игнатий.

В учении преподобного Григория Синаита епископ Игнатий обращает особое внимание на следующие слова. Преподобный, сказав о том, что нужно низводить ум в сердце, добавляет: **«если отверзлось твое сердце»**.⁴⁵⁹

По объяснению еп. Игнатия это означает, что соединение ума с сердцем есть дар благодати, который подается не по усмотрению подвижающегося, а по воле Божией. Привлекается этот дар смирением и верностью Богу; верность же доказывается ревностным отвержением греховных помыслов. Ревность подвижника в борьбе с помыслами доставляет ему

чистоту. Чистота же и смирение делают его способным к принятию духовных дарований.⁴⁶⁰

6) Учение об Иисусовой молитве блаженного Никифора, инок Афонской горы

С особенной полнотой и ясностью художественное делание Иисусовой молитвы изложено блаженным Никифором, безмолвником Афонской горы. Он называл молитвенное делание «художеством из художеств и наукою из наук», ибо оно доставляет уму и сердцу делателя умной молитвы познания и впечатления, исходящие от Духа Божия, в то время как все прочие науки сообщают познания только человеческие.⁴⁶¹

По словам блаженного Никифора, многие становятся причастниками этого великого делания, и все – от научения. Весьма редкие получают это делание без научения, а прямо от Бога. Но т.к. «редкость» не является законом, то блаженный и предлагает «непрелестного» наставника, чтобы под его руководством можно было бы безбедно шествовать по умственному пути.⁴⁶² «Если нет наставника, – пишет блаженный Никифор, – нам известного, то должно искать его всеусердно. Если же и при таком искании не найдется наставник, то, призвав Бога в сокрушении духа и со слезами, в нестяжании, и помолившись Ему, поступай, как скажу тебе... Седши и собрав твой ум, введи в ноздренный путь, которым дыхание входит в сердце, приведи дыхание в «самое тихое» движение, и понудь ум сойти с воздыхаемым воздухом в сердце; когда он взойдет туда, то последующее за этим будет исполнено для тебя веселия и радости. Как некоторый радости, что сподобился увидеться с детьми и женою, так и ум, когда соединится с душой, исполняется неизреченных сладости и веселия. Брат! Приучи ум твой не скоро выходить оттуда, потому что сначала он очень унывает от внутренних заключений и тесноты. Когда же привыкнет к ним, то не возлюбит скитаться вне: потому что Царство Небесное внутри вас. Рассматривая его там и взыскав чистою молитвою, ум признает всё внешнее мерзостным и ненавистным. Если сряду же, так сказано, ты взойдешь умом в

сердечное место, которое тебе мною показано, то воздай благодарение Богу, и прославь и възиграй и всегда держись этого делания, а оно научит тебя тому, чего ты не ведаешь. Надо тебе и то знать, что ум твой, находясь там, не должен молчать и оставаться праздным, но иметь непрестанным деланием и поучением, никогда не преставая от него, молитву: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!** Эта молитва, содержа ум невысящимся, соделывает его неприступным и неприкосновенным для прилогов врага, возводит к ежедневному преуспеянию в любви и желаний Божественных. Если же, много потрудившись, о брат, не можешь взойти в страны сердца, как мы повелели тебе, то делай, что скажу, и найдешь искомое при содействии Божиим. Знаешь, что словесность каждого человека находится в его персях. Внутри персей, при молчании уст наших, говорим, совещаваемся, совершаем молитвы, псалмопения. Этой словесности, отняв у нее всякий помысл, – можешь это сделать, если захочешь – предоставь говорить: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!** И понудься вопиять это внутри персей вместо всякой другой мысли. Когда же некоторое время будешь поступать таким образом, тогда при посредстве этого отверзется тебе без всякого сомнения и вход в сердце, как мы написали, узнав это из опыта. Придет же к тебе с многожелательным и сладостным вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочее: ими оно исполнит все прошения твои о Христе Иисусе, Господе нашем». ⁴⁶³

Епископ Игнатий обращает внимание на то, что из предшествующего слова блаженного Никифора видно, что наставление о сердечном безмолвии приличествует тем инокам, которые вполне научены правилам монашеской жизни, могут бороться с вражескими помыслами и блюсти ум.

То, что блаженный Никифор предназначал свой способ умного делания для иноков, достигших высокого преуспеяния, преосвященный Игнатий видит в следующих приведенных выше его словах: «Знаешь, что словесность каждого человека... Там,

при молчании уст, Мы говорим... совершаем молитвы и псалмопения».

Владыка Игнатий пишет, что явственное ощущение силы словесности в персях имели очень редкие, достигшие значительного преуспевания иноки. Чтобы инок мог «в персях» совершать молитвы и псалмопение, ему нужно продолжительное время заниматься молитвой по способу святого Иоанна Лествичника. – Внимательной молитвой можно достичь непарителности и возбудить дух (названный у блаженного Никифора словесностью) к обильному сочувствию уму. У человека в обычном состоянии дух, пораженный падением, спит «сном непробудным, тождественным с смертью»,⁴⁶⁴ он не способен к духовным упражнениям, указанным блаженным Никифором, и пробуждается для них только после того, как ум постоянно и усиленно будет пребывать в делании Иисусовой молитвы и этим возбудит его (дух).⁴⁶⁵

«Способ, предлагаемый блаженным Никифором, – пишет св. Игнатий, – превосходен. В изложении его видна для понимающего дело и та постепенность, которою должно восходить к нему, и то, что стяжание его – дар Божий».⁴⁶⁶

7) Святые Каллист, патриарх Константинопольский, и Игнатий Ксанфопулы

Каллист был учеником преп. Григория Синаита и проходил монашеский подвиг на Афонской горе. Первоначально он жил в общежитии; когда преуспел в деятельной жизни и созрел для высшего подвига, то перешел к жизни безмолвной. Умному деланию обучился св. Каллист в обители, исполняя послушание повара. В преклонном возрасте св. Каллист был возведен в сан патриарха Константинопольского. Святой Игнатий был ближайшим другом и сподвижником св. Каллиста.⁴⁶⁷ Опыт своего умного делания они изложили в книге, которая со временем была включена в Добротолюбие.

Рассматривая учение Ксанфопулов, еп. Игнатий пишет, что книга их написана исключительно для безмолвников. К способу блаженного Никифора они прибавляют еще, что при употреблении его нужно иметь **уста закрытыми**. Они учат, что приступающий к безмолвной жизни должен заниматься Иисусовой молитвою по способу блаженного Никифора, непрестанно вводя молитву в сердце **тихо**, при посредстве ноздревоего дыхания, столько же тихо выдыхаемого при закрытых устах.⁴⁶⁸ Очень важно, по мнению епископа Игнатия, отношение святых наставников к предлагаемому ими механизму при упражнении Иисусовою молитвою, который не должно смешивать с собственным действием молитвы.⁴⁶⁹

«И то знай, брат, – пишут Ксанфопулы, – что всякое художество и всякое правило, если же хочешь, и разнообразное делание, предначертаны и правильно установлены по той причине, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться в сердце. Когда это совершится благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, тогда мы, оставив многое и различное, и разнообразное, соединимся непосредственно, превыше слова, с **Единым**, единственным и соединяющимся (глава 38). От пребывания в вышеизложенном художестве сердечной, чистой и непарительной молитвы, – впрочем, она может быть отчасти нечистою и не чуждою развлечению по причине, очевидно, восстающих на возбранение ей помыслов и воспоминаний преждесодетанного, – подвизающийся приходит в навыковение молиться без понуждения, непарительно, чисто и истинно, т.е. приходит в такое состояние, при котором ум пребывает в сердце, а не только вводится в него с понуждением, малодушно, посредством вдыхания и потом опять отскакивает, при котором сам ум постоянно обращается к себе, с любовью пребывает в сердце и непрестанно молится» (глава 53). Подвиг умной и сердечной молитвы исправляется умом от осенения его помощью Божественной благодати от единомысленного,⁴⁷⁰ сердечного, чистого, непарительного, с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не от одного простого вышеизложенного естественного художества чрез ноздревое дыхание от сидения при упражнении молитвою

в безмолвном и тесном месте – да не будет! Это изобретено Божественными отцами не для чего иного, как в некоторое пособие к собранию мыслей от обычного парения к возбуждению ее к самой себе и ко вниманию (гл. 24). Прежде всех благодатных даров даруется уму непарение Господом нашим Иисусом Христом и призыванием в сердце святого Его имени с верою. Вспомоществует же этому несколько и естественное художество, способствующее низводить ум в сердце при посредстве ноздревато дыхания, сидение в безмолвном и несветлом месте и другое тому подобное.⁴⁷¹

Святые Каллист и Игнатий строго воспрещают подвижникам преждевременно стремиться к тому, что дается в назначенное Богом время. Они наставляют инока, чтобы он, проходя путь внутреннего делания, восходил к совершенству постепенно в установленном порядке по законам, преподанным Божественной благодатью. «И ты, – говорят они, – желая обучиться путеводящему к небу безмолвию, последуй мудро постановленным законам и, во-первых, с радостию возлюби послушание, потом безмолвие. Как деяние есть восхождение к ведению, так и послушание – к безмолвию. *Не прелагай предел вечных*, по Писанию, *яже положиша отцы твои* (Притч.22:28); *горе единому* (Еккл. 4, 10). Таким образом, положив благое основание началу, возможешь со временем возложить благословеннейший покров на начало здания Духа. Как всё отвержено у того, у кого, по сказанному, начало не искусно, – так, напротив, у того всё благолепно и благочинно, у кого начало искусно, хотя и случается иногда противное этому.⁴⁷²

В заключение извлечений из творений св. отцов еп. Игнатий приводит слова св. Ксанфопулов о том, что для достижения непарительной сердечной молитвы нужно много времени и много усилий.

«То, чтоб постоянно внутри сердца молиться, – пишут Ксанфопулы, – приводится в исполнение не просто, не как бы случилось, не при посредстве малого труда и времени, хотя и это изредка встречается по непостижимому смотрению Божию, но требует оно и долгого времени и немалого труда, подвига душевного и телесного, много продолжительного понуждения.

По превосходству дара и благодати, которых надеемся причаститься, должны быть по силе равны и соответственны подвиги, чтобы, по таинственному священному учению, изгнан был из пажитей сердца враг и вселился в него явственно Христос. Говорит св. Исаак: «Желающий увидеть Господа тщится художественно очистить сердце свое памятию Божиею и, таким образом, светлостью мысли своей будет ежечасно видеть Господа». И святой Варсонуфий: «Если же внутреннее делание Божиею благодатию поможет человеку, то тщется он по внешности. Внутреннее делание, в соединении с болезнью сердца приносит чистоту, а чистота – истинное безмолвие сердца; таким безмолвием достигается смирение, а смирение соделывает человека жилищем Божиим. Когда же вселится Бог, тогда бесы и страсти изгоняются, и соделывается человек храмом Божиим, исполненным освящения, исполненным просвещения, чистоты и благодати. Блажен тот, кто зрит Господа во внутреннейшей сокровищнице сердца, как в зеркале, и с плачем изливает моление свое пред благостию Его». Преподобный Иоанн Карпафийский: «Нужно много времени и подвига в молитвах, чтоб найти в нестужаемом устроении ума некоторое иное сердечное небо, где живет Христос, как говорит апостол: *Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неiskusни есте* (2Кор. 13, 5).⁴⁷³

В приведенных выдержках из творений св. отцов, по удостоверению преосвященного Владыки, вполне удовлетворительно изложено учение об Иисусовой молитве. Все прочие святоотеческие книги излагают то же самое учение.

Из приведенных комментариев преосвященного Игнатия к выпискам св. отцов об Иисусовой молитве видно, что все способы упражнения умной молитвы Владыка считал вполне применимыми для инока на определенном этапе его духовного совершенствования, однако способу св. Иоанна Лествичника преосвященный Игнатий делает явное предпочтение, считая его совершенно безопасным и наиболее подходящим для инока, начинающего заниматься Иисусовой молитвой и не имеющего духовного руководителя.

4. Возражения против Иисусовой молитвы

Как уже говорилось, в пятом веке умное делание, процветающее в первые века, значительно ослабело среди монашествующих. Шли века, и постепенно, по мере ослабления духа ревности в мирянах и монахах, всё уменьшалось количество истинных делателей Иисусовой молитвы. В 14-м и 15-м веке упражнение в умном делании почти совсем было забыто даже между монашествующими. Чтобы умное делание совсем не было предано забвению, отцы 14-го и 15-го веков подробно письменно изложили учение об этом спасительном делании. Но уже в то время среди монахов и мирян нашлись люди, которые не могли в силу своей плотяности правильно понять учение об умной молитве и поэтому стали восставать против него.

Когда преподобный Синаит Григорий в 14 веке пришел на святую Афонскую гору и, заметив, что умное делание совершенно оставлено иноками, стал сообщать учение об Иисусовой молитве ревностным подвижникам, то они сначала воспротивились ему. Афонцы, привыкшие придавать телесному подвигу большое значение, не могли сразу же принять учение о духовном делании, и поэтому преподобному Григорию пришлось понести много трудов для восстановления забытого умного делания среди афонских монахов.

Умное делание во все века для плотского и душевного разума, зараженного самомнением, кажется странностью и безумием. Дух злобы, зная, сколь велико действие Иисусовой молитвы, всегда старался с чудовищным неистовством через людей, предавшихся его воле, восстать против умного делания и истинных его последователей.

Чтобы с большой очевидностью показать, как превратно плотской и душевный разум понимает духовное учение об Иисусовой молитве, еп. Игнатий приводит следующий пример из церковной истории.

В 14-м веке некоторый западный монах Варлаам из Калабрии прибыл в Солунь, город восточной греческой империи. Здесь он отвергся латинства и принял православие. Написав

несколько сочинений в доказательство правоты Восточной Церкви, Варлаам заслужил доверие императора Кантакузена. Вскоре Варлаам отправился на Афон для ознакомления с православным монашеством. На Афоне Варлаам узнал у одного монаха-простеца о вещественных пособиях, которые употребляли афонские монахи при упражнении Иисусовой молитвой. Приняв вещественные пособия за сущность дела, а духовные видения за видения вещественные, Варлаам донес об этом императору, как о важном заблуждении. Император принял сторону Варлаама. Против афонских монахов был собран собор в Константинополе в 1314 году. На этом соборе инок Афонской горы, великий делатель умной молитвы св. Григорий Палама вступил в прение с Варлаамом и с помощью благодати Божией доказал неправоту Варлаама. Варлаам и его хулы на умное делание были преданы анафеме. Варлаам бежал на Запад и перешел опять в латинство, но еще долго после него многие христиане с большим предубеждением относились к умному деланию.

На Западе ложное мнение Варлаама об умном делании было принято повсеместно как исповедание веры.⁴⁷⁴

Один из западных историков – Флери, – описывая жизнь Варлаама, подобно ему всю суть умного делания видит в вещественных пособиях. Он утверждает, что будто бы сущность учения Симеона Нового Богослова об умном делании состоит в том, чтобы, «сев в углу келии, обратить глаза и всю мысль в средину чрева... удерживать дыхание, даже носом, и так далее».⁴⁷⁵

Другой историк, Бержье, писал, что греческие иноки-созерцатели от усилия к созерцанию помешались в рассудке и впали в фанатизм: чтобы придти в состояние восторга, они упирают глаза вниз, удерживая при этом дыхание, и тогда будто бы видят блестящий свет.

Приведя эти клеветнические мнения западных историков, еп. Игнатий пишет: «Искажая образ моления умных делателей Восточной Церкви и кощунствуя над ними, латиняне не останавливаются перед кощунством и над благодатными

состояниями, производимыми молитвою, не останавливаются хулить действие Святого Духа».⁴⁷⁶

Но не только западные историки не могли понять учения об умном делании; везде, где плоть преобладает над духом, духовное учение и его делатели подвергаются насмешкам, клевете, прямому гонению, обвинениям в прелести – и письменным, и устным. Святой Симеон Новый Богослов говорит, что по внушению бесов иноки, проводящие лицемерную жизнь, завидуют истинным подвижникам благочестия и употребляют все меры, чтобы расстроить их или изгнать из обители.⁴⁷⁷

По наблюдениям епископа Игнатия, в монастырях инок, стремящийся проходить путь внутреннего делания, нередко подвергается притеснениям не только со стороны монахов, проводящих лицемерный образ жизни, но и от благонамеренных иноков, которые, однако, не имеют ни малейшего понятия о внутреннем делании и всецело преданы телесному подвигу. Как первые, так и вторые нередко соблазняются жизнью духовных делателей, осуждают их и устраивают им многие неприятности.

Великий делатель Иисусовой молитвы преподобный Серафим Саровский много претерпел напастей от плотского воззрения на монашеский подвиг своих собратий. Зная, сколь труден путь истинного духовного делателя, преподобный Серафим в утешение его (духовного делателя) говорит: «Проходя путь внутренней, умозрительной жизни, не должно ослабевать, не должно оставлять его, потому что люди, прилепившиеся к внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое сердечное чувство и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на нём различные препятствия. Никакими противностями в прохождении этого пути колебаться не должно, утверждаясь в этом случае на слове Божиим: ***Страх их не убойтея, ниже возмаетеся, яко с нами Бог, Господа сил, того освятите*** в сердечной памяти Его Божественного имени и ***Той будет тебе в страх*** (Ис.8:12–13).⁴⁷⁸

Противники Иисусовой молитвы свою неприязнь к умному деланию основывают на том, что будто бы упражняющиеся

Иисусовой молитвой всегда впадают в прелесть. По выражению еп. Игнатия, такое мнение есть страшное богохульство и «достойная сожаления прелесть».⁴⁷⁹

Как сила Иисусовой молитвы, действующая во спасение, может извратиться и действовать в погибель? – спрашивает Владыка и сам же дает ответ: «Это – чуждо смысла! Это – нелепость горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей точно находятся в бесовской прелести, обмануты лжеименным разумом, изшедшим из сатаны. Сатана восстал коварно против всесвятого и великолепного имени Господа нашего Иисуса Христа, употребляет в свое орудие слепоту и неведение человеческие, оклеветал имя, еже *паче всякого имени*." (Флп. 2, 9).⁴⁸⁰

Как уже говорилось ранее, причиной прелести всегда бывает ложная мысль, принятая за истину, и, непременно, гордость. Источник прелести, как и всего злого, – диавол, а не величайшее благо, каковым является Иисусова молитва.

Если же некоторые делатели Иисусовой молитвы впадали в прелесть, то причина здесь не в умном делании, а в неправильном направлении душевного делания иноков. Еп. Игнатий утверждает, основываясь на опыте св. отцов, что при неправильном душевном направлении подвижник, занимаясь любой добродетелию, может впасть в прелесть. В пример Владыка приводит египетского инок 4-го века, который впал в высокоумие и достиг такого бедственного преуспеяния, что вспомоществуемый демоном, мог становиться босыми ногами на раскаленные угли и, стоя на них, прочитывал всю молитву «Отче наш...» Очевидно, что молитва Господня не принимала здесь никакого участия и не была, конечно, причиной самообольщения инок.⁴⁸¹ Горделивое желание монаха, занимавшегося умной молитвой, достигнуть благодатного утешения в молитве и многие другие тщеславные стремления бывают причиной прелести.

Во времена еп. Игнатия очень многие наставники монашествующих, занимавшихся исключительно телесными подвигами и прославляемые многими за это, – «слепцы», прославляемые подобными слепцами, как говорил о них

Владыка,⁴⁸² – запрещали категорически своим духовным чадам заниматься Иисусовой молитвой, как явно приводящей и к прелести.

Преосвященный Игнатий говорил, что запрещающим молиться Иисусовою молитвою со всею справедливостью можно сказать слова апп. Петра и Иоанна, сказанные ими иудейскому богопротивному синедриону: *...аще праведно есть пред Богом, вас послушати паче, нежели Бога, судите* (Деян. 4, 19). Ослепление некоторых лжестарцев доходило до того, что они не только запрещали своим пасомым заниматься умным деланием, но и не разрешали читать книг святых отцов, содержащих учение об умной молитве, а тех, кто не покорялся им, изгоняли из обителей.

Яркий пример подобного ослепления приводит великий делатель Иисусовой молитвы Паисий Величковский, старец, которого очень уважал еп. Игнатий и тщательно разыскивал рукописи, содержащие наставления этого истинного подвижника.

В одном из писем к старцу Феодосию схиархимандрит Паисий писал: «Во дни наши некоторый инок, философ суеумный, увидев, что некоторым ревнителям этой молитвы, хотя и не по разуму, воспоследовала некоторая прелесть, по причине их самочиния и невежественного руководства наставниками, неискусными в этой молитве, не возложил вины на самочиние и неискусное наставление, но вооружился хулою на эту святую молитву, вооружился, возбуждаемый диаволом, столько, что превзошел и древних, трижды проклятых еретиков, Варлаама и Акиндина, хуливших эту молитву. Не боясь Бога, не стыдясь человеков, он воздвиг страшные и срамные хуления на эту святую молитву, на ее ревнителей и делателей, хуления, невыносимые для целомудренного слуха человеческого. Сверх того, он воздвиг такое величайшее гонение на ревнителей этой молитвы, что некоторые из них, оставив ее, перебежали в нашу страну и проводят в ней Богоугодно пустынножитие. Другие, будучи слабоумны, дошли до такого безумия от растленных слов философа, что и имевшиеся у них отеческие книги потопили, как мы слышали, в реке, привязав их к кирпичу. Так

возмогли его хуления, что некоторые старцы воспретили чтение отческих книг при угрозе лишиться благословения за чтение. Философ, не довольствуясь устным хулением, вознамерился изложить эти хуления письменно: тогда, пораженный наказанием Божиим, он ослеп, чем и было пресечено его богоборное предприятие».⁴⁸³

В этом письме не только прекрасно показана ненависть одного из хулителей умного делания, но и с предельной краткостью указаны причины прелести: ревность не по разуму, самочиние и невежественное руководство неискusstных старцев.

Обвинения в том, что Иисусова молитва приводит к прелести, всегда было основным возражением противников этого великого делания. Кроме того, некоторые неопытные руководители считали, что упражнение Иисусовой молитвой позволительно только для святых и бесстрастных людей и что полное оскудение опытных наставников умного делания есть уважительное оправдание для тех, кто не занимается Иисусовой молитвой.

В опровержение двух последних мнений еп. Игнатий приводит выдержку из предисловия к книге преподобного Григория Синаита. Это предисловие написано опытным делателем Иисусовой молитвы, другом и сподвижником схииархим. Паисия Величковского, старцем схимонахом Василием.

В предисловии дан прекрасный разбор ложного мнения о том, что умному деланию последует прелесть. «Некоторые незнакомые опытно с умным деланием, – пишет старец Василий, – и мнящие о себе, что имеют дар рассуждения, оправдывают себя, или, лучше сказать, отклоняют от обучения сему священному деланию тремя предлогами, или изветами: во-первых, отсылая это делание к святым и бесстрастным мужам, думая, что оно принадлежит им, а не и страстным; во-вторых, представляя совершенное оскудение наставников и учителей такому жителству и пути; в-третьих – последующую этому деланию прелесть. Из этих предлогов, или изветов, первый – непотребен и несправедлив, потому что первая степень преуспевания новоначальных монахов состоит в

умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, т.е. умною молитвою... Второй – безрассуден и не основателен: потому что, за недостатком наставника и учителя, Писание – нам учитель. Третий заключает в себе самообольщение: приводящие его, читая писание о прелести, этим же писанием запинаят себя, криво объясняя его. Вместо того, чтоб из писания познавать прелесть и предостережение от нее, они превращают это писание и представляют его в основание к уклонению от умного делания. Если же ты страшишься этого делания и обучения ему от одного благоговения и простоты сердца, то и я на этом основании страшусь, а не на основании пустых басен, по которым волка бояться, так в лес не ходить. И Бога должно бояться, но не убегать и не удаляться от Него по причине этого страха».⁴⁸⁴ Святитель Игнатий многократно на своем долгом иноческом пути встречал наставников, которые осуждали умное делание, совершенно не зная его. Этим «старцам», по замечанию Владыки, благоразумнее и безопаснее было бы воздержаться от суждения о том, чего они не знают, чем выступить с проповедью против Иисусовой молитвы, ибо хула на молитву Иисусову подобна хуле, которую произносили фарисеи на чудеса Христа Спасителя.⁴⁸⁵

5. Советы епископа Игнатия новонаначальному делателю Иисусовой молитвы

По твердому убеждению еп. Игнатия, каждый инок должен приучать себя к внутреннему деланию. Без внутреннего делания при одном телесном подвиге невозможно иноку достигнуть совершенства в духовной жизни.

Преосвященный Игнатий пишет, что старые монахи говорили ему, что еще в начале 19-го века в Саровской обители всякого вновь поступающего сразу же научали Иисусовой молитве. Этому же учил новоначальных и преподобный Серафим Саровский, который преподавал наставления одному юноше, желавшему вступить в монастырь, сказав, что «одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те

монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи».⁴⁸⁶

Преосвященный Игнатий с полным основанием считал, что упражнение в молитве Иисусовой – есть обет каждого монаха.⁴⁸⁷

При постриге, когда новопостриженному даются четки, постригающий заветствует ему: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, его же и носят во устех своих, уме же и сердце, глаголи непрестанно: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя**".⁴⁸⁸ И ничто, по выражению Владыки, не может извинить монаха, если он не будет исполнять эту заповедь: ни оскудение внутреннего делания среди современного монашества, ни отсутствие опытных наставников, – «долг остается долгом и обязанность обязанностью, хотя бы число исполняющих еще более умалилось. Обет произносится всеми. Ни множество нарушителей обета, ни обычай нарушения не дают законности нарушению. Мало то стадо, которому Отец Небесный благоволил даровать царство. Всегда тесный путь имеет мало путешественников, а широкий много. В последние времена тесный путь оставится почти всеми, почти все пойдут по широкому. Из этого не следует, что широкий потеряет свойство вводить в пагубу, что тесный сделается излишним, ненужным для спасения»,⁴⁸⁹ – так говорит Владыка об обязанности каждого инока идти тесным путем умного делания.

Кроме монашеского обета, Владыка напоминает еще иноку, что о необходимости заниматься Иисусовою молитвою заповедуют писания св. отцов и законоположение Православной Восточной Церкви, которая для всех неграмотных чад своих, и монахов и мирян, установила заменять псалмопения и молитвословие на келейном правиле Иисусовою молитвою.⁴⁹⁰

Вновь поступившему в обитель Владыка советует первоначально произносить на келейном правиле со вниманием и неспешно сто Иисусовых молитв. Со временем, если инок найдет возможным, то может присовокупить и еще сто. По истечении еще некоторого времени можно увеличить количество молитв до 300. Каждому делателю Иисусовой молитвы нужно

обратить внимание на ту неспешность, с которой еп. Игнатий рекомендует произносить Иисусову молитву! На неспешное и внимательное произнесение ста Иисусовых молитв необходимо, по словам Владыки, 30 минут или немного меньше. Некоторые же подвижники, по замечанию Владыки, нуждаются в еще более продолжительном времени при произнесении этого количества молитв.⁴⁹¹ Чтобы употребить указанное владыкой Игнатием время для 100 молитв, нужно произносить молитвы очень медленно и не сразу одну после другой, а сделать краткий отдых после каждой молитвы, что будет способствовать уму сосредотачиваться. Молитвы, произносимые безостановочно, рассеивают ум, и инок, сам того не замечая, переходит к машинальной молитве, в которой совершенно не принимает участие его ум. Произносящему Иисусову молитву Владыка советует переводить дыхание с осторожностью, дышать тихо и медленно, ибо это также способствует вниманию при молитве и охраняет от рассеянности.

Часто новоначального при занятии Иисусовой молитвой одолевает сон и уныние. Еп. Игнатий советует не приходить от этого в отчаяние, потому что сон, уныние при молитве свидетельствуют о том, что молитва начинает приносить духовную пользу и враг рода человеческого, видя это, старается отвлечь инока от молитвы всевозможными средствами, в том числе и сном и унынием.

В одном из писем Владыка пишет: «Пишете, что при начале упражнения в Иисусовой молитве бороли вас уныние и его порождения: отчаяние, недоумение, сон и пр. Это хороший признак. «Пользу молитвы, сказал св. Иоанн Лествичник, можно заметить из бесовских препятствий, возникающих во время собрания», – т.е. молитвенного.

Новоначальному позволительно заниматься только устной молитвою, которая постепенно сама перейдет в умную (произносимую в уме), и ни в коем случае не дерзает думать о высшем делании – о молитве умом в сердце. Для стяжания глубокой сердечной молитвы необходимо продолжительное время и основательная подготовка самой жизнью, которая

должна заключаться и в изучении опыта монашеской жизни из деятельности по евангельским заповедям».⁴⁹²

Приступить к высшему молитвенному подвигу, по суждению Владыки, приличествует возрасту зрелому. Не отвергается и возраст юный, если он имеет свойство зрелости и, особенно, если имеется опытный наставник. При этом Владыка поясняет, что зрелость заключается не в возрасте монаха и не количестве лет, проведенных в монастыре, а в том, рассматривал ли себя монах в течение продолжительного времени при Евангелии, в котором изображен новый человек и все оттенки ветхого, и изучал ли Писания св. отцов, научающих непогрешительно жить по Евангелию.⁴⁹³

Инокам, стремящимся заняться умным деланием, Владыка советует обратить особое внимание на исполнение Евангельских заповедей. «Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою»,⁴⁹⁴ – пишет он. Евангельские заповеди служат для молитвы тем же, чем служит елей для горящего светильника. Светильник без елея гаснет и испускает дым и зловоние; умное же делание, не основанное на жизни по евангельским заповедям, не будет иметь твердого основания и не сможет получить правильного развития.⁴⁹⁵

Еп. Игнатий считал, что монастырь, особенно общежительный, есть самое удобное место для занятия Иисусовой молитвой. В обители, если инок ведет правильный образ жизни, он имеет полную возможность деятельно жить по евангельским заповедям, исполняя с усердием все монашеские и монастырские послушания, а из всех случающихся преткновений познавать греховность своей и общечеловеческой природы. Кроме этого, в каждой обители инок может изучать творения св. отцов, получить нужный совет от старшей братии и, возможно, найдет наставника, который укажет ему правильное направление в умном делании. (Последнее – правильное руководство в российских обителях 19-го века, по искреннему признанию еп. Игнатия, найти было очень трудно – почти невозможно).

Особенно большое значение для правильной молитвы имеет исполнение различных монастырских послушаний. Каждое монастырское послушание служит к образованию в иноке смирения, смирение же более всех других добродетелей настраивает душу к истинной молитве. «Послушание, которое доставляет болезненное сокровище смирения, признано единодушно отцами за основную монашескую добродетель, за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву», – пишет еп. Игнатий.

Инок, исполняющий с усердием и истинным смирением возложенные на него монастырские послушания, может в короткое время преуспеть в молитвенном подвиге.

Многие святые отцы, великие делатели и учителя Иисусовой молитвы, начали путь умного делания, живя в монастырях. Так, святой Симеон Новый Богослов, преподобный Никита Стифат обучались этому деланию в обителях, находившихся в многолюдном Константинополе, святой патриарх Каллист, как уже было сказано, обучался умному деланию, проходя послушание повара в Лавре св. Афанасия Афонского, препп. Дорофей и Досифей – в общежитии св. Серида, святейший патриарх Фотий обучался умному деланию уже в сане патриарха, при многочисленных и многотрудных занятиях, связанных с этим саном.

За истинное смирение и усердие к монастырским послушаниям, Господь нередко сподоблял и юных делателей умной молитвы обильного утешения.

Еп. Игнатий пишет, что в дни его новоначала один старец в искренней беседе поведал ему: «В мирской жизни по простоте прошедших времен и господствовавшему тогда благочестивому направлению, узнал я о молитве Иисусовой, занимался ею и ощущал по временам необыкновенное изменение в себе и утешение. Вступив в монастырь, я продолжал заниматься ею, руководствуясь чтением отеческих книг и наставлениями некоторых иноков, которые, казалось, имели понятие о ней. У них я видел и неизменный стулец, упоминаемый преподобным Григорием Синаитом. Сначала я был в послушании трапезного: занимаясь послушанием, занимался и молитвою, соединяя ее с

содействующими ей смиренными помышлениями, по наставлению отцов.⁴⁹⁶ Однажды ставил я блюдо с пищею на последний стол, за которым сидели послушники, и мысленно говорил: примите от меня, рабы Божии, это убогое служение. Внезапно в грудь мою впало такое утешение, что я даже пошатнулся, утешение продолжалось многие дни, около месяца.⁴⁹⁷ Другой раз случилось зайти в просфорню: не знаю с чего, по какому-то влечению, я поклонился братии, трудившейся в просфорне, очень низко, и внезапно так воздействовала во мне молитва, что я поспешил уйти в келию...»⁴⁹⁸

Ежедневное исполнение послушаний и истинное, нелицемерное смирение пред всей братией приводит сердце инок в умиление и способствует истинной молитве.

Деятельность же в монастыре по своей воле порождает высокоумие и приводит к высокопарению ума и мечтательности, которые уничтожают внимательную молитву. «Оставление смирения, для сохранения своего достоинства, по отношению к ближнему, отымет у сердца умиление свое, ожесточит сердце, убьет молитву, лишит ее существенных свойств, внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы. На послушании и смирении да зиждется молитва! Эти добродетели – единственно прочные основания молитвенного подвига», – пишет еп. Игнатий.⁴⁹⁹

Каждый благонамеренный инок, живущий в монастыре, может и должен обучаться внутреннему деланию, потому что иноческое общежитие служит «величайшим пособием для обучения молитве Иисусовой в первых ступенях ее, доставляя новонаначальному непрестанные случаи к смирению».⁵⁰⁰

Научая инок со смирением и усердно проходить монастырские послушания и тем подготавливать себя к прохождению высших ступеней умного делания, преосвященный Игнатий неоднократно предупреждает, что всякое преждевременное стремление к подвигу выше сил хотя и кажется весьма заманчивым, но может погубить весь, может быть, многолетний духовный подвиг инок.

Весьма возжеленны для каждого инок сердечная молитва, сердечное безмолвие и др. благодатные состояния, но, чтобы

приблизиться к ним, нужен долгий и трудный путь духовного совершенствования, нужна величайшая осторожность и истинное рассуждение. В предостережение новонаначальному иноку Владыка приводит слова преп. Нила Сорского, который говорит: «Самые благие и благолепные делания должно проходить с рассуждением, в приличное время, по достижении надлежащей меры преуспевания, как говорит Василий Великий: “Всякому деланию должно предшествовать рассуждение; без рассуждения и благое дело обращается в злое по безвременности и неумеренности. Когда же рассуждением определяется время и мера благому, тогда бывает чудный прибыток”. И Лествичник, заимствовав слова из Писания, говорит: *Время всяцей вещи под небесем* (Еккл. 3, 1), между всеми же, сказал он, и в нашем святом жительстве есть время каждому занятию. И, продолжая, говорит: «Есть время безмолвию, и время немятежной молитвы; есть время непрестанной молитве, и время нелицемерному служению. Не будем прельщаться гордостным усердием, и искать прежде времени того, что приходит в известное время. Есть время сеять труды и время пожинать колосья неизреченной благодати».⁵⁰¹

Не только во время еп. Игнатия, при почти полном отсутствии опытных наставников умного делания, но и во времена расцвета древнего иночества, при изобилии духоносных старцев, соблюдалась крайняя неспешность и постепенность при обучении новоначальных умному деланию. Так в общежитиях преп. Пахомия Великого, где процветало возвышенное делание умной молитвы, каждый вновь поступающий вручался старцу и под его руководством занимался телесными трудами в течение трех лет. За это время телесный труд, частые наставления старца и отсечение им воли новоначального, ежедневная исповедь внешней и внутренней деятельности быстро и могущественно доставляли уму инок и сердцу его значительную чистоту. В эти три года новоначального инок обучали и молитве в соответствии с его устройством. По прошествии трех лет новоначальный должен был выучить наизусть всё Евангелие и Псалтирь, а наиболее способные – и

всё Священное Писание, что необыкновенно развивало устную и внимательную молитву. Только после того, как новоначальный заучивал Евангелие и Псалтирь, ему преподавалось «тайноучение умной молитвы». Так постепенно в древних обителях инок вводился в умное делание.⁵⁰² «От прочности основания и от правильности в упражнении дивным было преуспеяние»,⁵⁰³ – говорит владыка Игнатий.

Епископ Игнатий учил, что упражнение Иисусовой молитвой имеет свое начало, свою постепенность и свой бесконечный конец. Каждый новоначальный должен начинать усваивать умное делание с начала, а не с середины или с конца.⁵⁰⁴ В подтверждение этого Владыка приводит слова двух великих делателей умной молитвы. Святой Каллист, патриарх Константинопольский, повествуя о плодах Иисусовой молитвы, говорит: «Никто из ненаученных тайнам или из требующих млека, услыша высокое учение о благодатном действии молитвы, да не осмелится прикоснуться к нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее и взыскавших преждевременно того, что приходит в свое время, усиливающих взойти в пристанище бесстрастия в несоответствующем ему устройении, отцы признают не иначе, как находящимися в умопомешательстве. Невозможно читать книг тому, кто не выучился грамоте».⁵⁰⁵

Преп. Симеон Новый Богослов, когда говорит о безуспешности молитвы и о печальных последствиях этой безуспешной молитвы, то причину этого указывает в несохранении правильности и постепенности молитвенного подвига. «Хотящие взойти, – говорит Богослов, – на высоты молитвенного подвига преуспеяния да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, а потом на вторую ступень, далее на третью, наконец на четвертую. Таким образом, всякий может восстать от земли и взойти на небо».⁵⁰⁶

6. Необходимые внешние и внутренние условия при занятии Иисусовой молитвой

Еп. Игнатий, основываясь на учении св. отцов, учил, что каждый инок, желающий безбедно шествовать по пути умного делания, должен внешне и внутренне подготовить себя к этому.

Делателю умной молитвы надо прежде всего отвергнуть всякую изнеженность и плотские наслаждения. Его пища и сон должны быть умеренными, соразмерно с телесными силами и здоровьем. Излишество в пище и сне может производить в теле непристойные движения, недостаток же пищи производит изнеможение. Как первого, так и второго каждому иноку следует избегать и держаться золотой середины – не пресыщаться и не доводить своего организма до истощения. Одежда, келья и всё, что окружает инока и зависит от него, должно быть скромным и простым, всякое излишество и роскошь могут породить в душе инока чувство тщеславия, а от этого сделается бесплодной его молитва.

Истинный делатель Иисусовой молитвы должен строго хранить свои чувства, особенно зрение и слух, чтобы чрез них не вторглись в его душу впечатления, которые могут надолго опустошить ее, лишить внутреннего мира. Уста и язык нужно приучить к молчанию, как говорит еп. Игнатий, «сковывать» их им, потому что празднословие, многословие, насмешки, пересуды и злоречие являются злейшими врагами молитвы.⁵⁰⁷ По возможности нужно отказаться от посещения келий братий и не принимать к себе никого в келью. Еп. Игнатий уподобляет келью истинного инока могиле или гробу, в котором он плачет о своем мертвце – своей душе, истерзанной и убитой грехом. «Из могилы – келии – молитва восходит на небо; в той могиле, в которую скрывается тело по смерти, и в могиле адской, в которую низвергается душа грешника, уже нет места для молитвы», – пишет Владыка.⁵⁰⁸

В обители нужно стараться вести себя странником: не связывать себя самочинно никакими попечениями, не заводить ни с кем близкого знакомства, отвергнуть от себя суетное любопытство и любознательность. Посещать неопустительно храм и в случаях нужды – келию своего духовника. Истинный делатель Иисусовой молитвы должен в каждом своем действии подражать духу святых апостолов, и только тогда он сможет

устроить свою внешнюю и внутреннюю жизнь в соответствии с тем великим делом, которым он занимается. «Святые апостолы, – пишет еп. Игнатий, – и истинные ученики их не приносили никаких жертв тщеславию и суетности, по обычаям мира, не входили ни в чём в общение с духом мира. Правильное, благодатное действие молитвы Иисусовой может прозябнуть только от Духа Христова: прозябает и произрастает оно исключительно на одной этой почве».⁵⁰⁹

Забываясь о благолепии своего внешнего поведения, инок должен уделять сугубое старание к стяжанию внутренних условий, без которых умное делание не может восходить от силы в силу. Первым условием, первым залогом плодотворности умного делания является чистота сердца.

Человек, сердце которого не очищено от страстей и пороков, не должен дерзать на высший подвиг умного делания. «Умная молитва, – говорит преподобный Нил Сорский, повторяя слова преподобного Григория Синаита, – выше всех деланий, и добродетелей глава, как любовь Божия. Бесстыдно и дерзостно хотящий войти к Богу и чисто беседовать с Ним, нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляется бесами».⁵¹⁰

Приведя эти слова, заключающие в себе грозное предостережение иноку, не очистившему своего сердца от всякой скверны, еп. Игнатий пишет: «Умоляю, умоляю обратить всё должное внимание на грозное воспрещение отцов».⁵¹¹

Владыка свидетельствует, что ему были известны некоторые благонамеренные люди, впадавшие в плотские грехи по причине образовавшейся порочной привычки, бывшие не в силах воздерживаться от падений и в то же время пытавшиеся упражняться в сердечной молитве. «Может ли быть что-либо безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания?» – восклицает мудрый святитель.⁵¹²

Молитва покаяния является достоянием всех людей без исключения, и даже самые явные грешники могут и должны просить Бога о помиловании, но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для людей, обладаемых страстями; он предоставлен лишь людям, достигшим известной меры чистоты. Вход в сердце для

совершения там священнодействия молитвы открывается только тогда, когда человек перестает совершать грех не только делами, но и получит от Бога силу противиться страстным помыслам.⁵¹³

Грех, не осуществляемый делом, еще очень долго живет в человеке – в помыслах, мечтаниях – и продолжает осквернять сердечный храм. Пока в уме инока идет борьба с греховными воспоминаниями, впечатлениями и помыслами – этими исчадиями страстей, он не имеет еще сердечной чистоты и не может приступать к сердечной молитве.

Созидается чистота долгим и упорным трудом. Страсти удаляются и ослабевают не вдруг, а после продолжительной и постоянной борьбы с ними. По мере искоренения страстей из сердца, в него вселяется чистота, при которой лишь возможна сердечная молитва.

Вторым необходимым внутренним условием при занятии умным деланием является внимание – заключение ума в слова молитвы.⁵¹⁴ В данной работе уже ранее приводилось точка зрения еп. Игнатия по данному вопросу при рассмотрении учения преп. Иоанна Лествичника об умном делании, и здесь считаем нужным лишь напомнить, что иноку, не приучившемуся к внимательной молитве, невозможно преуспеть в молитве, невозможно возбудить сочувствия сердца к молитве и перейти от устной молитвы к молитве, совершаемой умом, а со временем и умом в сердце.

Еп. Игнатий рекомендовал каждому иноку приучиться к внимательной молитве по способу св. Иоанна Лествичника, изложенному ранее в этой главе.

Следующее и основное условие заключается в том, чтобы совершать Иисусову молитву не с тщеславным намерением получить утешение, наслаждение или какое-либо подобное чувство, а единственно с целью ПОКАЯНИЯ. Сознание своей греховности, необходимость Искупителя и желание получить помилование – вот чувства, которые должны наполнять всё существо инока, занимающегося умным деланием.

Многие учителя молитвы часто сердечное чувство покаяния называют плачем. «Плач, – пишет еп. Игнатий, – есть та

единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом».⁵¹⁵

Прекрасно выразил преп. Пимен Великий необходимость покаянного чувства для монаха, занимающегося умным деланием. На вопрос, как должно вести себя безмолвнику, он отвечал: «Подобно человеку, который погряз в тину по выю (шею), который имеет бремя на вые и вопиет к Богу: «Помилуй меня».⁵¹⁶ Что может быть плачевнее положения человека, который, имея тяжелый груз на шее, погрузился в топкую тину. Он реально ощущает, что каждую минуту топкая тина может поглотить его целиком, и он погибнет.

Естественно, что такой человек будет взывать о помощи от всего своего существа. Какие могут придти к нему тщеславные помыслы и желания? Одно стремление спастись от потопления будет выражаться в его вопле. Подобное же чувство должен иметь инок, занимаясь Иисусовой молитвой. Сознание, что грех, подобно тине, всё глубже и глубже затягивает его, и желание получить помилование от Господа – вот основные чувства, которые, выливаясь в непрерывный плач, должны быть неотъемлемы от делателя умной молитвы. Монах, соединяющий Иисусову молитву с чувством истинного покаяния, никогда не впадает во вражеское обольщение, никогда не уклоняется к прелести. Как может инок принять какое-либо ложное чувство утешения или отрады, когда он не ищет его, не стремится к нему, а просит у Господа лишь одного помилования.

Еп. Игнатий пишет: «Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует в нас».⁵¹⁷

В подтверждение этих слов Владыка приводит наставление преподобного Григория Синаита, который пишет: «Немалый труд – достигнуть точной истины и соделаться чистым от всего сопротивного благодати, потому что обычно диаволу показывать, особливо пред новоначальными, свою прелесть в образе истины, давая лукавому вид духовного. По этой причине подвизающийся в безмолвии достичь чистой молитвы должен

шествовать мысленным путем молитвы со многим трепетом и плачем, с испрошением наставления у искусных, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, как бы не подвергнуться муке или не отпасть от Бога, не отлучиться от Него в этом или будущем веке. Если диавол видит, что подвижник живет плачевно, то не пребывает в нём, не терпя смирения, происходящего от плача... Великое оружие – иметь при молитве и плач».⁵¹⁸

Как уже говорилось, еп. Игнатий считал, что в его время, при оскудении духоносных наставников, подвижники молитвы должны руководствоваться исключительно Священным Писанием и писаниями св. отцов. Владыка признавал, что это намного труднее, и видел в этом причину сугубого плача для делателя умной молитвы.⁵¹⁹

Одним из необходимых условий для занятия Иисусовой молитвой является простота. Возвышенное умное делание, как и всё принадлежащее стране духов, а не плоти, необыкновенно просто. Только душа, стяжавшая простоту, может постигать силу Иисусовой молитвы, как было уже сказано ранее, и только простая душа может безбедно шествовать по пути умного делания.

К великому сожалению, святая простота весьма редко встречается среди людей. Еп. Игнатий пишет: «Мы сделали так сложны, что... простота и неприступна, и непостижима для нас. Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое я, не терпим самоотвержения, не хотим действовать верою. По этой причине нужен нам наставник, который бы вывел нас из нашей сложности, из нашего лукавства, из наших ухищрений, из нашего тщеславия и самомнения в широту и простоту веры».⁵²⁰

На основании всех наблюдений Владыка свидетельствует, что нередко простец с младенческой душой достигает на поприще умного делания необыкновенного преуспевания. А мудрец из-за неимения святой простоты сбивается с истинного пути и низвергается в пропасть прелести. Не необходимым, но весьма желательным условием для инока, занимающегося умным деланием, является опытный наставник. Инок, имеющий опытного наставника умного делания, нашел бесценное

сокровище. Во всех древних обителях иноки обучались Иисусовой молитве под руководством опытных старцев. Духоносный старец, ежедневно принимая исповедь своего пасомого, замечал всё, даже самое малое отклонение инока на пути умного делания, и в случае необходимости своим мудрым словом предотвращал духовное бедствие при самом его зарождении.

Иноки, живущие под руководством искусного старца, бывают более совершенными в монашеских добродетелях, чем иноки, живущие по своей воле. Подчинив полностью себя старцу, инок этим отсекает свою греховную волю, быстрее преуспевает в смирении и в делании Евангельских заповедей. Для него не существует мучительных душевных недоумений, ибо они сразу же разрешаются старцем.

Молитвенный подвиг его постепенно восходит от силы в силу, направляемый мудрым словом старца. Каждому иноку, живущему под руководством старца или, тем более, не имеющему руководителя, но проходящему путь умного делания, необходимо непрестанно поучаться в чтении Св. Писания и творений св. отцов.

Еп. Игнатий неоднократно говорил, что из-за оскудения опытных наставников Святое Писание и писания св. отцов являются руководителями иноков.

Делателю Иисусовой молитвы Владыка советует для непогрешительного шествия по пути умного делания «поверить себя» и свое делание частым чтением отеческих писаний.

Прежде всего еп. Игнатий рекомендует прочитать «Примечания (Предисловия) схимонаха Поляномерульского Василия на книги святых Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского»,⁵²¹ изданные Оптиной пустыней в 1847 году. По прочтении этих примечаний чтение святоотеческих писателей, помещенных в Добротолубии, делается более ясным, понятным и полезным.

Далее Владыка предлагает следующий порядок чтений писаний св. отцов:

- 1) Слова о трезвении Исихия, пресвитера Иерусалимского.
- 2) Главы о трезвении преподобного Филофея Синайского.

3) Слова о сокровенном делании во Христе святого Феоланта, митрополита Филадельфийского.

4) Сочинения св. Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, помещенные в первой части Добротолюбия.

5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения св. Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенные во 2-й части Добротолюбия.

6) Предание преподобного Нила Сорского.

7) Цветник священноинока Дорофея и другие писания об умном делании.⁵²²

Делателю Иисусовой молитвы необходимо помнить проверенное жизнью утверждение владыки Игнатия, который считал, что меры новоначальных времен, написания св. отцами перечисленных книг в настоящее время являются мерами весьма преуспевших и поэтому, читая святоотеческие писания, нужно с большой осторожностью применять их к себе и к своей деятельности.⁵²³

7. Пособия для занимающихся Иисусовой молитвой

Епископ Игнатий рекомендует делателю Иисусовой молитвы следующие пособия:⁵²⁴

1. Четки или лестовка. Четки состоят обыкновенно из ста зерен, а лестовка – из ста ступеней, т.к. правило, совершаемое с молитвою Иисусовою, обычно исчисляется сотнями молитв. Иноки первоначально обычно молятся по четкам, совершают по ним поклоны и произносят установленное количество Иисусовых молитв. Когда же при молитве внимание усиливается, то прекращается возможность молиться по четкам и считать количество произнесенных молитв, т.е. молитва переходит в непрестанную.

2. Очень полезно обучаться Иисусовой молитве, соединяя ее с поклонами земными и поясными, полагая их неспешно с чувством искреннего покаяния.

3. В церкви и вообще при упражнении Иисусовой молитвой полезно закрывать глаза.

4. Левую руку держать на груди, над левым сосцем, для ощущения силы словесности, находящейся в груди.

5. Безмолвствующему хорошо иметь несколько темную келию с занавешенными окнами для охранения ума от развлечения и для лучшего сосредоточения ума в сердце.

6. Безмолвствующий может сидеть на низком стуле, потому что внимательная молитва требует спокойного положения, а также по образцу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя на пути, вопиял ко Господу: *Иисусе, Сыне Давидов помилуй мя* (Мк. 10, 47). Этот низменный стул символизирует гноище, на котором был повержен Иов вне града. Низкий стул очень удобен для упражнения Иисусовой молитвой. Не отвергается заниматься ею и стоя, но так как почти всё время истинного безмолвника посвящено молитве, то, чтобы не истощать стоянием силы, он может заниматься молитвою и сидя, и лежа.⁵²⁵

7. Подвижник умного делания иногда имеет нужду обливаться холодной водой или прикладывать к местам прилива крови намоченное водою полотенце. Вода должна быть комнатной температуры и не очень холодной, т.к. холодная вода усиливает разгорячение.

8. Предостережения владыки Игнатия инок – делателю Иисусовой молитвы

Епископ Игнатий в течение почти всей своей сознательной жизни проходил подвиг умного делания; много трудностей пришлось преодолеть ему на этом пути, поэтому он мог инокам, бедствующим на пути умного делания, оказать помощь.

Долгие годы, проведенные Владыкой в монастырях, показали ему, что некоторые иноки начинают заниматься умным деланием, но редкие идут по правильному пути и достигают преуспевания. «Можно безошибочно сказать, – пишет Владыка: – большинство находится в разнообразном увлечении; отвергших свое увлечение и увлечения очень мало, не увлекавшихся не существует».⁵²⁶

В предшествующих разделах мы говорили об основных условиях, которые епископ Игнатий считал необходимыми для делателя Иисусовой молитвы, а теперь рассмотрим, от чего Владыка предостерегает инока, вступившего на путь умного делания.

Как уже говорилось, еп. Игнатий всю свою жизнь искал опытного руководителя умного делания, но так и не нашел его. Много встречал он достойных старцев, но еще более – наставников, болезновавших слепотою и самообольщением. Наблюдая за духовным руководством подобных старцев, Владыка пришел к убеждению, что никто не приносит столько вреда духовной жизни инока, как неопытный наставник. При этом достойно удивления то, что не только страстный наставник может погубить пасомого, но и старец святой жизни, не имеющий способности руководить другими, может нанести большой вред душе инока.

Старцами-наставниками способны быть весьма немногие, а из этих немногих редкие могут быть руководителями в умном делании. Истинным наставником умного делания может быть лишь тот монах, который сам деятельно прошел все первоначальные этапы умного подвига, достиг уже некоторых степеней преуспевания и имеет дар наставлять других.

Нередко встречаются старцы, которые хотя и достигли совершенства в духовной жизни, но не могут удовлетворительно руководить другими. В подтверждение этого Владыка приводит следующий пример.⁵²⁷ В Египетском ските один новоначальный монах обратился к старцу весьма высокой жизни авве Ивистиону за наставлением в подвижнической жизни. Получив ответ, он нашел нужным посоветоваться с преподобным Пименом Великим. Великий устранил наставление аввы Ивистиона как очень возвышенное и не соответствующее духовному состоянию монаха и преподал ему более удобный и доступный способ, при этом он сказал: «Авва Ивистион и делание его на небе, с Ангелами: утаилось от него, что мы с тобою на земле и в страстях».⁵²⁸

Некоторые старцы не проходили опытно весь путь умного делания, но по особому усмотрению Божию сразу же получили

дар благодатной молитвы. Как правило, подобные старцы не могут быть наставниками новоначальных в подвиге умного делания. Преподобный Григорий Синаит говорил, что находящийся в молитвенном преуспении обучает молитве других сообразно тому, как сам он достиг в ней преуспения,⁵²⁹ а так как старцы, о которых идет речь, сами не проходили опытно путь умной молитвы, то и преподают новоначальным ту благодатную молитву, которую имеют, что несовместимо бывает для новоначальных из-за их страстности и неподготовленности. Епископ Игнатий пишет: «Из опытов я мог убедиться, что получившие благодатную молитву по особенному смотрению Божию скоро и не общим путем, – поспешают Соответственно совершившемуся с ними сообщать новоначальным такие сведения о молитве, которые новоначальными никак не могут быть поняты правильно, понимаются ими превратно и повреждают их».⁵³⁰

Преосвященный Игнатий повествует, что он видел старца-младенца, который был причастником обильной Божественной благодати, но был весьма неискусен в руководстве. Однажды с этим старцем познакомилась одна дама цветущих лет и здоровья, проводившая вполне светский образ жизни. Из уважения к старцу она оказала ему некоторые услуги. Старец из чувства благодарности решил вознаградить свою благодетельницу тем, что преподавал ей упражнение Иисусовой молитвы, умной и сердечной, с применением тех механических способов, которые употреблялись безмолвниками и описаны в первом и втором томах Добротолюбия. При этом старец упустил из виду, что даме нужно прежде всего оставить чтение романов и жизнь по романам. Дама послушала старца и пришла в очень затруднительное положение. Ее спасло лишь то, что опытные лица догадались, что старец-дитя дал ей какое-то наставление, не соответствующее ее жизни, извлекли у нее признание в этом и убедили не следовать наставлению святого, но неопытного старца.⁵³¹ Упомянутому старцу близко знавший его инок говорил: «Отец, твое душевное устройство подобно двухэтажному дому, которого верхний этаж сделан отлично, а

нижний стоит вчерне, отчего доступ и в верхний этаж очень затруднителен». ⁵³²

Преосвященный Игнатий пишет, что о подобных старцах в монастырях говорят: «Свят, но неискусен», и весьма осторожно относятся к их советам. ⁵³³

Некоторые мудрые старцы, получившие «туне» дар непрестанного умного делания, сознают, что они не могут удовлетворительно преподать его другим и воздерживаются давать наставления. Упоминавшийся уже великий старец схиархимандрит Паисий Величковский получил благодатную сердечную молитву по особому смотрению Божию, а не общим порядком. Сознавая это, он никогда не преподавал умное делание инокам, но поручал это другим опытным старцам, стяжавшим молитву деятельным подвигом по общему порядку. ⁵³⁴

Обращая свой взор к современному монашеству и видя почти полное отсутствие опытных наставников умного делания, епископ Игнатий пишет: «Что же сказать о современном положении? Едва ли не то, что сказал преподобный Ефрем Сирский о положении тех, которые займутся исканием живого слова Божия во времена последние. Они будут проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова – и не найдут его». ⁵³⁵

Предостерегая современных ему иноков от неопытных руководителей, преосвященный Игнатий приводит следующее сравнение. Он пишет, что взору заблудившихся в степях от утомления нередко представляются высокие дома и длинные улицы, заблудившийся идет по тому направлению – и тем самым вовлекается в исходное заблуждение; так и ищущим слова Божия в нынешней нравственной пустыне во множестве представляются великолепные призраки слова Божия. Эти призраки воздвигнуты из душевного разума, из ложного знания по букве, они, льстиво представляясь духовным эдемом, преизобилующим пищей, светом, жизнью, отвлекают души от истинной пищи, от истинного света, от истинной жизни, вводят несчастные души в непроницаемый мрак, изнуряют голодом, отравляют ложью, убивают вечной смертью. ⁵³⁶

Каждый делатель Иисусовой молитвы должен быть очень осторожен при выборе старца-руководителя и при принятии советов от старшей братии.

Епископ Игнатий знал, что иногда иноки, приступив к духовному подвигу с безрассудною ревностью и кровавым разгорячением, сразу же стремятся умом сойти в сердце, принимают действие крови за действие благодати и нередко впадают в расстройство неисправимое.

Чтобы предупредить делателей молитвы от душевного повреждения, Владыка неоднократно предостерегает инока, что он не должен отыскивать сердечное место, о котором пишут многие учителя молитвы. Истинному делателю Иисусовой молитвы соединение ума с сердцем даруется в свое время Божественной благодатью. Преждевременное искание сердечного места и желание благодатной сердечной молитвы есть намерение самое ошибочное, извращение порядка подвига, желание горделивое, приводящее к прелести.

Владыка Игнатий, предостерегая подвижника от стремлений к сердечной молитве, начертывает пред ним единственно безбедный путь духовного делания. Он пишет: «Предлагаю отцам и братьям убогий совет, умоляя их не отвергнуть убогого совета моего: не понуждайте себя преждевременно к открытию в себе сердечного молитвенного действия. Нужна благоразумная осторожность, особенно в наше время, когда уже невозможно почти встретить удовлетворительного наставника для этих предметов, когда подвижник должен пробираться сам, ощупью, при руководстве писаниями святых отцов, в сокровищницу знаний духовных, а также ощупью сам выбирать из них свойственное себе. При жительстве по Евангельским заповедям займитесь внимательною Иисусовою молитвою по способу св. Иоанна Лествичника, соединяя молитву с плачем, имея началом и целью молитву покаяния. В свое время, известное Богу, откроется само собою действие сердечной молитвы».⁵³⁷

В сочинениях некоторых святых отцов⁵³⁸ изложены наставления о художественном введении ума в сердце при

помощи естественного дыхания, или «механизма», способствующего достижению сердечной молитвы.

Епископ Игнатий не отвергал действенности в некоторых случаях названного механизма и признавал, что для знающих дело в нём нет ничего затруднительного, однако современных ему деятелей Иисусовой молитвы он со всею настоятельностью предупреждает от употребления каких бы то ни было вещественных механизмов. При опытном руководстве употребление вещественных пособий менее опасно, но при руководстве учением святых отцов по книгам вещественный механизм может привести делателя Иисусовой молитвы в прелесть и другие виды душевного и телесного расстройства, часто не поддающиеся врачеванию.

Все вещественные механизмы были предложены отцами единственно как второстепенное пособие, способствующее удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве. Неопытный же делатель может увидеть в них нечто существенное и, употребляя напрасные усилия, повредит себя.⁵³⁹

Епископ Игнатий пишет: «Советую возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли».⁵⁴⁰

Художественное введение ума в сердце может быть вполне заменено неспешным произнесением молитвы, краткой паузой после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием и заключением ума в слова молитвы. При этом простом и безопасном способе скоро можно достигнуть внимательной молитвы, при которой молящемуся уму скоро начнет сочувствовать сердце. Сочувствие сердца постепенно перейдет в соединение ума с сердцем, а когда это произойдет, механизм, о котором говорят великие наставники молитвы, явится сам собою.

Подвижники, которые достигли соединения ума с сердцем по благодати Божьей без механических пособий, единственно занимаясь внимательной молитвой, имеют более обильное и обширное действие сердечной молитвы, и при этом они

смиренно сознают великую милость к ним Бога, ниспославшего им такой великий дар.⁵⁴¹

Напротив, подвижник, достигший соединения сердцем усиленным принуждением себя при помощи вещественных пособий, не имеет обилия сердечной молитвы и не может не видеть своих трудов, своего механического способа, не может не приписать ему особой важности. «Это на тонком мысленном пути – значительный недостаток, значительное преткновение, значительное препятствие к развитию духовного преуспеяния... Ничтожное, незаметное упование на что-либо, вне Бога, может остановить ход преуспеяния...»⁵⁴²

Епископ Игнатий свидетельствует, что из тех, кто употреблял вещественные вспомогательные пособия, преуспеяния достигли весьма немногие, большинство же расстроилось и повредилось.⁵⁴³

Инокам и инокиням, руководствовавшимся в духовной жизни советами епископа Игнатия, Владыка нередко прямо запрещал употребление вещественных вспомогательных средств. В письме к одной инокине он пишет: «Вы, конечно, помните, что я завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в Добротолубии». В следующем письме к ней же епископ Игнатий пишет: «Что дыхание удерживаете вводить по художеству, изложенному в Добротолубии, – хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума».

Этим и довольствуйтесь, т.е. дышите тихо при молитве... И паки, – пишет он в том же письме, – от художества в ноздревом дыхании уклонитесь! Когда, Богу изволяюще, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили. Невежественное употребление вещественных способов приводит иногда к сильному разжению плотского вожделения».

Долгий опыт старческого руководства показал еп. Игнатию, что от неправильного, чрезмерного употребления вещественных способов с делателями Иисусовой молитвы могут иногда

случаться весьма прискорбные случаи, о которых он счел нужным поведать инокам для предостережения их и предотвращения этих случаев.

Преосвященный Игнатий пишет,⁵⁴⁴ что всякое вообще умственное занятие имеет свойство производить жар в теле. Этот жар непременно должны ощутить в себе те, кто будет сильно понуждать себя к соединению ума с сердцем или помощи вещественных пособий, забывая, что они имеют второстепенное значение, и не давая должного значения духовным пособиям. Вещественные усилия, употребляемые при молитве, порождают теплоту в сердце. Эта теплота вполне вещественна, так как она явилась от вещественного подвига. Она принадлежит к области падшего естества, к плоти и крови. Всякий член человеческого тела от сильного трения согревается, так же происходит и с сердцем от постоянного, продолжительного напряжения. Кровяная теплота, образовавшаяся в сердце, имеет свойство переходить по разным местам груди и очень легко может упасть на нижнюю часть чрева, производя там сильное разжение.

Епископ Игнатий пишет, что он из опыта знает, что подвижник, пришедши в такое плачевное состояние, впадает в смущение, уныние и даже отчаяние. Многие, находясь в столь бедственном состоянии, обратились за помощью к старцам, имевшим громкое имя, но опытно не знакомым с умным деланием. Старцы, услышав, что при занятии умной молитвой произошло сильное разжение, признали в этом страшную прелесть. Приписав ошибочно плачевные последствия, происшедшие от неправильного употребления вещественных пособий Иисусовой молитве, подобные старцы предупреждали и многих других, что умное делание приводит к плачевным последствиям. К сожалению, многие поверили ошибочному мнению старцев из-за уважения к их громкому имени.

Однако возникшее бедствие можно легко устранить, не прекращая заниматься Иисусовой молитвой. Нужно в течение двух-трех дней прикладывать к воспаленным частям полотно, намоченное комнатной водой, а чтобы уменьшить кровяную теплоту, прекратить употреблять вещественное пособие –

прекратить принуждать ум с усилием сойти в сердце и не утруждать сердца, производя в нём жар чрезмерным удерживанием дыхания и напряжением сердца.

При правильной Иисусовой молитве не должно быть никакого неестественного напряжения. Нужно дышать тихо и ум приводить в соединение с сердцем также очень тихо. При этом нужно стараться, чтобы молитва действовала в верхней части сердца, где, по учению отцов, пребывает словесная сила души и где должно развиваться священнодействие молитвы. Возникновение плотской теплоты и производимого ею разжжения может быть сравнительно быстро устранено правильным подвигом, но большая опасность происходит в том случае, если неопытный подвижник, ощутив кровяную теплоту, примет ее за действие благодати и будет услаждаться ею, – в этом начало пагубного самообольщения. Принявший кровяную теплоту за духовную непременно возомнит о себе «нечто», будет сочинять себе наслаждения, омрачать и опутывать себя самомнением, всеми силами он будет усиливать напряжение при помощи вещественных пособий, – разжигая всё сильнее плотскую теплоту... Конец такого неправильного подвига – крайнее самообольщение и прелесть.

При правильном духовном подвиге, когда Божественная благодать осенит подвижника, и ум начнет сам собою соединяться в молитве с сердцем, тогда вещественная теплота совершенно исчезает. Молитвенный подвиг становится легким и совершенно свободным, в сердце же явится тонкая, невещественная духовная теплота, не производящая никакого разжжения. Она будет прохлаждать, просвещать, орошать, действовать как целительное духовное помазание и возбуждать неизреченную любовь к Богу, к людям, как повествует из своего опыта преподобный Максим Капсокалив.⁵⁴⁵

В заключение сего раздела приведем еще одно предостережение владыки Игнатия делателю Иисусовой молитвы.

Неусыпный делатель молитвы предупреждает всех иноков, занимающихся умным деланием, что оставление молитвенного подвига или промежутки в нём очень опасны. «Лучше, – пишет

он, – не начинать этого подвига, нежели оставить».⁵⁴⁶ Душу подвижника, оставившего умное делание, Владыка уподобляет хорошо обработанной земле, на которой удобно могут возрасти плевелы. В подобную душу подвижника, «отрекшуюся от блаженного союза с молитвою», бурным потоком вторгаются всевозможные страсти, они «стяжают особенную власть над такую душою, особенную твердость и прочность, запечатлеваются ожесточением и мертвостью сердца, неверием».⁵⁴⁷

Демоны, изгнанные из сердца человеческого молитвою, по оставлении ее возвращаются, разъяренные изгнанием, и бывает человеку тому *последняя... горше первых* (Мф. 12, 45). Вред от промежутков в молитве подобен вреду от совершенного оставления молитвы, он тем сильнее, чем длительнее период оставления молитвы. В периоды оставления молитвы враг рода человеческого засеивает в душе многих плевелы – страсти, борьба с которыми требует опять многих сил и продолжительного времени. «Молитва не доверяет себя делателям двоедушным и непостоянным», – пишет епископ Игнатий.

Велико таинство Иисусовой молитвы, но в силу извращенности человеческой природы, многие трудности могут встретиться на пути умного делания. Зная сие, каждый инок, занимающийся умным деланием, должен помнить основные предостережения епископа Игнатия: не вверять себя неопытному руководителю, не искать преждевременно при молитве «сердечного места», не употреблять вещественных механизмов и никогда не оставлять молитвы.

9. Плоды Иисусовой молитвы

Епископ Игнатий большинство своих произведений об Иисусовой молитве писал, имея в виду потребность новоначальных, потребность большинства. Новоначальным не всегда бывает полезным знать, чего сподобляются совершенные, чтобы, возгоревшись желанием получить высшие блага, они не оставили необходимого первоначального подвига и этим не повредили себе. По этой причине владыка Игнатий

больше говорит о первоначальных плодах Иисусовой молитвы, а «последние» плоды, о которых говорится в Добротолубии, Владыка предлагает познать «блаженным опытом» делания Иисусовой молитвы.⁵⁴⁸

При анализе творений и писем еп. Игнатия становится очевидным, что сам Владыка, несомненно, был причастником не только «первоначальных» даров Иисусовой молитвы, но и высших даров, последующих за первоначальными. Однако по своему истинному смирению он пишет о них очень мало и при этом всегда словами Священного Писания или приводит цитаты из творений святых отцов об этих дарованиях.

Первоначальные плоды Иисусовой молитвы⁵⁴⁹ появляются уже в процессе обучения умному деланию: они рождаются молитвой и в то же время питают сами и укрепляют молитвенное делание. Прежде всего, как уже говорилось, при всякой правильной молитве, особенно же при молитве Иисусовой, рождается **внимание**, от внимания появляется **умиление** и, в свою очередь, усугубляет внимание. Внимание и умиление доставляют молитве глубину, и постепенно оживляя сердце, они приносят молитве чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление являются дарами Божиими, человек же своими трудами только доказывает свое желание получить их. Следующий плод правильной молитвы – расширяющееся зрение согрешений, своей греховности; зрение своих грехов усиливает умиление и обращается в плач. Затем приходит ощущение присутствия Божия и живое воспоминание о смерти, страх суда и вечного осуждения. Эти плоды молитвы сопровождаются плачем и со временем осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий есть действие Святого Духа, это действие (ощущение) совершенно новое, непонятное плотскому человеку, его невозможно даже уподобить никакому душевному ощущению. От страха Божия в делателе Иисусовой молитвы начинают удаляться, «истаявать» страсти, а ум и сердце привлекаются к непрерывной молитве. После дальнейшего преуспевания в молитве приходит в душу делателя ощущение тишины, смирения, любви к Богу и

ближним, терпение скорбей. Любовь к Богу и ближним появляется постепенно от страха Божия, она вполне духовна и бесконечно отличается от любви, порожденной человеческим естеством. Она не различает добрых от злых, неизъяснимо свята, тонка и смиренна. Терпение скорбей, порождаемое Иисусовой молитвой, бывает всесовершенным. Стяжавший его смотрит на свои скорби как на поущение и врачевание Божие.⁵⁵⁰

Подвижник, достигший этих даров, влечется к исполнению заповедей с легкостью и радостью, в то же время как при начале подвига он исполнял заповедь с величайшим трудом, принуждая свое падшее естество.

Все перечисленные здесь дары относятся, по словам еп. Игнатия, к первоначальным плодам Иисусовой молитвы, к дарам великой цены, залогом даров высших и вечных,⁵⁵¹ — они, безусловно, весьма и весьма велики, но каждый инок, постоянно и с истинным смирением подвизающийся на поприще умного делания, «Богу содействующу», может со временем стать причастником их в большей или меньшей степени.

Как уже говорилось, о высших дарованиях еп. Игнатий говорит очень кратко, в «Слове о поучении, или памяти Божией» он пишет, обращаясь к иноку: «Ты не можешь представить себе тех богатств, которых соделаешься наследником в свое время, стяжав навык непрестанно памятовать Бога. На ум и сердце новонаначального *не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9).⁵⁵²

Там же Владыка пишет, что упражняющийся в непрестанном поучении становится от него как бы «упоенным», как бы принадлежащим сему миру и вместе не принадлежащим, чуждым ему, принадлежащим по телу, не принадлежащим по уму и сердцу,⁵⁵³ и как упоенный чувственным вином забывает горе и все свои земные достоинства, так и упоенный Божественным поучением становится совершенно равнодушным ко всему земному. Единственное его стремление — *прилепятся Богу* (Пс. 72:28).⁵⁵⁴

В «Слове о молитве умной, сердечной и душевной» Владыка пишет, что когда ум, сердце делателя Иисусовой

молитвы соединятся воедино и он соделается храмом Духа Святого, тогда в душе его воссияет непостижимый мир Христов, а за миром следует весь лик дарований Христовых и плодов Святого Духа, перечисляя которые, епископ Игнатий употребляет слова апостола Павла – *любь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал.5:22–23).⁵⁵⁵

Каждый инок, вступивший на поприще умного делания, должен знать, что многие и дивные плоды приносит Иисусова молитва. Она человека плотского перерождает в духовного, делает человеческую душу храмом, в котором может обитать Сам Бог. Но бывает причастником плодов умного делания лишь тот, кто искренне сознает, что он недостойн по своей греховности к принятию высших даров и в покаянии и глубоком смирении постоянно пребывает в умном делании.

Заключение

Изучая жизнь и творения приснопамятного епископа Игнатия (Брянчанинова), невольно склоняешься перед величием его духовного образа.

В нём мы видим редкое сочетание многих естественных дарований и приобретенных целожизненным подвигом христианских добродетелей. Был святитель Игнатий причастником и благодатных даров.

От природы он имел светлый ум, любвеобильное сердце и поэтический талант. Эти дарования Брянчанинов не принес в жертву суете и тлению, а посвятил Богу и близким. Он от юности отдал себя с редким самоотречением на службу Господу и Его Святой Церкви.

Всецело руководствуясь в своей подвижнической жизни нравственным преданием Православной Церкви, святитель-аскет опытно постиг подвиг покаяния, преуспел в умном делании, стяжал любовь к ближним и Богу и приобрел редкую рассудительность и многие другие добродетели. Его же непоколебимая детская вера достойна благоговейного удивления. Способность владыки Игнатия видеть состояние человеческих душ и руководить их ко спасению, а также его проникновение в будущую судьбу Церкви являются дивным и благодатным даром. Все перечисленные и многие другие дарования почившего Владыки привлекали к нему людей, имевших жажду духовной жизни. Лучшие современники видели в нём истинного светильника христианства и всей душой стремились прилепиться к нему. Многие ревностные иноки, религиозная интеллигенция и простой глубоко религиозный народ составляли большую духовную семью богомудрого Архипастыря.

Духовный авторитет и влияние Владыки среди своих пасомых были велики. Современники высоко ценили разнообразные выдающиеся дарования еп. Игнатия. Один из них писал о нём: «Он бы мог быть новым Ришелье, и мог бы управить не хуже знаменитого кардинала кормою царства; мог

бы даже быть и Никоном на время, но этого и не попустил Господь». Так думали о Владыке некоторые его современники, но сам он никогда не помышлял о духовной карьере, земной славе. Его душа с детства жаждала уединения и истинных монашеских подвигов в полной неизвестности.

Несмотря на многие выдающиеся способности, преосвященный Игнатий смиренно признавал, что «не всем быть листьями, цветами, плодами на древе государственном, надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми».

Одним из таких существенно необходимых занятий святитель признавал служение словом – утверждение ближних в вере и христианской нравственности.

Поистине, еп. Игнатий всю свою жизнь и был тем живительным корнем, который возбуждал духовную жизнь множества людей, которые затем зеленели, цвели и плодоносили на древе Российской Церкви.

По собственному признанию Владыки, служение словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. Подвиг служения ближним словом назидания было для него источником радости и утешения на поприще его многоскорбной жизни.

«Служение братии Словом Божиим!.. Какою восхитительною, насладительною картиною представлялась очам души моей это служение...» – писал Преосвященный. – ...Бесконечно милосердный Бог подал мне в руки это служение! Не только подал мне в руки, но и извещает многим душам искать от меня этого служения!.. Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих – иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берега Волхова, иная – с берега Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из дворца царского. Душа, где бы ни была она поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в слове Божиим, везде падение гнетет ее, давит. Произношу слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, составляю

некоторые книги, которые могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением. От служения Слову раздается в душе моей какой-то неизреченный радостный голос удостоверения в спасении». Служение еп. Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение Владыки о духовной жизни христианина, изложенное им в его творениях, служит спасению христиан всех последующих поколений. Еще при жизни владыки Игнатия его творения разошлись по многим обителям русской земли и получили высокую оценку. Саровская пустынь приняла «Аскетические опыты» с «особенной любовью». В Киево-Печерской Лавре, Оптиной пустыни, Усть-Медвецкой обители, в Николо-Бабаевском монастыре, в обителях С.-Петербургской, московской, кавказской, ставропольской и других епархиях творения Владыки были признаны душеспасительными книгами, отражающими аскетические предания православного подвижничества, применительно к духовным требованиям иночества того времени. Даже на далеком Афоне творения еп. Игнатия получили известность и вызвали благоговейное почитание их автора.

Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях преосвященного Игнатия всестороннее руководство духовной жизни. С.-Петербургский митрополит Исидор в письме от 7-го апреля 1867 года писал Владыке: «Получив сегодня третий и четвертый том сочинений Вашего преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о глубоком изучении душеспасительного учения богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни. Не могу не выразить при сём душевного сожаления, что слабеющие силы отказывают служить крепкому духу Вашему в продолжении подвигов на том духовном ученом поприще, на котором мы давно не видели столь усердных тружеников».

Костромской архиепископ Платон, ознакомившись с творениями святителя Игнатия, с благодарностию писал ему: «...Среди чтения подали Ваши аскетические писания. Тотчас

беру в руки их и слышу в них звуки святоотеческой гармонии, наслаждаюсь духом древних отцов... Раскрываю прежде всего «Плач мой», так и чувствуется св. Ефрем. Приимите, Владыка святой, живейшую благодарность за доставление мне трудов Ваших. Да послужат они во благо Церкви, как труды святителя Тихона и да сподобит Вас Господь чести святителя Тихона и преподобных и богоносных отцов.

В Церкви Вы оставили памятник своего духовного делания. Ныне же я рекомендую всей епархии писания Ваши. Да возродится во всём духовенстве желание к приобретению и усердие к чтению Ваших подвижнических писаний».

Прекрасно раскрывает значение творений еп. Игнатия для христиан того времени архимандрит Игнатий (Малышев), ученик и первый келейник святителя Игнатия. Сравнивая свое время со временами пророка Илии, архимандрит Игнатий (Малышев) пишет: «Тогда томилось человечество, томится и теперь, не голодом пищи, но голодом слышания слова Божия. Вы отверзли небо, потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях... Ваша книга – книга жизни! И учение воды живой, наполняющей души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во время пророка».

И не только монашествующие, но и лучшие представители белого духовенства и миряне из многих городов (Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, Арзамаса, Ставрополя, Брянска и др. городов) выразили старцу-святителю, находившемуся на одре последней болезни, искреннюю благодарность за то духовное богатство, которое он заключил в своих творениях.

После смерти еп. Игнатия интерес к его личности и творениям среди иноков и боголюбивых мирян непрерывно возрастал. Появление в свет второго (1878) и третьего (1905) изданий полного собрания сочинений Владыки и неоднократное издание отдельных его творений наглядно свидетельствуют о том, что произведения архипастыря-подвижника отвечали духовным запросам христиан и имели большой спрос.

Многотысячные издания творений владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам всей Русской земли. Только одному Господу Богу ведомо количество лиц, читавших их и получивших от них правильное направление в духовной жизни.

Можно с уверенностью сказать, что в полной мере сбылось замечательное предчувствие ученика еп. Игнатия, впоследствии архиепископа Ярославского Леонида, высказанное им в год смерти Владыки. «Я уповаю, – говорил он, – что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного Святителя; в его жизни и писаниях они постараются найти, и найдут что может быть общедушеспасительное».

Еп. Игнатий явился славным предтечей самобытных русских писателей-аскетов, богословов: еп. Феофана Затворника, схиеромонаха Амвросия и других оптинских старцев. Позднейшие русские христианские писатели в вопросах духовной жизни нередко ссылаются на произведения епископа Игнатия как на непререкаемый авторитет.

Его учение об умном делании нашло отражение в сборнике об Иисусовой молитве, изданном Валаамским монастырем наряду с учением еп. Феофана Затворника.

Многие известные архипастыри и пастыри конца 19-го и начала 20-го веков руководствовались в своей пастырской душепопечительной деятельности сочинениями преосвященного Игнатия. В 1915 году архиепископ Тверской и Кашинский Серафим,⁵⁵⁶ заботясь о возрождении приходской жизни своей епархии, рекомендовал пастырям чтение творений еп. Игнатия. Он писал: «Нельзя не читать сочинений Игнатия Брянчанинова... и других подвижников. Не рекомендую «Добротолубие», с этого начинать нельзя, но ручаюсь, что прочитавший Игнатия Брянчанинова поразится своему неведению и получит высшее наслаждение».⁵⁵⁷

Известные оптинские старцы Варсонофий, Нектарий, Никон, старец Елеазаровской обители схиархимандрит Гавриил относились с большим уважением к личности и писаниям Владыки.

И поныне многие миряне находят в творениях еп. Игнатия источник живой воды, утоляющий духовную жажду.

Для монашествующих еп. Игнатий был и есть в полном смысле слова «учитель иноков». Его «Приношение современному монашеству» должно быть настольной книгой для каждого инока, желающего идти путем правильного телесного и духовного подвига. Пастырь-проповедник, руководствуясь учением преосвященного о духовной жизни христианина, будет вести своих пасомых по пути спасения, а в его сочинениях сможет почерпнуть неиссякаемый материал для своих проповедей.

Ученый богослов в творениях Владыки найдет кристаллически чистое православное учение по многим актуальным богословским вопросам.

Архипастырь в облагодатствованном церковнообщественном служении еп. Игнатия может найти пример самоотверженного служения Церкви.

Образ архипастыря-подвижника преосвященного Игнатия, и поныне живет в сердцах лучших христиан, а его учение о духовной жизни служит им руководством на пути к вечному небесному отечеству.

В возрожденных духовных школах Русской Церкви еп. Игнатий по справедливости считается одним из виднейших представителей аскетической проповеди 19 века. Проповеди владыки Игнатия, явившиеся отражением всего его аскетического учения, изучаются как в духовных семинариях, так и академиях.

Столетие со дня смерти святителя Игнатия было отмечено Ленинградской и Московской Академиями в Докладах, посвященных этому юбилею. В Московской Духовной Академии на тему доклада была устроена выставка памяти почившего Святителя.

Заканчивая работу, хочется привести слова одного из почитателей владыки Игнатия наших дней архиепископа Михаила (Чуба). В статье, посвященной столетию со дня преставления «епископа-аскета», он пишет: «Если при жизни епископа Игнатия знакомство с ним, с его деятельностью и с его

письменными трудами было уделом лиц, имевших с ним те или иные сношения, его друзей и попечителей, то впоследствии его имя стало известным как имя одного из наиболее авторитетных руководителей на путях, ведущих человеческую душу к Богу и к вечной жизни». ⁵⁵⁸

Примечания

¹ - В данной работе творения святых отцов будут цитироваться по сочинениям епископа Игнатия. Это вызвано тем, что приведенные в сочинениях Владыки выдержки из святоотеческих творений не всегда идентичны имеющимся в настоящее время изданиям святых отцов. Разночтения в цитатах, приведенных в сочинениях епископа Игнатия и в имеющихся изданиях объясняются тем, что преосвященный автор пользовался изданиями, которые в настоящее время представляют библиографическую редкость. При написании нашей работы мы пользовались изданием СПб, 1905 г.

² - Соч., т. 1, стр. 561–562.

³ - См., напр., “Житейское море”, Соч., т. 1, стр. 362.

⁴ - В этом же письме Владыка сравнивает жизнь в многолюдном городе с обширным лесом, в котором можно заблудиться.

⁵ - С исчерпывающей полнотой учение о смерти и загробной участи человеческой души изложено епископом Игнатием в “Слове о смерти”. См. Соч., т. 3, стр. 69–184.

⁶ - Соч., т. 2: “Слово о спасении и христианском совершенстве”, стр. 328

⁷ - Там же, стр. 328.

⁸ - Там же, стр. 329.

⁹ - Там же.

¹⁰ - Там же.

¹¹ - Соч., т. 2, стр. 330.

¹² - Соч., т. 4, стр. 440.

¹³ - Там же, стр. 328. Эти же условия в несколько другой последовательности указаны Владыкой и во 2-м томе. Стр. 335–338.

¹⁴ - Соч., т. 4, стр 329.

¹⁵ - Соч., т. 2, стр 335.

¹⁶ - Соч., т. 4, стр 207.

¹⁷ - Там же, стр. 208.

¹⁸ - Соч., т. 2, стр. 339.

¹⁹ - Там же, стр. 341.

²⁰ - Соч., т. 4, стр. 331.

²¹ - Там же.

²² - Соч., т. 2, стр. 347 и т. 4, стр. 331–332.

²³ - Там же, стр. 335.

²⁴ - Там же, стр. 332.

²⁵ - Там же.

²⁶ - Соч., т. 6, “Отечник”. Признавая единство Христова идеала, мы только из практического удобства в настоящей работе разбираем отдельно духовную жизнь мирянина и духовную жизнь монаха. Фактически почти всё, кроме нестяжания и девства, в духовной жизни монаха может быть применено и к духовной жизни мирянина

²⁷ - Соч., т. 2, стр. 344.

²⁸ - Соч., т. 1, стр. 120.

²⁹ - Там же, стр. 108.

³⁰ - Там же, стр. 113.

³¹ - Там же, стр. 109.

³² - Там же, стр. 109.

³³ - Там же, стр. 109–110.

³⁴ - Там же.

³⁵ - Там же.

³⁶ - Там же, стр. 108.

³⁷ - В следующем разделе об этом будет сказано подробнее.

³⁸ - Прекрасно об этом сказано Владыкой в одном из писем. Он пишет “Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину, и святые отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные духовные перлы: хриstopодражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное

бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные – словом сказать, находили Евангелие”.

³⁹ - Соч., т. 1, стр. 112.

⁴⁰ - Там же, стр. 113.

⁴¹ - Там же.

⁴² - В письме к сестре Е. А. Владыка пишет: “Духовные книги должна читать понемногу, чтоб ум не пресыщался чтением. С умом случается то же, что и с желудком, который, пресытившись, отвращается и от лучшей пищи”.

⁴³ - Соч., т. 1, стр. 114.

⁴⁴ - В одном из писем епископ Игнатий начинает перечисление книг для чтения мирянина с Четьи Миней, которые могут предшествовать чтению святых отцов.

⁴⁵ - См. о нём подробнее “Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь”. М., 1910, стр. 286–291.

⁴⁶ - См. о нём подробнее “Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май”. М., 1908, стр. 232.

⁴⁷ - О связи покаяния с верой епископ Игнатий говорит в первом поучении в неделю по Богоявлению, “...покаяние необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа, – оно необходимо для пребывания в вере, для преуспевания о Христе; оно необходимо и для живой веры во Христа” (соч., т. 4, стр. 10).

⁴⁸ - “Лествица”: Слово 4, и еп. Игнатий, соч., т. 1, стр. 101.

⁴⁹ - Соч., т. 1, стр. 102.

⁵⁰ - Там же, стр. 102 и св. Исаак Сирский, слово 90.

⁵¹ - Там же, стр. 99.

⁵² - Соч., т. 4, стр. 11.

⁵³ - Там же, стр. 35.

⁵⁴ - Там же, стр. 12.

⁵⁵ - Там же, стр. 17.

⁵⁶ - Данный раздел в основном написан по проповедям епископа Игнатия: т. 4, стр. 77–78, 115–135.

- ⁵⁷ - Там же, стр. 130–131.
- ⁵⁸ - Там же, стр. 116.
- ⁵⁹ - Там же, стр. 117 и Нравоучение 46-е в беседах на Евангелиста Иоанна.
- ⁶⁰ - Там же, стр. 120.
- ⁶¹ - Соч., т. 1, стр. 121.
- ⁶² - Соч., т. 4, стр. 123. О том, что благодать кладет свой отпечаток на лице причастника, епископ Игнатий говорит в одном из своих писем “Алексей П. сегодня приобщился Св. Таин. После приобщения лицо его получило необыкновенно приятное выражение”, – пишет он
- ⁶³ - Там же, стр. 123.
- ⁶⁴ - Соч., т. 4, стр. 123 и Добротолюбие, т. 2, гл. 92.
- ⁶⁵ - Служебник. Молитва перед причащением.
- ⁶⁶ - Соч., т. 4, стр. 127.
- ⁶⁷ - Там же, стр. 125.
- ⁶⁸ - Там же, стр. 77–78.
- ⁶⁹ - Там же, стр. 77–78
- ⁷⁰ - Там же, стр. 135.
- ⁷¹ - Соч., т. 1, стр. 140–167: “О молитве”; стр. 289–300; “Чин внимания себе для живущего посреди мира”.
- ⁷² - Соч., т. 1, стр. 140.
- ⁷³ - Там же, стр. 140.
- ⁷⁴ - Там же, стр. 140.
- ⁷⁵ - Подробнее о необходимости покаянного чувства при молитве будет сказано в 4-й главе II-ой части данной работы.
- ⁷⁶ - Подробно учение епископа Игнатия об Иисусовой молитве будет изложено в последней главе II-й части данной работы. Здесь только изложено, в какой мере умное делание, как считал Владыка, может быть доступно мирянину.
- ⁷⁷ - Соч., т. 1, стр. 142.
- ⁷⁸ - Там же, стр. 150.
- ⁷⁹ - Соч., т. 4, стр. 345.
- ⁸⁰ - Соч., т. 1, стр. 527.

- 81 - Соч., т. 2, стр. 120.
82 - Соч., т. 1, стр. 525.
83 - Там же.
84 - Там же, стр. 526.
85 - Там же.
86 - Там же, стр. 529–530.
87 - Там же, стр. 528.
88 - Там же, стр. 526.
89 - Там же, стр. 529.
90 - Там же, стр. 289.
91 - Там же, стр. 300 и Патерик Скитский.
92 - Там же, стр. 375.
93 - Там же, стр. 544–551.
94 - Там же, стр. 373 и Алфавитный Патерик.
95 - Там же, стр. 375.
96 - Там же.
97 - Соч., т. 2, стр. 121.
98 - Соч., т. 1, стр. 300.
99 - Там же, стр. 527.
100 - Там же.
101 - Там же, стр. 527.
102 - Там же, стр. 298.
103 - Там же, стр. 378.
104 - Там же, стр. 379.
105 - Там же, стр. 377.
106 - Там же, стр. 379.
107 - Там же, стр. 377.
108 - Там же, стр. 381.
109 - Соч., т. 4, стр. 450.
110 - Соч., т. 5, стр. 87. Учение епископа Игнатия о любви к Богу будет изложено в следующей главе.
111 - Соч., т. 1, стр. 124.
112 - Там же.

- 113 - Там же.
114 - Там же, стр. 123.
115 - Там же, стр. 125.
116 - Там же.
117 - Соч., т. 4, стр. 261.
118 - Там же.
119 - Там же, стр. 262.
120 - Соч., т. 1, стр. 127.
121 - Там же.
122 - Соч., т. 4, стр. 262.
123 - Соч., т. 2, стр. 52.
124 - Там же, стр. 52–53.
125 - Там же.
126 - Там же, стр. 53.
127 - Там же, стр. 67.
128 - Там же, стр. 61.
129 - Страх Господень есть один из семи даров Духа Святого, о котором говорит пророк Исаия (Ис.11:2–3).
130 - Соч., т. 4, стр. 258.
131 - См. Пс.110:10; Пс.33:12; Иер.32:40; Сир.1:18,27.
132 - Соч., т. 2, стр. 64–65.
133 - Там же.
134 - Там же, стр. 69.
135 - Там же, стр. 64–65.
136 - Там же, стр. 66.
137 - Соч., т. 4, стр. 257–258.
138 - Соч., т. 1, стр. 129–130.
139 - Там же, стр. 120.
140 - Соч., т. 4, стр. 253.
141 - Там же, стр. 252, 254, 255.
142 - Там же, стр. 256.
143 - Там же, стр. 254–255.
144 - Там же, стр. 256.

- 145 - Соч., т. 2, стр. 73–74.
146 - Там же.
147 - Там же, стр. 74–75.
148 - Соч., т. 1, стр. 117.
149 - Там же, стр. 117–118.
150 - Там же, стр. 115.
151 - Там же, стр. 117.
152 - Там же, стр. 230.
153 - Там же.
154 - Там же, стр. 232.
155 - Там же, стр. 231–232.
156 - Там же, стр. 222.
157 - Там же, стр. 223.
158 - Там же, стр. 235–236.
159 - Соч., т. 5, стр. 63–64.
160 - Соч., т. 1, стр. 240.
161 - Там же.
162 - Там же, стр. 245.
163 - Там же, стр. 247.
164 - Там же, стр. 248.
165 - Там же, стр. 249.
166 - Там же, стр. 253, 254.
167 - Там же, стр. 106.
168 - Там же.
169 - Отечник, стр. 22.
170 - Список монастырей, в которых жил епископ Игнатий: 1. Александро-Свирский монастырь; 2. Пощанская пустынь; 3. Свенский монастырь; 4. Белобережская пустынь; 5. Оптина пустынь; 6. Кирилло-Новоезерский монастырь; 7. Семигородская пустынь; 8. Дионисиево-Глушицкий монастырь; 9. Лопотов монастырь; 10. Троице-Сергиева пустынь; 11. Николо-Бабаевский монастырь. Монастыри С.-Петербургской епархии, которые неоднократно посещал архимандрит Игнатий, исполняя должность благочинного монастырей: 12. Александро-

Невская Лавра. 13. Валаамский монастырь. 14. Троице-Зеленецкий монастырь. 15. Рождественско-Коневский монастырь. 16. Введенский Островский монастырь. 17. Николаевский Староладожский монастырь. 18. Богословский Черемнецкий монастырь. 19. Успенский Староладожский монастырь. Монастыри других епархий, которые епископ Игнатий посетил в течение своей жизни (в основном сведения об этих посещениях сохранились в письмах епископа Игнатия): 20. Троице-Сергиеву Лавру; 21. Вифанию; 22. Чудов монастырь; 23. Ново-Спасский монастырь; 24. Симонов монастырь; 25. Донской монастырь; 26. Юрьев монастырь в г. Новгороде; 27. Спасо-Бородинский монастырь; 28. Николо-Угрешский монастырь; 29. Черноморскую пустынь; 30. Иоанно-Предтеченский (около Ставрополя); 31. Лебяжинскую пустынь.

¹⁷¹ - Соч., т. 1, стр. 456 – “О монашестве”

¹⁷² - Слово “монах” происходит от греч. – один монах – человек, живущий уединенно или в одиночестве, проводящий жизнь, отличную от обыкновенной, всем общей жизни, – есть жителство иное. По мнению еп. Игнатия, от этого “иноного жития” в русск. яз. и образовалось наименование “иночества”. Монах по-русски – “инок”. См. т. 1, стр. 467.

¹⁷³ - Соч , т. 1, стр. 459.

¹⁷⁴ - Приведя это свидетельство, еп. Игнатий замечает, что из описания Филона не видно, были ли ферапевты христианами, т.к. его писание, как светского писателя, поверхностно, и в его время многие не отличали христианство от иудейства, признавая первое сектою второго (т. 1, стр. 460–461).

¹⁷⁵ - Соч , т. 1, стр. 467. “Основные обеты монашества”.

¹⁷⁶ - Там же, стр. 468.

¹⁷⁷ - Там же и “Лествица”, Слово 2, гл. 9.

¹⁷⁸ - Там же, стр. 469.

¹⁷⁹ - Там же, стр. 469.

¹⁸⁰ - Соч , т. 2, стр. 346 и т. 1, стр. 471.

¹⁸¹ - Там же.

¹⁸² - Соч., т. 1, стр. 477–478.

- ¹⁸³ - Там же, стр. 477.
- ¹⁸⁴ - Митр. Дмитровским в 1788–1799 г. См. Павел Строев. “Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви”, СПб., 1877, стр. 133
- ¹⁸⁵ - Соч., т. 1, стр. 478
- ¹⁸⁶ - Там же.
- ¹⁸⁷ - Там же.
- ¹⁸⁸ - Там же, стр. 479. В письме к монахине Вирсавии еп. Игнатий писал: “Замечено, что ныне стало поступать в монастырь из мира очень мало благонамеренных, неиспорченных людей”.
- ¹⁸⁹ - Там же.
- ¹⁹⁰ - Там же, стр. 478.
- ¹⁹¹ - Там же, стр. 564, “Плач мой”.
- ¹⁹² - Там же.
- ¹⁹³ - Соч., т. 5, стр. 3, Предисловие.
- ¹⁹⁴ - Соч., т. 1, стр. 477.
- ¹⁹⁵ - Там же, стр. 480.
- ¹⁹⁶ - Там же, стр. 481.
- ¹⁹⁷ - Исключения из этого правила весьма редки. Например, прп. Павел Препростый, но и его первоначально прп. Антоний Великий по старости не хотел принимать в обитель, считая, что “старость не способна к иноческим подвигам”. Павлу Препростому было 60 лет.
- ¹⁹⁸ - Соч., т. 1, стр. 482.
- ¹⁹⁹ - Все поручения и должности в монастырях называют послушаниями, т.к. исполняются не по своей воле, а за послушание.
- ²⁰⁰ - Новоначальным называется человек, начинающий путь иноческой жизни.
- ²⁰¹ - Соч., т. 5, стр. 8.
- ²⁰² - Там же, стр. 273–274.
- ²⁰³ - Там же, стр. 24.
- ²⁰⁴ - Там же, стр. 23–24.

- 205 - Там же.
- 206 - Там же.
- 207 - Там же, стр. 25.
- 208 - Там же.
- 209 - Соч., т. 1, стр. 133.
- 210 - Там же.
- 211 - Соч., т. 4, стр. 86.
- 212 - Соч., т. 2, стр. 357.
- 213 - Соч., т. 1, стр. 136.
- 214 - Еп. Игнатий писал: “Мы уклоняемся от употребления мяса не потому, что считаем их нечистыми, но потому, что они производят особенную дебелость во всём нашем составе, препятствуют духовному преуспеянию (Соч., т. 1, стр. 138). Владыка признавал, что для мирских людей, занятых усиленным физическим трудом, употребление мяса необходимо, но и им постоянное употребление мяса вредно.
- 215 - Соч., т. 1, стр. 138–139.
- 216 - Там же.
- 217 - Соч., т. 4, стр. 89.
- 218 - Соч., т. 1, стр. 135 и прп. Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова: Слово 8, “О посте и смирении”.
- 219 - Там же.
- 220 - О связи поста с милостью и молитвою см. “Поучение епископа Игнатия в V40;-ю неделю Великого Поста”, т. 4, стр. 102.
- 221 - Там же, стр. 89.
- 222 - Там же, стр. 90.
- 223 - При написании этого раздела использована статья “О поклонах”, т. 5, стр. 101–103.
- 224 - Там же, стр. 101.
- 225 - Там же, стр. 101–102.
- 226 - Там же.
- 227 - Там же.

²²⁸ - Там же, стр. 103.

²²⁹ - Там же, стр. 29.

²³⁰ - В одном из писем к игумену Антонию епископ Игнатий писал, что в 1829 году он приехал в Новоезерский монастырь и беседовал с известным старцем архимандритом Феофаном. После нескольких бесед послушник Димитрий убедился, что старец прямо отвергал духовное делание и был весьма мало начитан. Далее Владыка пишет, что сам архимандрит Феофан проводил жизнь весьма строгую и благочестивую. Из этого краткого сообщения видно, что 22-х летний послушник в знании духовного подвига намного превосходил маститого старца – искреннего делателя лишь одного телесного подвига.

²³¹ - “Правила...” занимают с 1 по 28 стр. “Советы...” с 29 по 385 стр.

²³² - Соч., т. 5, стр. 30.

²³³ - Там же, стр. 29. Святые отцы это занятие называют различно: душевное делание, умный подвиг, блюдение ума, хранение сердца.

²³⁴ - Соч., т. 5, стр. 32, “Об изучении Евангельских заповедей”

²³⁵ - Там же, стр. 37. “Лествица”, Слово 1, гл. 4.

²³⁶ - Соч., т. 5, стр. 37, Наставление 2-е, изд М., 1844.

²³⁷ - Там же, стр. 32–34.

²³⁸ - Там же, стр. 38.

²³⁹ - Там же.

²⁴⁰ - Там же.

²⁴¹ - Там же.

²⁴² - Там же, стр. 39.

²⁴³ - Там же.

²⁴⁴ - Там же, стр. 53.

²⁴⁵ - Там же.

²⁴⁶ - Там же, стр. 53–54. “Лествица”, Слово 4-е.

²⁴⁷ - Там же, стр. 50. “Лествица”, Слово 4-е.

²⁴⁸ - Там же, стр. 51.

- 249 - Там же, стр. 52. “Лествица”, Слово 27, гл.78.
- 250 - Там же.
- 251 - Соч., т. 2, стр. 171.
- 252 - Там же.
- 253 - Там же.
- 254 - Там же, стр. 172.
- 255 - Там же, стр. 171. Это не относится, конечно, к духовнику или старцу, которым новоначальный должен всё открывать.
- 256 - Соч., т. 5, стр. 100.
- 257 - Соч., т. 2, стр. 175.
- 258 - Там же.
- 259 - Там же.
- 260 - Слова в скобках добавлены еп. Игнатием для лучшего уяснения смысла цитаты.
- 261 - Соч., т. 2, стр. 175–176 и св. Исаак Сирский, Слово 17.
- 262 - Соч., т. 5, стр. 104.
- 263 - Соч., т. 2, стр. 173–174.
- 264 - Там же.
- 265 - Соч., т. 5, стр. 106.
- 266 - Соч., т. 2, стр. 178.
- 267 - Там же, стр. 184.
- 268 - Там же, стр. 184–185.
- 269 - Там же.
- 270 - Соч., т. 5, стр. 99.
- 271 - Там же, стр. 98.
- 272 - Соч., т. 2, стр. 186.
- 273 - Там же, стр. 187. Из 1-й утренней молитвы «От сна восстав».
- 274 - Там же. Из 6-й утренней молитвы “Тя благословим. ”
- 275 - Там же.
- 276 - Там же, стр. 187–188.
- 277 - Соч., т. 5, стр. 112.

- 278 - Суждение епископа Игнатия, см. Соч., т. 2, стр. 191.
- 279 - Святые отцы непрестанную молитву иногда называют “Поучением” или “памятью Божией”.
- 280 - Соч., т. 2, стр. 192.
- 281 - Там же, стр. 192–193.
- 282 - Там же.
- 283 - Подробнее о плодах непрестанной молитвы будет сказано в разделе “Плоды Иисусовой молитвы”.
- 284 - Соч., т. 5, стр. 113 и св. Исаак Сирский, слово 69.
- 285 - Там же, стр. 113.
- 286 - Данный раздел написан на основе 27 гл. V-го тома, стр. 118.
- 287 - Там же, стр. 118.
- 288 - Там же.
- 289 - Там же, стр. 119.
- 290 - Там же, стр. 119.
- 291 - Там же, стр. 119.
- 292 - Там же, стр. 144.
- 293 - Там же, стр. 146. Епископ Игнатий считал, что каждый монах должен иметь правильное понятие о духах добрых и злых и о их влиянии на людей. Тот вопрос Владыка с исчерпывающей полнотой изложил в “Слове о чувственном и о духовном видении духов”, т. 3, стр. 3–67.
- 294 - Старцем наз. монах-наставник не всегда преклонных лет, но преуспевший в духовной жизни и способный руководить духовной жизнью других. Старец по мудрости, а не по годам.
- 295 - Соч., т. 5, стр. 3–4. Подобные же мысли Владыка часто высказывал в письмах.
- 296 - Соч., т. 1, стр. 485.
- 297 - Соч., т. 5, стр. 78.
- 298 - Там же, стр. 71.
- 299 - Там же.
- 300 - Там же, стр. 72.

301 - Там же, стр. 72. Слова в скобках принадлежат епископу Игнатию.

302 - Там же.

303 - Там же.

304 - Там же.

305 - Там же, стр. 73.

306 - Алфавитный Патерик и Достопамятные сказания.

307 - Соч., т. 5, стр. 73.

308 - Там же.

309 - Там же.

310 - Алфавитный Патерик, буква Ф.

311 - Четьи Минеи, июль 9-й день.

312 - Соч., т. 5, стр. 74.

313 - Там же и Алфавитный Патерик.

314 - Там же, стр. 75.

315 - Соч., т. 2, стр. 491.

316 - О ревности плотской и духовной см. Соч., т. 5, стр. 275,

278

317 - Соч., т. 1, стр. 491.

318 - Там же, стр. 54–56.

319 - Соч., т. 5, стр. 71.

320 - Там же, стр. 75.

321 - Там же.

322 - Там же, стр. 76.

323 - Там же, стр. 78 и Добротолюбие, т. 1, гл. 33.

324 - Там же, стр. 76, 77.

325 - Там же.

326 - Отшельник – подвижник, проводящий жизнь в полном одиночестве в пустыне. Затворник – подвижник, живущий безвыходно в уединенном помещении какой-либо обители.

327 - Соч., т. 5, стр. 55–56.

328 - Там же, стр. 43.

329 - Там же, стр. 70.

- 330 - Там же.
- 331 - Там же.
- 332 - Там же, стр. 54.
- 333 - Там же, стр. 298.
- 334 - Там же, стр. 40.
- 335 - Соч., т. 1, стр. 494.
- 336 - Там же, стр. 495.
- 337 - Там же.
- 338 - Соч., т. 5, стр. 40.
- 339 - Соч., т. 1, стр. 485.
- 340 - Там же.
- 341 - Там же, стр. 493.
- 342 - Соч., т. 5, стр. 25.
- 343 - Слова в скобках вставлены еп. Игнатием для
пояснения.
- 344 - Соч., т. 5, стр. 25–26 и “Достопамятные сказания...”
- 345 - Там же, стр. 26 и Алфавитный Патерик.
- 346 - Там же.
- 347 - Там же, стр. 27 и “Руководство”, отв. 256, 258.
- 348 - Соч., т. 1, стр. 475.
- 349 - Там же, стр. 294.
- 350 - Соч., т. 5, стр. 318.
- 351 - Соч., т. 1, стр. 475.
- 352 - Там же, стр. 474.
- 353 - Соч., т. 5, стр. 316 и Алфавитный Патерик.
- 354 - Там же и творения св. Тихона, т. 1, 7-е наставление.
- 355 - Там же, стр. 41 и Пролог, июля 22-го дня.
- 356 - Там же, стр. 41–42.
- 357 - Там же, стр. 317–318.
- 358 - Там же.
- 359 - Соч., т. 1, стр. 474 (Слова в скобках вставлены автором
данной работы).
- 360 - Там же.

- 361 - Там же, стр. 476.
362 - Соч., т. 5, стр. 282–283.
363 - Там же, стр. 283–285.
364 - Там же, стр. 285–286.
365 - Там же, стр. 282.
366 - Там же, стр. 287.
367 - Там же, стр. 289.
368 - Там же, стр. 290 и св. Исаак Сирский, слово 1-е.
369 - Там же, стр. 290.
370 - Там же.
371 - Там же и св. Исаия Отшельник, слово 1-е.
372 - Там же, стр. 290.
373 - Там же, стр. 291–293.
374 - Там же.
375 - Там же, стр. 350.
376 - Там же.
377 - Там же, стр. 347.
378 - Там же, стр. 346.
379 - Там же, стр. 346–347.
380 - Там же.
381 - Там же, стр. 347.
382 - Там же, стр. 349.
383 - Там же, стр. 348, 349 и “Лествица”, Прибавление к 3-му слову
384 - Там же, стр. 347–349.
385 - Там же, стр. 347–348.
386 - Там же, стр. 348.
387 - Соч., т. 2, стр. 157.
388 - Там же, стр. 157.
389 - Там же.
390 - Об этом подробнее уже было сказано во 2-й главе II ч. данной работы в разделе “Необходимость откровения помыслов старцу”.

³⁹¹ - Соч., т. 2, стр. 260.

³⁹² - Соч., т. 1, стр. 210.

³⁹³ - Там же, стр. 270 и Исаак Сирский, Слово 16. В приведенной цитате слово “благоволению” прибавлено еп. Игнатием для более точного выражения мысли св. Исаака Сирского.

³⁹⁴ - Статьи эти следующие: т. 1, стр. 205–297, “Об Иисусовой молитве” (Беседа старца с учеником); т. 1, стр. 305, “Доказательство воскресения тел человеческих, заимствованное из действия умной молитвы”; т. 2, стр. 202–232, “Слово о молитве умной, сердечной и душевной”; т. 2, стр. 233–243 “Слово о молитве Иисусовой”; т. 5, стр. 107–109 “О молитве Иисусовой”; т. 5, стр. 110–111 “О упражнении молитвою Иисусовою”; т. 5, стр. 114–117 “О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной”.

³⁹⁵ - Соч., т. 2, стр. 234.

³⁹⁶ - Там же, стр. 235.

³⁹⁷ - Соч., т. 5, стр. 108–109.

³⁹⁸ - Соч., т. 1, стр. 214.

³⁹⁹ - Соч., т. 2, стр. 235–236.

⁴⁰⁰ - Там же, стр. 237 и Четьи Минеи, декабрь, 20 день.

⁴⁰¹ - Там же.

⁴⁰² - Там же, стр. 237–238.

⁴⁰³ - Там же, стр. 238 и Четьи Минеи, сентябрь, 27 день.

⁴⁰⁴ - Там же, стр. 238.

⁴⁰⁵ - Там же.

⁴⁰⁶ - Там же, стр. 254.

⁴⁰⁷ - Там же.

⁴⁰⁸ - Там же, стр. 252.

⁴⁰⁹ - Там же и Руководство к духовной жизни. Отв. 181.

⁴¹⁰ - Там же, стр. 242.

⁴¹¹ - Там же, стр. 235.

⁴¹² - Там же.

⁴¹³ - Там же, стр. 217.

⁴¹⁴ - Там же, стр. 243. Епископ Игнатий свидетельствует, что пребывание бесов в человеке бывает двоякое: 1) чувственное и 2) нравственное. Чувственно пребывает нечистая сила в человеке, когда существом своим, по попущению Божию, вселяется в тело человека и мучит душу и тело. В человеке может жить один бес и многие. Такой человек называется беснующимся. Нравственно пребывает нечистая сила в человеке, когда человек становится исполнителем воли диавола. В этом положении находятся все неверные, в большей или меньшей степени, христиане, отчуждившиеся от Христа согрешениями (там же).

⁴¹⁵ - Соч., т. 2, стр. 245.

⁴¹⁶ - Соч., т. 5, стр. 116.

⁴¹⁷ - Соч., т. 2, стр. 243.

⁴¹⁸ - Там же, стр. 251–252.

⁴¹⁹ - Там же, стр. 251.

⁴²⁰ - Там же.

⁴²¹ - Там же, стр. 276.

⁴²² - Там же.

⁴²³ - При изложении учения святых отцов автор придерживается порядка, избранного преосвященным Игнатием.

⁴²⁴ - Соч., т. 2, стр. 262 и “Лествица”, Слово 28, гл. 17, 19.

⁴²⁵ - Там же и “Лествица”, Слово 4.

⁴²⁶ - Там же.

⁴²⁷ - Там же.

⁴²⁸ - Там же, стр. 263 и “Лествица”, Слово 28, гл. 51.

⁴²⁹ - Там же.

⁴³⁰ - Там же и “Лествица”, Слово к пастырю, гл. 14.

⁴³¹ - Непосредственно после цитаты св. Иоанна Лествичника еп. Игнатий приводит несколько выдержек из творений св. Исаака Сирского (из 8-го и 2-го Слова) и Слова прп. Варсонофия (отв. 115). Эти выдержки приведены Владыкой для разъяснения слов св. Иоанна Лествичника и не имеют характера специального учения об Иисусовой молитве, поэтому мы опустили их.

⁴³² - Слово “почувение” является отглагольным существительным от глагола “почути” (разуметь, узнать, постигнуть). В данном предложении слово почувение означает постижение. Т. о., “прилежати к гортанному почувению” значит: “стремиться всегда к постижению того, что произносится голосом”.

⁴³³ - Соч., т. 2, стр. 266 и “Цветник”, поучение 32.

⁴³⁴ - Весьма редкие получают соединение ума с сердцем вскоре после начала молитвенного подвига; обыкновенно нужны многие годы между началом подвига и благодатным соединением ума с сердцем; мы должны доказать искренность нашего произволения постоянством и долготерпением (Примечание еп. Игнатия, т. 2, стр. 237).

⁴³⁵ - Соч., т. 2, стр. 267 и наставление 32.

⁴³⁶ - Презорливый – гордый, надменный.

⁴³⁷ - Соч., т. 2, стр. 267–268 и наставление 29. Слова в скобках принадлежат еп. Игнатию.

⁴³⁸ - Соч., т. 2, стр. 268 и наставление 4.

⁴³⁹ - Там же и наставление 2.

⁴⁴⁰ - Там же и наставление 1 и 6.

⁴⁴¹ - Там же.

⁴⁴² - Там же, стр. 270 и “Лествица”, Слово 28, гл. 56.

⁴⁴³ - Там же, стр. 276–277.

⁴⁴⁴ - Там же, стр. 279.

⁴⁴⁵ - Там же.

⁴⁴⁶ - Там же, стр. 280.

⁴⁴⁷ - Там же.

⁴⁴⁸ - Там же, стр. 280, 281.

⁴⁴⁹ - Там же.

⁴⁵⁰ - Там же.

⁴⁵¹ - Там же.

⁴⁵² - Там же, стр. 281–282

⁴⁵³ - Там же.

⁴⁵⁴ - Там же, стр. 282–283.

- 455 - Там же, стр. 283.
456 - Там же.
457 - Там же, стр. 283–284.
458 - Там же.
459 - Там же.
460 - Там же.
461 - Там же, стр. 284.
462 - Там же, стр. 285.
463 - Там же, стр. 285–286.
464 - Там же, стр. 287.
465 - Там же.
466 - Там же.
467 - Там же, стр. 287–288.
468 - Там же.
469 - Там же.
470 - Техническое монашеское слово – прим. еп. Игнатия.
471 - Соч., т. 2, стр. 288–289.
472 - Там же.
473 - Соч., т. 2, стр. 290–291.
474 - Там же, стр. 302–303.
475 - Там же, стр. 303–304.
476 - Там же.
477 - Там же, стр. 301.
478 - Там же, стр. 301–302 и наставление 29.
479 - Соч., т. 1, стр. 217.
480 - Там же.
481 - Там же, стр. 223.
482 - Там же, стр. 220.
483 - Соч., т. 2, стр. 305–306.
484 - Соч., т. 1, стр. 220–221.
485 - Там же, стр. 222.
486 - Там же, стр. 206. Это сведение еп. Игнатий получил в 1866 г. от самого собеседника прп. Серафима, тогда уже

архимандрита Никона.

⁴⁸⁷ - Соч., т. 1, стр. 205.

⁴⁸⁸ - Последование “малого образа, еже есть мантия”. Киев, 1855, гл.9.

⁴⁸⁹ - Соч., т. 1, стр. 210–211.

⁴⁹⁰ - Следованная Псалтирь, М., 1800 г.

⁴⁹¹ - Соч., т. 5, стр. 110.

⁴⁹² - Соч., т. 2, стр. 258.

⁴⁹³ - Там же, стр. 216–217.

⁴⁹⁴ - Соч., т. 1, стр. 225–226.

⁴⁹⁵ - Там же.

⁴⁹⁶ - О содействии смиренномудрых помыслов в молитве пишут св. Симеон Новый Богослов в первом Слове, св. Исаак Сирский, св. Исаия Отшельник и др. отцы (Прим. еп. Игнатия, т. 1, стр. 279).

⁴⁹⁷ - Одно из рукописных жизнеописаний данный случай относит к жизни самого еп. Игнатия.

⁴⁹⁸ - Соч., т. 1, стр. 278–279.

⁴⁹⁹ - Там же, стр. 279–280.

⁵⁰⁰ - Там же.

⁵⁰¹ - Соч., т. 2, стр. 259.

⁵⁰² - Соч., т. 1, стр. 227.

⁵⁰³ - Там же.

⁵⁰⁴ - Там же, стр. 224.

⁵⁰⁵ - Там же, стр. 225

⁵⁰⁶ - Там же, стр. 226–227 и “Слово о трех образах внимания и молитвы”. На первой ступени, по учению св. Симеона, инок должен подвизаться в укрощении страстей, на 2-й – упражнению в псалмопении, т. е. молитве устной, на 3-й – занятию молитвой умной – умом в сердце; на 4-й инок должен восходить к видению (там же).

⁵⁰⁷ - Соч., т. 1, стр. 211–212.

⁵⁰⁸ - Там же.

⁵⁰⁹ - Там же.

- 510 - Там же, стр. 273.
- 511 - Там же.
- 512 - Там же.
- 513 - Там же.
- 514 - К необходимым внутренним условиям при совершении умного делания еп. Игнатий относит и благоговение (т. 1, стр. 225).
- 515 - Соч., т. 1, стр. 228.
- 516 - Соч., т. 2, стр. 219.
- 517 - Соч., т. 1, стр. 228.
- 518 - Там же, стр. 228–229.
- 519 - Там же.
- 520 - Соч., т. 2, стр. 256.
- 521 - Соч., т. 5, стр. 117.
- 522 - Там же, стр. 114.
- 523 - Там же, стр. 117.
- 524 - Соч., т. 2, стр. 293–294.
- 525 - К одной больной инокине Владыка писал:
«Препровождаю Вам краткую статью о молитве Иисусовой. По болезненности Вашей Вам должно подвизаться лежа или сидя на спокойном стуле. Молитву произносите неспеша, со вниманием, заключая ум в слова молитвы, имея глаза на устах или закрывая их»
- 526 - Соч., т. 2, стр. 292.
- 527 - Соч., т. 1, стр. 283 и Достопамятные сказания М., 1845, стр. 201, гл. 62.
- 528 - Там же
- 529 - Там же.
- 530 - Там же.
- 531 - Там же, стр. 284–285. О подобном же старце еп. Игнатий пишет во 2-м т., стр. 292.
- 532 - Там же.
- 533 - Там же.
- 534 - Там же, стр. 284.

535 - Там же, стр. 285 и св Ефрем Сирский, Слово 106 (по славянскому тексту).

536 - Соч., т. 1, стр. 285.

537 - Соч., т. 2, стр. 297. Подобные мысли высказаны Владыкой в «Беседе старца с учеником о молитве Иисусовой». Епископ Игнатий влагает в уста старца следующие слова: «Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного, не усиливайся тщетно объяснить себе, что значит место сердечное: удовлетворительно объяснится это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотской человек»

538 - У Симеона Нового Богослова, Никифора Монашествующего, у Ксанфопулов.

539 - Соч., т. 5, стр. 114–115.

540 - Там же.

541 - Соч., т. 2, стр. 297.

542 - Там же.

543 - Там же.

544 - Все сведения о вещественной теплоте и ее действии заимствованы из 2-го тома, стр. 294–296.

545 - Соч., т. 1, стр. 296–297.

546 - Там же.

547 - Там же.

548 - Соч., т. 1, стр. 293.

549 - Учение о первоначальных плодах изложено еп. Игнатием в 1-м томе, стр. 292–293.

550 - Там же.

551 - Соч., т. 1, стр. 233.

552 - Соч., т. 2, стр. 199.

553 - Там же, стр. 199–200.

554 - Там же.

555 - Там же, стр. 220.

⁵⁵⁶ - Серафим (Чичагов), умер 1939 г.), впоследствии митрополит Ленинградский.

⁵⁵⁷ - Обращение высокопреосв. Серафима, архиеп. Тверского и Кашинского к духовенству епархии. Тверь, 1915.

⁵⁵⁸ - "Ж.М.П." 1967 г. № 5. Михаил, архиеп. Ставропольский и Бакинский. Еп. Игнатий (Брянчанинов).